

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы постсоветского пространства

Научный журнал

Т. 13, № 1
2026

Post-Soviet Issues

Scientific journal

Vol. 13, № 1
2026

Проблемы
постсоветского
пространства

Научный журнал

Т. 13, № 1
2026

Post-Soviet Issues

Scientific journal

Vol. 13, № 1
2026

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Научный журнал «Проблемы постсоветского пространства» входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 18 июля 2019 г.) по следующим специальностям:

- 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.4 — Международные отношения, глобальные и региональные исследования
- 5.2.5. — Мировая экономика (экономические науки)
- 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д. п. н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- **Анджей Вержбицки**, д. п. н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- **Светлана Михайловна Гаврилова**, к. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Елена Геннадьевна Гарбузарова**, д. п. н., Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
- **Майкл Глянц**, Университет Колорадо, США
- **Олег Евгеньевич Гришин**, к. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Лукаш Донай**, д. п. н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- **Андрей Вячеславович Ишин**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Леонид Александрович Карабешкин**, к. п. н., Евро-академия, Таллин, Эстония
- **Балташ Нурмухамбетович Каринов**, д. п. н., Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан

- **Олег Геннадьевич Карпович**, д. п. н., д. ю. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Геннадий Владимирович Косов**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Андрей Геннадьевич Костяной**, д. ф.-м. н., Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- **Елена Михайловна Кузьмина**, к. п. н., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия
- **Зульфия Махмаднabi Курбонова**, д. п. н., Международный университет туризма и предпринимательства, Душанбе, Таджикистан
- **Рустам Мамедов**, д. ю. н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан
- **Алексей Михайлович Мастепанов**, д. э. н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия
- **Николай Павлович Медведев**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д. п. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархомчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д. э. н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Сергей Борисович Филимонов**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Динь Ле Хонг Занг**, к. п. н., Центр изучения России и стран СНГ при Институте европейских и американских исследований Вьетнамской академии общественных наук, Вьетнам
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д. ф. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к. и. н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Александр Андреевич Шириняни**, д. п. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Нарцисс Шукуралиева**, д. п. н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Андрей Юрьевич Шутов**, д. и. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Владимир Владимирович Штоль**, д. п. н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
- **Валерий Теодорович Юнгблюд**, д. э. н., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2014 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57418 от 27 марта 2014 г. — печатное издание)
ISSN	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель:	Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»
Адрес издателя и редакции:	127576, Москва, ул. Абрамцевская, д. 8А
Типография:	ООО «Издательство "Триада"»: пр-т Чайковского, 9, оф. 514, Тверь, 170034, Российская Федерация
Тираж:	500 экземпляров
Сайт:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Подписано в печать:	30.03.2026
Стоимость одного выпуска:	свободная цена
Подписной индекс:	в каталогах «Урал-Пресс» — 41291
© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0 бесплатно.	

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

Academic periodic journal «Post-Soviet Issues» is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on July 18, 2019).

- 5.5.2. — Political Institutions, Processes, Technologies (Political sciences)
- 5.5.4. — International Relations, global and regional studies
- 5.2.5. — World Economy (Economic sciences)
- 5.6.7. — History of International Relations and Foreign Policy (Historical sciences).

CHIEF EDITOR

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan
- **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland
- **Sergey B. Filimonov**, Doctor of History V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
- **Svetlana M. Gavrilova**, PhD in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Elena G. Garbuzarova**, Doctor of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA
- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Dinh Le Hong Giang**, PhD in Political Science, Centre for Russian and CIS Studies, Institute for European and Americas Studies, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam
- **Andrej V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia
- **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan
- **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Andrej G. Kostyanoy**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia
- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan
- **Nikolai P. Medvedev**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Zulfiya M. Qurbonova**, Doctor of Political Science, International University of Tourism and Entrepreneurship, Dushanbe, Tajikistan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Alexander A. Shirinyants**, Doctor of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Andrey Y. Shutov**, Doctor of History, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Vladimir V. Shtol**, Doctor of Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Valery T. Yungblud**, Doctor of Economic Science, Vyatka State University, Kirov, Russia

ISSN:	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Publication Frequency:	Quarterly
Founder:	Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis "The Centre of regional research"
Publisher's address:	Moscow, 127576, Abramzevskaja str. 8A
Printing house:	Publishing House Triada, Ltd. Address: 9, office 514, Tchaikovsky ave., Tver, 170034, Russian Federation
Number of Copies:	500
Web-site:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Signed for printing:	30.03.2026
Price for a copy:	open price
Index for subscription:	In catalogues of Ural press: 41291
© "Post-Soviet Issues". All materials are distributed under CC BY 4.0 free of charge.	

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Политика Китая в отношении Евразийского экономического союза.....	8
<i>Сергей С. Жильцов</i>	
Анализ китайско-украинского сотрудничества в аграрном секторе.....	21
<i>Константин П. Курылев, Тянь Цзе</i>	
Трансформация внешнеполитической стратегии Исламской Республики Иран на Южном Кавказе.....	42
<i>Григорий А. Синдревич</i>	

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Искусственный интеллект в экономической политике постсоветских стран: возможности и ограничения.....	54
<i>Александр А. Уланов</i>	

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Основные тенденции внутривнутриполитической жизни Республики Молдова в контексте президентских и парламентских выборов 2020–2025 гг. и региональных процессов.....	64
<i>Александр В. Гуцин</i>	

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Влияние американского изоляционизма на экономическое развитие России после кризиса 2008 года.....	77
<i>Чжу Минян</i>	

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

China's policy towards the Eurasian Economic Union.....	8
<i>Sergey S. Zhiltsov</i>	
Analysis of Chinese-Ukrainian cooperation in the agricultural sector.....	21
<i>Konstantin P. Kurylev, Tian Jie</i>	
Transformation of the Foreign Policy Strategy of the Islamic Republic of Iran in the South Caucasus.....	42
<i>Grigorii A. Sindrevich</i>	

ECONOMY

Artificial Intelligence in Economic Policy of Post-Soviet Countries: Opportunities and Limitations.....	54
<i>Alexander A. Ulanov</i>	

POLITICS

Main trends in the domestic political life of the Republic of Moldova in the context of the presidential and parliamentary elections of 2020–2025 and regional processes.....	64
<i>Alexander V. Gushchin</i>	

HISTORY AND RELIGION

The Influence of American Isolationism on the Economic Development of Russia after the 2008 crisis.....	77
<i>Zhu Mingyang</i>	

Политика Китая в отношении Евразийского экономического союза

Сергей С. Жильцов

Дипломатическая академия МГИМО МИД России, Москва, Россия;

serg.serg56@mail.ru

Аннотация: в статье исследуется эволюция политики Китая в отношении Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В условиях нарастания противоречий в мировой политике и обострения экономических проблем, расширение взаимодействия с интеграционным объединением отвечало интересам Китая, который так же, как и Россия, нуждался в реализации дополнительных мер, способных поддержать его экономическое развитие. В статье анализируется позиция китайской стороны в отношении интеграционного объединения, которое представляло значительный интерес с точки зрения продвижения экономических интересов. Большое внимание уделено анализу основных документов, которые легли в основу последующего взаимодействия Китая с ЕАЭС. В политике Китая в отношении ЕАЭС выявлен многоуровневый характер отношений. Пекин проводит политику в отношении ЕАЭС, как объединения, и одновременно, реализует курс на расширение отношений с отдельными странами, которые входят в его состав. Основное внимание Пекин уделяет России, как наиболее экономически развитому члену интеграционного объединения. Установлено, что Пекин использовал заинтересованность России в получении дополнительных возможностей в решении экономических проблем, которые возникли после введения санкционной политики со стороны Запада. Сделан вывод, что для России, которая с 2014 года находится под санкционным воздействием коллективного Запада, расширение сотрудничества интеграционного объединения с Китаем приобрело особое значение. В итоге, Китай реализовал поставленные задачи, расширив взаимодействие как с ЕАЭС, так и с отдельными его членами. В статье использован системный анализ, который позволил раскрыть политику Китая в отношении ЕАЭС.

Ключевые слова: Китай, Евразийский экономический союз, Россия, Экономический пояс Шелкового пути, США, ЕС

Для цитирования: Жильцов С.С. Политика Китая в отношении Евразийского экономического союза. *Проблемы постсоветского пространства*. 2026;13(1):8-20. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-8-20>

Поступила 14.01.2026

Принята в печать 15.02.2026

Опубликована 30.03.2026

China's policy towards the Eurasian Economic Union

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of MGIMO of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia,
serg.serg56@mail.ru

Abstract: the article examines the evolution of China's policy towards the Eurasian Economic Union (EAEU). Amid growing contradictions in global politics and worsening economic problems, expanding cooperation with the integration association was in Beijing's interests. Like Russia, China needed additional measures to support its economic development. In this context, the research analyzes China's position on the integration bloc, which was of significant interest in advancing Chinese economic goals. Special attention is paid to reviewing the key documents that formed the basis for Beijing's subsequent interaction with the EAEU. China's policy concerning the association reveals the multi-layered nature of its relations. Beijing pursues a policy regarding the EAEU as a group while simultaneously implementing a course towards expanding ties with individual member countries. Beijing focuses primarily on Moscow, the most economically developed member of the format. It is highlighted that China used Russia's interest in gaining additional opportunities to address the economic problems that arose following the imposition of Western sanctions. The research concludes that for Russia, which has been under Western restrictions since 2014, expanding cooperation between the integration association and China has acquired particular significance. Ultimately, Beijing has achieved its stated objectives, broadening ties both with the EAEU and with its individual members. The article uses a systems analysis to reveal China's policy towards the EAEU.

Keywords: China, Eurasian Economic Union, Russia, Silk Road Economic Belt, US, EU

For citation: Zhiltsov S.S. China's policy towards the Eurasian Economic Union. *Post-Soviet Issues*. 2026;13(1):8–20. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-8-20>

Received 14.01.2026

Revised 15.02.2026

Published 30.03.2026

ВВЕДЕНИЕ

После подписания документов о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) (2014 г.) и начала его работы с 2015 года, Китай проявлял повышенный интерес к интеграционному объединению. При этом изначально политика Китая в отношении ЕАЭС выстраивалась исходя из потенциала каждого отдельного

участника в интеграционном объединении, прежде всего, его экономических возможностей.

ЕАЭС воспринимался Китаем в качестве интеграционного объединения, где доминирующую роль играет Россия. Соответственно, этим фактором определялось повышенное внимание к российской стороне. Другие страны, например, Белоруссия и Казахстан рассматривались в качестве важных участников ЕАЭС, с которыми Пекин намерен был продолжать или реализовывать новые крупные инфраструктурные проекты, но исключительно на двусторонней основе.

В политике Китая в отношении ЕАЭС преобладала экономическая составляющая, нежели политические факторы. Для китайской стороны было важно получать экономические преференции, позволяющие решать собственные задачи. В то же время, для Китая ключевым аспектом выступала геополитическая составляющая в деятельности ЕАЭС, поскольку функционирование интеграционного объединения изначально было направлено на укрепление позиций России на постсоветском пространстве, снижение возможности для внерегиональных акторов усиливать влияние на отдельные страны. В частности, в 2014 году правительствами России и Китая был создан Комитет по инвестиционному сотрудничеству для развития китайско-российского инвестиционного сотрудничества.

ФОРМИРОВАНИЕ КИТАЕМ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЕАЭС

Практически сразу после начала деятельности ЕАЭС Китай стал налаживать взаимодействие с интеграционным

объединением, формулируя основные принципы своей политики.

В мае 2015 года состоялись переговоры между Китаем и Россией, в ходе которых обсуждались вопросы углубления всеобъемлющего стратегического партнерства в продвижения взаимовыгодного сотрудничества. Переговоры о расширении сотрудничества с Китаем проводились на основании решения Высшего Евразийского экономического совета, принятого 8 мая 2015 года. В них принимали участие представители Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), национальных правительств государств союза, а также эксперты и официальные представители китайских ведомств.

Было принято совместное заявление о сотрудничестве между Экономическим поясом Шелкового пути и ЕАЭС, прежде всего, в энергетической, транспортной, авиационной, финансовой, медиа и других отраслях¹. Обсуждение Китаем комплекса вопросов сотрудничества с ЕАЭС именно с Россией было продиктовано ролью российской экономики в развитии интеграционного объединения. Для Китая было важно заложить основы для реализации своей политики в отношении ЕАЭС, опираясь, прежде всего, на Россию. В свою очередь, российская сторона в 2016 году выдвинула концепцию «Большого Евразийского партнерства». Она стала «ответом на китайскую стратегию, одновременно признавая необходимость сотрудничества и предотвращая асимметрию в отношениях» [1].

Одним из ключевых направлений политики Китая в отношении ЕАЭС выступала энергетическая сфера. При этом, в силу доминирования России в этой сфере в интеграционном объединении, Пекин

¹ Xi Jinping Holds Talks with President Vladimir Putin of Russia. 08.05.2015. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/zyxw/202405/t20240530_11322948.html (дата обращения: 07.01.2026)

основное внимание уделял российскому направлению. Впервые Китай заговорил о проведении целенаправленной энергетической политики 8 мая 2015 года в ходе двусторонних переговоров с Владимиром Путиным. Тогда главы государств присутствовали при подписании ряда договоров о сотрудничестве в энергетической отрасли. В середине того же года министр иностранных дел Ван И отметил, что «лидеры КНР и РФ решили ускорить сотрудничество в крупных стратегических проектах в энергетике».

В декабре 2015 года китайская сторона подчеркивала, что «в условиях мирового снижения цен на сырье Китай готов сотрудничать с Россией, чтобы углублять сотрудничество в области энергетических ресурсов»². Были подписаны двусторонние документы о сотрудничестве в сфере энергетики. В 2016 году были подписаны новые документы о сотрудничестве в энергетической сфере.

В целом, энергетическая политика Китая в отношении ЕАЭС распадалась на отдельные составляющие, которые реализовывались в отношении членов интеграционного объединения. Политика Пекина была сосредоточена на развитии двусторонних отношений со странами-членами ЕАЭС. В сентябре 2016 года Си Цзиньпин вновь подчеркивал, что Китай намерен углублять сотрудничество в области энергетики и ресурсов. Наибольшее внимание Китай по-прежнему уделял России. В апреле 2017 года китайская сторона акцентировала внимание на «необходимости активного продвижения проекта газопровода «Восточный маршрут» и проекта «Ямал СПГ», укрепления сотрудничества в области добычи и переработки

нефти и газа,» газовой энергетики и топлива для газовых двигателей, чтобы добиться лучших результатов в энергетическом сотрудничестве между двумя странами». Затем, в 2019 году был запущен в эксплуатацию газопровод «Сила Сибири-1».

Неотъемлемой составляющей политики Китая в отношении ЕАЭС выступало инвестиционное сотрудничество. С самого начала китайские инвестиции рассматривались Пекином в качестве ключевого механизма влияния на страны, входящие в интеграционное объединение, способствуя проникновению китайского капитала в крупные, и зачастую, стратегически важные отраслевые проекты. Однако китайским инвесторам не сразу дали возможности для укрепления позиций в странах-участниках интеграционного объединения.

В июле 2015 года, на заседании Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) Китай добился прогресса, запустив Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Новый банк развития (НБР). Также удалось прийти к компромиссу по ускорению темпов сотрудничества в крупных стратегических проектах в области финансов, энергетики, высокоскоростных железных дорог, электроэнергетики, аэрокосмической отрасли и авиации.

В том же году, в ходе встречи глав правительств КНР и РФ, китайская сторона подчеркивала, что «готова сотрудничать с российской стороной, сделав сотрудничество в области производственных мощностей и машиностроения новым направлением роста, эффективно реализовывать ключевые проекты сотрудничества, повышать инвестиционную активность,

² Терентьева А. Российский ТЭК становится китайским. 17.12.2015. <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/12/17/621448-rossiiskii-tek-stanovitsya-kitaiskim> (дата обращения: 23.12.2025)

углублять сотрудничество в области налогового и финансового права, аэрокосмической отрасли, авиации, сельского хозяйства, военной техники и других областях, чтобы интенсифицировать и улучшить практическое сотрудничество между Китаем и Россией»³. Главным итогом встречи стало определение программы развития двусторонних отношений РФ и КНР в рамках ЕАЭС и ОПОП.

В ходе последующих встреч стороны обсуждали итоги инвестиционного сотрудничества в различных областях, определив новые проекты инвестиционного сотрудничества. Были достигнуты договоренности о согласовании проектов в рамках инициативы «Один пояс – Один путь» и ЕАЭС, использовании взаимодополняющих преимуществ сторон в таких областях, как ресурсы, рынки, технологии, капитал и кадры. Стороны строили совместные планы по совместному освоению рынков третьих стран для расширения двустороннего инвестиционного сотрудничества.

Китай проводил целенаправленную инвестиционную политику. Она была направлена на ключевые отрасли российской экономики. Государственные и частные круги Поднебесной ставили своей целью получения доступа к наиболее привлекательным активам на российском рынке. Целью являлось получение влияния в принятии экономических решений в пользу КНР, а также для развития инфраструктуры с возможностью её дальнейшей эксплуатации. При этом Россия не имела четкой инвестиционной стратегии в отношении КНР. К тому же ее финансовые

потоки были в десятки раз меньше китайских. Основными инвесторами на китайском рынке выступают российские ТНК, которые проводят «точечную» инвестиционную политику.

Для проведения инвестиционной политики в отношении остальных членов ЕАЭС Китай в 2015 году осуществил запуск Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). В состав учредителей и участников банка вошли Россия, Казахстан и Кыргызстан.

В целом, Китай продвигал идеи, которые предполагали более широкое и всеобъемлющее сотрудничество между китайским рынком и рынком ЕАЭС. Для реализации намеченных планов китайская сторона инициировала обсуждение сотрудничества с президентами Белоруссии и Казахстана с целью подписания соглашений по всеотраслевому экономическому развитию. Встреча с президентом Белоруссии прошла 2 сентября 2015 года. Китайская сторона подчеркивала, что «стороны должны совместно прилагать усилия для скорейшего получения прибыли от строительства Экономического пояса Шелкового пути и развивать двустороннее всестороннее сотрудничество»⁴. Через год (2 сентября 2016 года) лидер Китая Си Цзиньпин провел переговоры с президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым. В ходе встречи китайский лидер подчеркнул, что Китай и Казахстан должны всесторонне продвигать строительство «Пояса и пути» и совместно эффективно реализовывать План китайско-казахстанского сотрудничества по взаимодействию

³ Посол КНР: китайско-российские отношения достигли самого высокого уровня за всю их историю. 11.12.2015. <https://www.interfax.ru/interview/484400?ysclid=ms624iaha2828692073> (дата обращения: 23.12.2025)

⁴ Xi Jinping Meets with President Alexander Lukashenko of Belarus. 02.09.2015. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/3265_665445/3140_664302/3142_664306/202406/t20240611_11419715.html (дата обращения: 07.01.2026)

в рамках строительства Экономического пояса Шелкового пути и Новой экономической политики «Светлого пути». Речь шла о расширении сотрудничества в области энергетики и ресурсов, торговли, в культурной сфере и гуманитарном сотрудничестве. Для Китая было важно расширить сотрудничество с Казахстаном, упростив торговые и инвестиционные процедуры для китайской стороны⁵.

В целом, Китай стремился расширять взаимодействие со странами ЕАЭС, прежде всего, в торгово-экономической сфере. Результатом стало увеличение товарооборота. Так, в 2017 году торговый оборот между Китаем и странами ЕАЭС возрос и составил 102,7 млрд. долл.⁶ Рост товарооборота Китая со странами, входящими в интеграционное объединение, пришелся на период, когда Пекину было важно поддерживать собственную экономику и продвигать свои интересы в странах, которые входили в формирующийся ЕАЭС.

НОВЫЙ ЭТАП

Прорывом для Китая стало подписание 17 мая 2018 года многостороннего «Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР» [2]. Оно вступило в силу 25 октября 2019 года [3].

Документ стал первым крупным международным соглашением ЕАЭС, включающий в себя одновременно торговое и инвестиционное сотрудничество, развитие инфраструктуры и логистики, обмен опытом и технологиями, а также содействие развитию малому и среднему бизнесу. Данный договор формировал модель отношений, которая отвечала интересам Китая.

Документ закрепил существующий торговый дисбаланс в отношении ЕАЭС, позволив китайскому технологическому импорту постепенно заполнять рынки стран ЕАЭС своей продукцией. Также документ обозначил «переход от соперничества к институционализированному взаимодействию» [4].

Пекин стремился использовать прежде всего торгово-экономические форматы для взаимодействия с ЕАЭС. Отличительной особенностью подписанного документа было то, что Соглашение не носило преференциального характера. В нем не была зафиксирована отмена существующих пошлин или снижение нетарифных барьеров. Главная задача документа состояла в том, чтобы обеспечить прозрачность экономического регулирования. Исходя из этого, и были «прописаны механизмы взаимодействия между различными экономическими субъектами сторон» [5]. Так, в статье 1.2 подчеркивалось «создание основы для дальнейшего развития экономических отношений путем обеспечения сотрудничества и упрощения взаимодействия» [5].

В итоге, подписав данное соглашение, Китай рассчитывал создать правовые основы в сфере торговли с ЕАЭС с учетом правил ВТО. Китайская сторона намеревалась получить дополнительные возможности для продвижения своих интересов в Евразии посредством создания трансконтинентального экономического пространства, основанного на торговле и инвестициях из Пекина.

Китай учитывал в своей политике заинтересованность России к расширению

⁵ Xi Jinping Holds Talks with President Nursultan Nazarbayev of Kazakhstan. 02.09.2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjlb/zjzg_663340/dozys_664276/xwlb_664278/202406/t20240606_11394620.html (дата обращения: 07.01.2026)

⁶ ЕАЭС и Китай: риски сопряжения. 18.10.2018. <https://365info.kz/2018/10/eaes-i-kitaj-riski-sopryazheniya/> (дата обращения: 06.01.2026)

взаимодействия, поскольку отношения Москвы и Запада стремительно ухудшались. Отражением нарастания китайского присутствия на рынках стран ЕАЭС стало изменение торгового баланса. В период 2015–2017 годов наблюдалось положительное сальдо торгового баланса в пользу ЕАЭС. Это было связано с ориентацией интеграционного объединения на поставки ресурсов и ограниченным присутствием китайских товаров. В итоге, экспорт из стран ЕАЭС преобладал над импортом из Китая. В 2017 году положительное сальдо торгового баланса ЕАЭС оценивалось в 12,1 млрд. долларов. Однако уже в 2018 году был зафиксирован торговый дефицит в размере 400 млн. долларов. В 2019 году у ЕАЭС наблюдается торговый дефицит в 900 млн. долларов, в 2020 – уже 6,7 млрд. долларов, в 2021 – 8,1 млрд. долларов.

С этого периода фиксируется постепенное превалирование китайского экспорта в страны ЕАЭС. Примечательно, что в 2019 году Тигран Саркисян, в тот период председатель Коллегии ЕЭК, оценивая риски возрастающей зависимости стран интеграционного объединения от Китая, подчеркивал, что «активное вовлечение стран ЕАЭС в проекты китайского проекта «Один пояс, один путь» нельзя назвать «колонизацией», однако, риски значительного роста зависимости от КНР существуют»⁷.

ПОЛИТИКА КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

К 2020 году политика Китая в отношении ЕАЭС приобрела четкие очертания.

Пекин реализовывал свою политику с каждым из участников интеграционного объединения, пытаясь усиливать свое присутствие на национальных рынках. При этом сами страны ЕАЭС, хотя и видели в Китае привлекательного партнера не торопились открывать ему свои рынки, поскольку к тому времени еще «не созрели условия для такой открытости»⁸.

Китай стремился использовать заинтересованность России в расширении экономического сотрудничества и в формировании долгосрочных политических отношений. «Разворот» на Восток российской политики был связан с усилением антироссийских санкций, которые позволяли Пекину проводить более наступательную политику в отношении России и, в целом, ЕАЭС. Хотя «в обеих странах сохранялись опасения по поводу совместной реализации интеграционных проектов [6]. В целом, Китай предпочитал «гибкий «проектный» подход, который подразумевал двусторонние соглашения между отдельными странами, участвующими в конкретных проектах» [7].

Введение западными странами финансовых и экономических санкций против России после начала Специальной военной операции (СВО) в 2022 году внесло существенные коррективы в политику Китая. Расширение использования логистических маршрутов с европейского на азиатское направление привело к укреплению позиций Китая на рынках ЕАЭС. Это отразилось на объемах взаимной торговли между интеграционным объединением и Китаем. В 2022 году торговый объем между ЕАЭС и КНР составлял

⁷ Тигран Саркисян оценил риски роста зависимости ЕАЭС от Китая. 19.03.2019. <https://eurasia.expert/tigran-sarkisyan-otsenil-riski-rosta-zavisimosti-eaes-ot-kitaya/?ysclid=mrp6wtd4jz706919572> (дата обращения: 27.12.2025)

⁸ Маврина Л. Китай и ЕАЭС координируют стратегии восстановления экономик. 28.10.2020. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/10/28/844995-kitai-eaes?ysclid=mrp6y40xcj108407324> (дата обращения: 23.12.2025)

190 млрд. долларов, а в 2023 году он возрос до 277 млрд. долларов⁹.

ЕАЭС является для Китая весьма значимым транзитным звеном. Географическое положение стран-участниц ЕАЭС позволяет связывать между собой крупнейших экономических акторов мировой политики – ЕС и КНР. Поставки через территорию стран, входящих в интеграционное объединение, позволяет сократить время доставки китайских товаров в Европу с трёх месяцев до двух недель. В 2020 году Китай стал крупнейшим торговым партнёром ЕС, товарооборот между которыми составил 586 млрд. долларов. В 2025 году товарооборот возрос до 820 млрд. долларов. Данное обстоятельство обусловило повышенный интерес Китая к развитию сотрудничества со странами ЕАЭС в транспортно-логистической сфере, но не с интеграционным объединением в целом. Важным элементом политики Китая стал реализация новых транспортных маршрутов, способных в перспективе расширить возможности по доставки грузов на европейский рынок. Сухопутный вариант перемещения товаров из Китая в Европу быстрее морского. Однако морские грузоперевозки, на которые приходится до 90% торговли стран Азиатско-Тихоокеанского региона с ЕС через Суэцкий канал, в два раза дешевле сухопутных. В результате, Китай будет заинтересован в использовании транспортных маршрутов, проходящих через территорию стран-участниц ЕАЭС в случае перевозки дорогостоящих и продовольственных товаров, которые должны будут попадать в страны Европы. В остальных случаях китайская сторона будет задействовать для экспорта своих товаров при помощи морских перевозок.

Несмотря расширяющееся взаимодействие между Китаем и ЕАЭС, действующая модель отношений сталкивается с рядом ограничений. Прежде всего, стоит отметить сохранение структурной асимметрии в торговле. Например, в 2021 году на долю России приходилось 86,3% совокупного ВВП ЕАЭС [8].

Страны интеграционного объединения в основном поставляют в Китай сырьё и полуфабрикаты, а взамен получают промышленную и технологическую продукцию. Подобная система отношений ограничивает потенциал экономической модернизации ЕАЭС, повышая его уязвимость к ценовой конъюнктуре на мировых сырьевых рынках.

Второе ограничение связано с институциональной ограниченностью политического и экономического взаимодействия. Договор ЕАЭС с Китаем был подписан, однако большая часть реального содержания сотрудничества формируется на двустороннем уровне. Соответственно, ЕАЭС зачастую не выступает единым субъектом в переговорах и при реализации проектов. Это снижает потенциал интеграционного объединения, затрудняя формирование единой и общей стратегии в отношении Китая. Однако китайскую сторону подобная ситуация устраивает, поскольку позволяет

Третья проблема заключается в логистической и инвестиционной неравномерности. Россия и Казахстан получают основную долю китайских вложений, тогда как другие государства Союза включены в процессы значительно слабее. При отсутствии механизмов выравнивания это может вести к внутренней диспропорции внутри ЕАЭС и к разной степени заинтересованности его членов в углублении партнёрства с Китаем.

⁹ Маврина Л. Китай и ЕАЭС координируют стратегии восстановления экономик. 28.10.2020. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/10/28/844995-kitai-eaes?ysclid=mrp6y40xcj108407324> (дата обращения: 23.12.2025)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политика Китая в отношении ЕАЭС выстраивалась в контексте глобального проекта «Один пояс – один путь». В рамках этой инициативы ключевой задачей для Китая стало предотвращение формирования мощного интеграционного центра, в который бы входили страны-участницы ЕАЭС. В контексте решения данной задачи китайская сторона реализовывала политику, которая предполагала укрепление двусторонних отношений с каждым из участников интеграционного объединения. Соответственно, взаимодействие Китая именно с ЕАЭС незначительно. В свою очередь, ЕАЭС испытывал значительные трудности с формированием и тем более, реализацией единой политики в отношении Китая. Сказывалось слабое взаимодействие внутри самого блока, наличие определенных экономических противоречий, а также влияние внешнего, в том числе, китайского фактора на деятельность интеграционного объединения. Тем более, что в условиях нарастания противоречий в мировой экономике страны ЕАЭС были заинтересованы в получении доступ к инвестиционным ресурсам Китая и его рынкам.

Китайской стороне удалось достичь определенных результатов в реализации политики в отношении ЕАЭС. Прежде всего, Пекин сознательно избегает акцента на расширении сотрудничества с интеграционным объединением, делая акцент на развитии двусторонних отношений с отдельными его членами. При формальном курсе на реализацию политики, направленной на продвижении своих интересов в целом с интеграционным объединением, упор сделан на расширении сотрудничества с отдельными членами ЕАЭС.

Китай в полной мере использовал сложившуюся после 2014 года геополитическую ситуацию, противоречия России

и ЕС, а также сложности экономического и политического развития стран, входящих в интеграционное объединение. Вхождение Крыма в состав России и начало санкционной политики со стороны Запада, положило начало конфронтационному этапу отношений ЕС с Россией. Это оказало влияние не только на политические контакты Москвы и Брюсселя, но и привело к пересмотру геоэкономических приоритетов России. Сложившаяся ситуация дала Пекину дополнительные возможности для дальнейшей экономической экспансии на рынки стран интеграционного объединения.

Важным документом в политике Китая стал План развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года, утвержденный в марте 2023 года. Он фактически перевел политические формулы всеобъемлющего партнерства в перечень конкретных приоритетов: промышленная кооперация, энергетика, транспортные коридоры, логистика, высокие технологии, аграрный сектор и расчеты в национальных валютах.

В белорусско-китайском формате важным политическим документом стало заявление об основных принципах развития образцовых отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства, принятое 1 марта 2023 года. Для Казахстана значима широкая линейка двусторонних документов по инвестициям, логистике и промышленной кооперации, опирающаяся на устойчивую основу дипломатических отношений, установленных еще в 1992 году. В отношении Киргизией значение имели соглашения и договоренности, связанные с финансированием инфраструктуры, долговым регулированием и транспортными проектами, в том числе связанными с реализацией проекта строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан.

Из этого следует принципиальный вывод: политика взаимодействия Китая и ЕАЭС строится на сочетании союзной нормативной рамки и комплекса двусторонних документов. При этом последние обеспечивают значительную часть практического содержания сотрудничества.

Несмотря на высокий уровень фактической взаимозависимости Китая и государств ЕАЭС, институциональный формат их взаимодействия до сих пор остается переходным. С одной стороны, создана договорная база на уровне интеграционного объединения. С другой стороны, ключевые политические решения, инвестиционные проекты и стратегические договоренности по-прежнему реализуются преимущественно в двустороннем формате между КНР и отдельными государствами-членами ЕАЭС. Это порождает вопрос о степени политической субъектности ЕАЭС в отношениях с Китаем и о перспективах перехода от модели «5+1» к модели «1+1», где интеграционное объединение выступало бы полноценным единым партнером КНР.

Политические отношения Китая и ЕАЭС, с упором на двусторонние форматы, следует квалифицировать как устойчивые, прагматические и стратегически значимые, но не достигшие уровня полноформатного наднационального политического союза. Китай признает ЕАЭС в качестве значимого институционального партнера в Евразии и рассматривает интеграционное объединение как один из механизмов упорядочения экономического пространства, через которое проходят ключевые транспортные и производственные связи между Восточной Азией и европейской частью материка.

ЕАЭС не является военно-политическим блоком и не располагает единой внешней политикой в полном смысле этого понятия,

вследствие чего политическая составляющая отношений с Китаем реализуется через сочетание союзного экономического регулирования и двусторонней дипломатии отдельных государств-членов, прежде всего России, Беларуси и Казахстана.

С практической точки зрения можно говорить о трех уровнях политического взаимодействия. Первый уровень – это наднациональный диалог между Евразийской экономической комиссией и китайскими органами государственной власти. Второй уровень – двусторонние отношения КНР с государствами-членами ЕАЭС, с которыми согласуются наиболее важные проекты, связанные с инфраструктурой, энергетикой, инвестициями и расчетами. Наконец, третий уровень – сопряжение более широких макрорегиональных инициатив, таких как «Один пояс, один путь», развитие международных транспортных коридоров и формирование нового экономического контура Большой Евразии. При этом стоит отметить, что в понятие «сопряжение» Китай не вкладывает формирование равноправных отношений. Хотя еще в 2015 году на высшем уровне была закреплена идея сопряжения евразийской интеграции и китайской инициативы «Один пояс, один путь». В тот период это решение скорее стало ответом на потенциальную конкуренцию двух интеграционных проектов. С одной стороны, Россия стремилась реализовывать политику, направленную на внутриэкономическую консолидацию постсоветского пространства в рамках ЕАЭС, с другой стороны – Китай начал реализацию своей стратегии по созданию трансграничной инфраструктуры и логистики.

Сопряжение означало отказ от восприятия проектов как взаимоисключающих или конкурирующих. Вместо конкуренции был предложен подход координации,

в рамках которого ЕАЭС выступал как институциональная рамка регулирования евразийского пространства, а Китай должен был стать источником капитала, рынков, технологических решений и транспортной инициативы. Это позволило перевести дискуссию из плоскости геополитического соперничества в плоскость совместного развития.

В 2024 году товарооборот ЕАЭС и КНР достиг исторического максимума в 291 млрд долларов. Особенность этой динамики состоит в том, что торговля между Китаем и ЕАЭС уже перестала быть периферийным элементом внешнеэкономической политики сторон. Для ЕАЭС Китай выступает системообразующим внешним партнером, а для Китая пространство ЕАЭС является не только рынком, но и транзитным, ресурсным и производственным поясом, непосредственно связанным с устойчивостью его евразийских цепочек поставок.

Важную роль играют созданные механизмы реализации. В частности, действует Совместная комиссия по реализации договора, через которую координируются практические вопросы сотрудничества и согласуются дальнейшие шаги. Функционируют и специализированные треки, включая подкомитет по таможенному сотрудничеству, где обсуждаются цифровизация процедур, информационный обмен и упрощение движения товаров. Так, в 2025 году стороны договаривались о гармонизации стандартов, укреплении торговых связей,

повышении устойчивости цепочек поставок и противодействии торговым барьерам. В частности, 12 ноября того же года прошло пятое заседание Совместной комиссии по реализации Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и Китайской Народной Республикой. Стороны договорились «установить постоянный диалог, направленный на гармонизацию стандартов в сфере низкоуглеродного развития и снижение рисков появления торговых барьеров, связанных с климатическим регулированием»¹⁰. По итогам встречи было решено «подготовить обновленную дорожную карту развития сотрудничества ЕАЭС и КНР»¹¹. Помимо этого, «стороны зафиксировали готовность к установлению диалога по сопряжению инициативы «Один пояс – один путь» и ЕАЭС для выработки совместных действий по направлениям сотрудничества»¹².

На фоне формально успешного развития отношений между ЕАЭС и Китаем, политика Пекина была направлена на реализацию курса, который предусматривал доминирование двусторонних отношений с каждым из участников ЕАЭС, а не с интеграционным объединением в целом. Тем более, что ЕАЭС не вырабатывает общей внешнеполитической линии по многим вопросам, а Китай последовательно избегает форматов, которые могут ограничить его гибкость в работе с отдельными государствами.

¹⁰ ЕАЭС и Китай договорились о гармонизации стандартов и укреплении торговых связей. 13.11.2025. <https://www.ritmearasia.ru/news--2025-11-13--eaes-i-kitaj-dogovorilis-o-garmonizacii-standartov-i-ukreplenii-torgovyh-svjazej-83995?ysclid=ms99dltab198790119> (дата обращения: 19.12.2025)

¹¹ ЕАЭС и Китай согласуют стандарты низкоуглеродного регулирования. 14.11.2025. <https://www.kommersant.ru/doc/8196806?ysclid=ms99dhpoe187530175> (дата обращения: 23.12.2025)

¹² Там же

ЛИТЕРАТУРА:

1. Смит Д. Ж. Партнёрство или соперничество? Взаимодействие Китая с Россией по вопросам региональной безопасности в рамках ШОС. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2025;27(1):55-65. DOI: 10.24866/1813-3274/2025-1/55-65
2. Апинян Д.С., Сусанян К.Г. ЕАЭС и Китай: партнёрство в современных условиях. *Международная торговля*. 2024;9:33-34. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-9-30-41
3. Гуселетов Б.П. О Дальнейших Перспективах Сопряжения Проектов Экономического Пояса Шелкового Пути и Евразийского Экономического Союза. *Observation and reflection*. 2022:20.
4. Сидоренко Э. Л. Китайская инициатива «Цифровой Шёлковый путь»: направления и перспективы развития, преимущества и риски для России. *Russian Journal of Economics and Law*. 2025;19(1):57-79. DOI: 10.21202/2782-2923.2025.1.57-79
5. Шилина М.Г. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР: международно-правовой анализ. *Международное право*. 2018;2:17. DOI: 10.25136/2644-5514.2018.2.26701
6. Петровский В., Кулинцев Ю., Ларионова А., Чай Юй, Ван Ч., Цзян Ц. Сопряжение ЕАЭС и ИПП: проблемы и перспективы. 29/2020. Москва: Российский совет по международным делам; 2020. 16 с.
7. Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Крашениникова Л.С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика. *Сравнительная политика*. 2020;11(2):123-138. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10024.
8. Мога И.С., Горбунова Л.П., Денисова А.В., Пижурина Е.Н., Преснова И.С. Сдерживающие и подталкивающие факторы интеграции Евразийского экономического союза в условиях новейших вызовов глобальной экономики. *Вестник евразийской науки*. 2023;15(2). DOI: 10.15862/41ECVN223

REFERENCES

1. Smith D. J. Partnership or Rivalry? China's Interaction with Russia on Regional Security Issues within the SCO Framework. *Asia-Pacific: Economics, Politics, Law*. 2025;27(1):55-65. DOI: 10.24866/1813-3274/2025-1/55-65 (In Russ.)
2. Apinyan D. S., Susanyan K. G. The EAEU and China: Partnership in Modern Conditions. *International Trade*. 2024;9:33-34. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-9-30-41 (In Russ.)
3. Guseletov B. P. On the Further Prospects of Connecting the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union Projects. *Observation and reflection*. 2022:20 (In Russ.).
4. Sidorenko E. L. China's Digital Silk Road Initiative: Development Directions and Prospects, Advantages and Risks for Russia. *Russian Journal of Economics and Law*. 2025;19(1):57-79. DOI: 10.21202/2782-2923.2025.1.57-79 (In Russ.)
5. Shilina M. G. Agreement on the Trade and Economic Cooperation between the EAEU and China: An International Legal Analysis. *International Law*. 2018; 2:17. DOI:10.25136/2644-5514.2018.2.26701 (In Russ.)
6. Petrovsky V., Kulintsev Yu., Larionova A., Chai Yu., Wang Ch., Jiang Q. Conjugation of the EAEU and the BRI: Problems and Prospects. 29/2020. Moscow: RIAC; 2020. 16 p. (In Russ.)
7. Kashin VB, Pyatachkova AS, Krashenninnikova LS. Chinese Policy on Economic Sanctions: Theory and Practice. *Comparative Politics*. 2020; 11(2):123-138. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10024 (In Russ.)

8. Moga I.S., Gorbunova L.P., Denisova A.V., Pizhurina E.N., Presnova I.S. Constraining and pushing factors of integration of the Eurasian Economic Union in the context of the latest challenges of the global economy. *The Eurasian Scientific Journal*. 2023;15(2). DOI: 10.15862/41ECVN223 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов

Доктор политических наук,
Дипломатическая академия МГИМО МИД
России, Москва, Россия;
119021, Россия, Москва, ул. Остоженка
53/2, стр. 1;
serg.serg56@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov

Doctor of Political Sciences,
Diplomatic Academy of MGIMO of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow,
Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow,
119021, Russia;
serg.serg56@mail.ru

Анализ китайско-украинского сотрудничества в аграрном секторе

Константин П. Курылев

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия,
Центр исследований постсоветских стран, Москва, Россия,
kurylev-kp@rudn.ru*

Тянь Цзе

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия,
1315030300@qq.com*

Аннотация: в статье рассматривается история китайско-украинского аграрного сотрудничества, его основные формы и структурные особенности. Также анализируется, как внутривнутриполитические изменения на Украине и региональная геополитическая ситуация повлияли на двусторонние отношения в сельском хозяйстве. Исследование опирается на межправительственные соглашения, корпоративные инвестиционные проекты и данные о торговле сельскохозяйственной продукцией между двумя странами за 2009–2025 гг. Авторы выделяют три этапа сотрудничества: формирование институциональной базы (2009–2013 гг.); расширение инвестиций и торговли (2014–2021 гг.); преодоление кризисных последствий и частичное восстановление (2022–2025 гг.). Украина стала крупным поставщиком сельскохозяйственной продукции на китайский рынок, прежде всего кукурузы и ячменя. Однако политические перемены 2014 г. затормозили реализацию ряда проектов. А эскалация конфликта в 2022 г., а также последовавшая за ней корректировка Китаем структуры импорта зерна, привели к резкому и затяжному падению украинского сельскохозяйственного экспорта в Китай. В 2024–2025 гг. стороны возобновили диалог: подписали новые карантинные соглашения и провели заседания Подкомиссии по сельскохозяйственному сотрудничеству. Богатые черноземные ресурсы Украины, с одной стороны, и технологические преимущества Китая с его рыночным спросом – с другой, создают естественную основу для взаимовыгодного сотрудничества. Тем не менее его стабильность ограничена земельной политикой Украины и геополитической обстановкой. Дальнейшее развитие будет зависеть от постконфликтного восстановления логистической инфраструктуры, устойчивости аграрного курса Украины, а также от того, скорректирует ли Китай свою стратегию диверсификации импорта продовольствия.

Ключевые слова: Китай, Украина, китайско-украинское сельскохозяйственное сотрудничество, торговля зерном, сельскохозяйственные инвестиции, индекс торговой комплементарности.

Для цитирования: Курyleв К.П., Тянь Цзе. Анализ китайско-украинского сотрудничества в аграрном секторе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2026;13(1):21-41. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-21-41>

Поступила 24.01.2026

Принята в печать 05.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Analysis of Chinese-Ukrainian cooperation in the agricultural sector

Konstantin P. Kurylev

*RUDN University named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia,
Center for the Research of Post-Soviet Countries, Moscow, Russia,
kurylev-kp@rudn.ru*

Tian Jie

*RUDN University named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia,
1315030300@qq.com*

Abstract: this article examines the history, key forms, and structural characteristics of Sino-Ukrainian agricultural cooperation. It also analyzes how domestic political changes in Ukraine and the regional geopolitical situation have affected bilateral agricultural relations. The study draws on intergovernmental agreements, corporate investment projects, and agricultural trade data between the two countries for the period 2009–2025. The authors identify three stages of cooperation: formation of the institutional framework (2009–2013); expansion of investment and trade (2014–2021); overcoming crisis consequences and partial recovery (2022–2025). Ukraine has become a major supplier of agricultural products to the Chinese market, particularly corn and barley. However, the political changes of 2014 stalled the implementation of several projects. Furthermore, the escalation of the conflict in 2022, followed by China's adjustment of its grain import structure, led to a sharp and prolonged decline in Ukrainian agricultural exports to China. In 2024–2025, the two sides resumed dialogue: they signed new phytosanitary (quarantine) agreements and held meetings of the Subcommittee on Agricultural Cooperation. Ukraine's rich black soil (chernozem) resources, on the one hand, and China's technological advantages and market demand, on the other, create a natural foundation for mutually beneficial cooperation. Nevertheless, the stability of this cooperation is constrained by Ukraine's land policy and the geopolitical situation. Further development will depend on postconflict restoration of logistics infrastructure, the consistency of Ukraine's agricultural policy, and whether China adjusts its food import diversification strategy.

Keywords: China, Ukraine, Chinese-Ukrainian agricultural cooperation, grain trade, agricultural investment, trade Complementarity Index.

For citation: Kurylev, K.P., Tian Jie. Analysis of Chinese-Ukrainian cooperation in the agricultural sector. *Post-Soviet Issues*. 2026;13(1):21–41. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-21-41>

Received 24.01.2026

Revised 05.03.2026

Published 30.03.2026

ВВЕДЕНИЕ

Украина, располагающая почти четвертью мировых запасов чернозема, и Китай, будучи крупнейшим в мире импортером сельскохозяйственной продукции, обладают значительным потенциалом взаимодополняемости с точки зрения сельскохозяйственных ресурсов и структуры рынков. С момента создания межправительственного механизма в 2009 г. двустороннее аграрное сотрудничество прошло путь от выстраивания институциональной базы до масштабных инвестиций и роста товарооборота. Этот процесс получил дополнительный импульс после выдвижения Китаем инициативы «Один пояс, один путь», в рамках которой Украина стала первой европейской страной, объявившей о своей поддержке и активном участии [1]. Однако государственный переворот на Украине в 2014 г., приход к власти националистов, геополитическая декомпозиция страны, конфликт на Донбассе и начало СВО в 2022 г. серьезно повлияли на стабильность и устойчивость этих связей. В последние годы сотрудничество демонстрирует признаки возобновления, но его перспективы по-прежнему ограничены рядом структурных и геополитических факторов.

Исходным пунктом настоящего исследования выступает следующий вопрос: почему китайско-украинское аграрное сотрудничество, обладая выраженной ресурсной взаимодополняемостью, оказалось чувствительным к политическим

шокам, и при каких условиях оно способно к восстановлению? Теоретической рамкой исследования служит исторический институционализм, дополненный концепциями «эффекта колеи» (path dependence) и «институциональной вязкости» (institutional stickiness). Институты рассматриваются не только как формальные соглашения, но и как устойчивые практики взаимодействия, которые благодаря возрастающей отдаче сохраняются даже при смене политической конъюнктуры, однако их вязкость зависит от степени укорененности в повседневных практиках и неформальных правилах [2; 3; 4; 5]. Для ответа на вопрос применяются три метода: (1) анализ официальных документов: межправительственные соглашения КНР и Украины за 2009–2025 гг., протоколы заседаний Подкомиссии по сельскохозяйственному сотрудничеству, соглашения о карантине и доступе на рынок; (2) тематические исследования трех проектов: соглашение 2012 г., увязавшее кредитное финансирование с зерновыми поставками и не имевшее аналогов в регионе; зерновой терминал COFCO в Николаеве (2016) – крупнейшая инвестиция Китая в логистику Украины; агропроект Промышленной группы Хуанфань в Черниговской области (2013–2021) – первый пример полного производственного цикла китайского госпредприятия на украинской земле; (3) анализ статистических данных двусторонней торговли на основе данных Главного

таможенного управления КНР и Украины, UN Comtrade и ФАО. Для оценки структурной взаимодополняемости рассчитан Индекс торговой комплементарности (ТСИ) для товарной группы «зерновые» за период 2009–2024 гг.

РЕСУРСНАЯ БАЗА И ВЗАИМОДОПОЛНЯЕМОСТЬ В КИТАЙСКО-УКРАИНСКОМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Сельскохозяйственные ресурсы Украины основаны на исключительно благоприятных природных условиях. Пахотные земли составляют около 70% от общей площади сельскохозяйственных угодий¹, и почти 60% из них – черноземы с высоким содержанием гумуса [6]. Равнинный рельеф и обильное орошение реками Днепр и Днестр благоприятствуют крупномасштабному механизированному земледелию. Благодаря этим преимуществам Украина входит в число крупнейших мировых экспортеров зерна, обеспечивая до 2022 г. около 9% экспорта пшеницы мирового рынка, 12% кукурузы и 46% подсолнечного масла². Конфликт существенно снизил производство зерна Украины, однако Украина еще сохранила значительный экспортный потенциал. В то же время украинское сельское

хозяйство сталкивается со структурными недостатками: устаревшая инфраструктура хранения и логистики, а также сильная зависимость от Черноморского маршрута (через него осуществляется около 70–75% экспорта зерна) делают цепочку поставок уязвимой [7, р. 125; 8, с. 85]. Эти недостатки создали китайским компаниям возможность выйти на украинский рынок.

Будучи густонаселенной страной, Китай всегда рассматривал продовольственную безопасность первостепенной задачей государственного управления. В 2025 г. производство зерна в Китае достигло 715 млн тонн³ при уровне самообеспеченности зерном более 95%⁴. Одновременно с этим меняются пищевые привычки жителей Китая: наблюдается снижение потребления зерновых и рост спроса на продукты, богатые белком [9], это привело к резкому увеличению спроса на кормовое зерно и белковое сырье: в 2025 г. импорт зерна в Китай превысил 140 млн тонн, из которых 112 млн тонн составили соевые бобы⁵. При этом структура импорта Китая крайне не концентрирована: в 2025 г. почти 70% импорта соевых бобов в Китай приходилось на Бразилию, и импорт пшеницы почти полностью зависит от Канады и Австралии⁶. Именно поэтому диверсификация источников импорта стала

¹ При этом фактическая площадь пахотных и продуктивных земель сократилась на 25 % из-за конфликта. Ukraine Lost Quarter Of Its Arable Lands To Russian Invasion, War. 14.06.2022. URL: <https://www.news18.com/news/world/ukraine-lost-quarter-of-its-arable-lands-to-russian-invasion-war-5366239.html> (дата обращения: 22.01.2026).

² Daria Synhaievska. The Geopolitics of Grain: Ukraine's Role in Global Food Security and the Costs of War. 27.06. 2025. URL: <https://ukraineworld.org/en/articles/opinions/geopolitics-grain-ukraines-role> (дата обращения: 22.01.2026).

³ Производство зерновых в Китае выросло до 715 млн тонн в 2025 г. 12.12.2025. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2025-12-12/1999460042899877890/index.html> (дата обращения: 14.01.2026).

⁴ 抗冲击力：安全基础进一步夯实。国家粮食和物资储备局. 20.08.2025. (Устойчивость: Основа для обеспечения безопасности была дополнительно укреплена. (Национальное управление продовольственных и стратегических резервов. 20.08.2025.) URL: https://sousuo.lswz.gov.cn/html/mtsy2025year/2025-08/20/content_289754.shtml (дата обращения: 22.01.2026).

⁵ Анализ импорта зерна, сои, соевого и пальмового масла в Китай по странам за январь-декабрь 2025 г. 23.01.2026. URL: <https://www.oilworld.ru/news/wheat/365636> (дата обращения: 22.01.2026).

⁶ Анализ импорта зерна, сои, соевого и пальмового масла в Китай по странам за январь-декабрь 2025 г. 23.01.2026. URL: <https://www.oilworld.ru/news/wheat/365636> (дата обращения: 21.01.2026).

ключевым элементом продовольственной стратегии Китая, в рамках которой Украина рассматривается как один из перспективных каналов.

Таким образом, китайско-украинское сельскохозяйственное сотрудничество основано на многогранной взаимодополняемости. Природные ресурсы Украины, прежде всего черноземы и ориентированная на экспорт система поставок сельскохозяйственной продукции, естественным образом соответствуют огромному рыночному спросу Китая и его стратегической стратегии диверсификации импорта. Тем временем накопленные Китаем сельскохозяйственные технологии и финансовая мощь открывают для Украины возможности модернизации цепочки создания стоимости в сельском хозяйстве. Взаимодополняемость ресурсов и рынков, технологий и капитала в совокупности создает фундаментальные условия для устойчивого развития сельскохозяйственного сотрудничества между Китаем и Украиной. Следует подчеркнуть, что эта взаимодополняемость не является статичной или одномерной – она постоянно развивается в соответствии с корректировкой стратегий развития двух стран и изменениями в глобальной экономической ситуации. Количественная оценка этой динамики с помощью Индекса торговой комплементарности (ТСИ) будет представлена далее, после анализа исторической эволюции двустороннего сотрудничества.

ПЕРИОД ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ (2009–2013 гг.)

Институционализация китайско-украинского сельскохозяйственного сотрудничества началась в 2009 г. В июле 2009 г. в Пекине состоялось первое заседание Рабочей группы⁷ по сельскохозяйственному сотрудничеству между Китаем и Украиной. Стороны подписали протокол заседания, что ознаменовало новый этап в сотрудничестве двух стран – переход от спорадических контактов к институционализации и формализации. Во время второго заседания Рабочей группы в июне 2010 г. стороны достигли консенсуса по плану сельскохозяйственного сотрудничества и подписали меморандум о строительстве парков сельскохозяйственного сотрудничества, а также соглашение о защите растений и карантине [10].

20 апреля 2011 г. тогдашний вице-премьер Китая Чжан Дэцзян и первый заместитель премьер-министра Украины А.П. Клюев подписали в Киеве «Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Украины о создании Комиссии китайско-украинского сотрудничества»⁸. Этим было официально запущено взаимодействие в рамках межправительственного механизма сотрудничества между двумя странами. Комиссия возглавляется совместно должностными лицами уровня вице-премьеров и надзор за деятельностью Подкомиссии по сельскохозяйственному сотрудничеству со стороны Китая осуществляет

⁷ В соответствии с положениями Соглашения между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Украины «О создании китайско-украинской совместной комиссии» (2011 г.) указанная рабочая группа была интегрирована в структуру межправительственной комиссии по сотрудничеству и преобразована в Подкомиссию по вопросам сельскохозяйственного сотрудничества.

⁸ 张德江与乌克兰第一副总理共同启动中乌合作委员会工作. 21.04.2011. (Чжан Дэцзян и первый вице-премьер Украины совместно запустили работу Китайско-украинской комиссии сотрудничества. 21.04.2011.) URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679786/xgxw_679792/201104/t20110421_9348864.shtml (дата обращения: 02.01.2026).

Министерство сельского хозяйства, со стороны Украины – Министерство аграрной политики и продовольствия⁹. В августе того же года в Пекине состоялось первое заседание Подкомиссии по сельскохозяйственному сотрудничеству, в ходе которого стороны подписали ряд меморандумов о взаимопонимании и рамочных соглашениях, охватывающих освоение земель, переработку и транспортировку сельхозпродукции, производство агрохимикатов и аквакультуру¹⁰. В результате сельскохозяйственное сотрудничество было официально включено в институциональную структуру высшего уровня, координируемую руководителями уровня вице-премьера. Это значительно улучшило качество коммуникации, расширило круг обсуждаемых вопросов и повысило эффективность принятия решений.

В 2012 г., после создания первоначальной институциональной основы, обе стороны запустили наиболее масштабную на тот момент модель сотрудничества, построенную на увязке кредитного финансирования с зерновыми поставками. В июне 2012 г. Государственная продовольственно-зерновая корпорация Украины и Экспортно-импортный банк Китая подписали соглашение о предоставлении кредита в размере 3 млрд долл.¹¹,

в котором предусматривали предоставление китайской стороной кредита и его погашение украинской стороной путем ежегодных поставок кукурузы в Китай в объеме 2–2,5 млн тонн¹². В ноябре 2012 г. Главное государственное управление КНР по контролю качества, инспекции и карантину и Министерство аграрной политики и продовольствия Украины подписали фитосанитарное соглашение об экспорте украинской кукурузы в Китай, которое скорректировало карантинные требования и впервые открыло украинской кукурузе доступ на китайский рынок. В конце того же года в Китай прибыла первая партия кукурузы. Суть модели заключается в том, что Китай получал стабильный канал импорта кормового зерна, Украина – доступ к внешнему финансированию и крупнейшему рынку сельскохозяйственной продукции.

В мае и сентябре 2013 г. состоялись второе и третье заседания Подкомиссии по сельскому хозяйству, в ходе которых стороны подписали Рамочное соглашение о сотрудничестве в сельскохозяйственном секторе и достигли договоренностей о расширении торговли, создании парков сотрудничества и развитии научных исследований¹³. В сентябре того же года китайская Синьцзянская

⁹ 中华人民共和国政府和乌克兰政府关于成立中乌合作委员会的协定. 20.04.2011. (Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Украины о создании Китайско-украинской комиссии сотрудничества. 20.04.2011.) URL: <https://policy.mofcom.gov.cn/pact/pactContent.shtml?id=2456> (дата обращения: 02.01.2026).

¹⁰ 国成套与乌方签署农业合作谅解备忘录与框架协议. 05.08.2011. (Китайская национальная комплексная ин-женерная корпорация подписала с украинской стороной меморандум о взаимопонимании и рамочное соглашение по сотрудничеству в сфере сельского хозяйства. 05.08.2011.) URL: http://m.cmcec.com/xwzx/gsxw/201703/t20170331_142745.html (дата обращения: 05.01.2026).

¹¹ Реализация кредитного соглашения 2012 г., увязанного с зерновыми поставками, столкнулась с серьезными затруднениями после смены правительства на Украине в 2014 г.

¹² 国将首次从乌克兰进口玉米. 15.11.2012. (Китай впервые начнет импортировать кукурузу из Украины. 15.11.2012.) URL: <http://finance.people.com.cn/n/2012/1115/c70846-19589117.html> (дата обращения: 06.01.2026).

¹³ 中国扩大“欧洲粮仓”农业投资. 11.12.2013. (Китай расширяет инвестиции в сельское хозяйство в «житнице Европы». 11.12.2013.) URL: <https://finance.sina.com.cn/roll/20131211/011217592252.shtml> (дата обращения: 09.01.2026).

производственно-строительная корпорация и ведущая аграрная украинская компания KSG Agro подписали соглашение о сотрудничестве. Согласно документу, Украина предоставит 100 тыс. га пахотных земель, а китайская сторона возьмет на себя всю производственную цепочку – от селекции до глубокой переработки¹⁴. Это был первый случай масштабного участия китайского предприятия в управлении земельными ресурсами на Украине, что свидетельствовало о выходе сотрудничества за рамки простой торговли.

В целом, период с 2009 по 2013 год стал этапом формирования институциональных основ китайско-украинского сельскохозяйственного сотрудничества, в ходе которого стороны перешли от спорадических контактов к систематическому взаимодействию. Создание Межправительственной комиссии и Сельскохозяйственной подкомиссии, а также запуск механизма увязки кредитного финансирования с зерновыми поставками сформировали инновационную модель, объединившую финансовые инструменты и торговлю. Однако этап также выявил ограниченность стабилизирующего эффекта институтов: они способны снизить издержки взаимодействия и обеспечить каналы для диалога, но не могут заменить политическую стабильность. После событий 2014 г. была нарушена реализация ряда соглашений, включая кредитное соглашение на 3 млрд долл., а сотрудничество существенно сократилось – что наглядно продемонстрировало зависимость

институционализированных рамок от политической конъюнктуры.

ПЕРИОД РАСШИРЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ И ТОРГОВЛИ (2014–2021 гг.)

Государственный переворот и смена политического режима на Украине в феврале 2014 г. оказали разнонаправленное воздействие на различные формы двустороннего аграрного взаимодействия. В инвестиционной сфере последствия были преимущественно негативными: ряд проектов, согласованных при предыдущей администрации, был заморожен или отменен, а уровень межправительственного диалога временно понизился с вице-премьерского до министерского [11]. Подобные спады систематически совпадают с периодами прозападной ориентации украинского руководства и коренятся в изменениях на политическом уровне двусторонних отношений [12]. При этом, несмотря на политическую нестабильность, сложившаяся институциональная структура и торговые каналы продолжали эффективно функционировать. В торговой сфере наблюдалась иная картина. В 2015 г. Украина впервые обошла США и стала крупнейшим поставщиком кукурузы на китайский рынок – 3,85 млн тонн из общего объема импорта в 4,73 млн тонн (81,4%)¹⁵. В течение нескольких последующих лет Украина неизменно оставалась крупнейшим поставщиком кукурузы в КНР.

В 2013 г. промышленная группа Хуанфань провинции Хэнань (Henan Province Huangfanqu Industrial Group)¹⁶

¹⁴ Китай арендует 3 млн га сельхозугодий на Украине. 24.09.2013. URL: <https://sevastopol.su/news/kitay-arenduet-3-mln-ga-selhozugodiy-na-ukraine?ysclid=mnulmshn3c645757849> (дата обращения: 10.01.2026).

¹⁵ Украина стала ключевым поставщиком кукурузы в Китай в 2015 г. 29.01.2016. URL: <https://www.apk-inform.com/ru/news/1063343?ysclid=mnuvu4xkhz117827464> (дата обращения: 19.01.2026).

¹⁶ Промышленная группа Хуанфань провинции Хэнань (Henan Province Huangfanqu Industrial Group) – крупнейшее государственное сельскохозяйственное предприятие провинции Хэнань (Китай), обладающее передовыми технологиями исследований и разработок в области семеноводства и современным опытом в животноводстве.

и украинская группа компаний «Дара» совместно создали китайско-украинскую сельскохозяйственную компанию «Фанда» (泛达), которая приобрела две фермы в Черниговской области на севере Украины, арендовав более 6 400 гектаров земли для животноводства, производства кормов и выращивания зерновых¹⁷. Благодаря внедрению китайских технологий и управленческого опыта, урожайность зерна и поголовье скота значительно выросли. К 2020 г. общий объем инвестиций промышленной группы Хуанфань на Украине превысил примерно 14,3 млн долл., а сфера деятельности расширилась до глубокой сельскохозяйственной продукции и импортно-экспортной торговли¹⁸.

Еще более значимым является активное участие группы компаний «Чжунлян» (COFCO¹⁹) на Украине. В мае 2016 г. компания COFCO Agriculture (дочернее предприятие COFCO Group) официально начала работу зернового терминала «Дунайская судоходно-стивидорная компания» (DSSC) в Николаевском морском коммерческом порту Украины. Инвестиции в проект составили 75 млн

долл.²⁰ – это крупнейшая единовременная инвестиция Китая в развитие логистического сектора Украины. Терминал обладает годовой пропускной способностью 2,5 млн тонн и емкостью хранения 143 тыс. тонн²¹. После завершения строительства терминал значительно расширил возможности COFCO по закупке и экспорту зерна в Черноморском регионе. COFCO Agriculture также владеет заводом по переработке семян подсолнечника и является вторым по величине экспортером растительных масел на Украине²². Завершение строительства терминала DSSC устранило логистическое препятствие на пути сообщения между КНР и Украиной и ознаменовало переход китайско-украинского сельскохозяйственного сотрудничества от торговли и закупок к комплексной модели взаимодействия, что объединяет инвестиции, логистику и производство.

Вместе с тем три американских гиганта Cargill, Dupont и Monsanto уже купили 40% пахотных земель на Украине²³, и Cargill в 2016 г. инвестировал 100 млн долл. в постройку зернового терминала в украинском порту «Южный»²⁴; тогда как только

¹⁷ “一带一路”中乌农业合作显成效 “欧洲粮仓”丰富中国百姓餐桌. 06.06.2017. (Сотрудничество в сфере сельского хозяйства между Китаем и Украиной в рамках инициативы «Один пояс, один путь» принесло плодотворные результаты, и «европейская житница» обогатила столы китайского народа. 06.06.2017.) URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/15362.html> (дата обращения: 12.01.2026).

¹⁸中欧班列首发 河南省黄泛区实业集团喷灌机助力乌克兰农业发展. 18.06.2020. (Первый рейс железнодорожного сообщения Китай – Европа: оросительные машины производства промышленной группы Хуанфань провинции Хэнань способствуют развитию сельского хозяйства Украины. 18.06.2020.) URL: <https://henan.china.com/news/yw/2020/0618/253084512.html> (дата обращения: 12.01.2026).

¹⁹ COFCO Group или COFCO Corporation (中粮集团, «Чжунлян», сокращенно от China Oil and Foodstuffs Corporation) – китайская государственная холдинговая компания, крупнейший в стране переработчик сельскохозяйственной продукции и производитель продуктов питания и напитков.

²⁰ Китайская COFCO Agri открыла зерновой терминал в порту Николаев стоимостью \$75 млн. 19.05.2016. URL: <https://morvesti.ru/news/1680/56011/?ysclid=mnvvr59ur833668916> (дата обращения: 14.01.2026).

²¹ 中粮集团在乌克兰投资建成当地最先进粮油中转码头. 24.05.2016. (COFCO Group инвестировала в строительство самого современного в регионе зернового и масличного терминала-перевалочного пункта на территории Украины. 24.05.2016.) URL: <https://www.chinca.org/cica/info/65628> (дата обращения: 15.01.2026).

²² Там же.

²³ Гаспарян наглядно показал, как власти Украины распродали земли. 22.11.2021. URL: <https://news.ru/europe/gasparyan-naglyadno-pokazal-kak-vlasti-ukrainy-rasprodali-zemli/?ysclid=mpm1m10eh459432657> (дата обращения: 15.01.2026).

²⁴ США инвестировали \$100 млн в постройку зернового терминала в украинском порту «Южный». 24.02.2016. URL: <https://tass.ru/ekonomika/2690550> (дата обращения: 15.01.2026).

Европейский банк реконструкции и развития с 2022 г. вложил почти 1 млрд долл. в крупный агробизнес Украины²⁵. По совокупному объему инвестиций в аграрный сектор Украины китайский капитал заметно уступал европейскому и американскому. Этот разрыв указывает на то, что украинский аграрный сектор глубоко интегрирован в глобальные цепочки с участием множества игроков, среди которых Китай – важный, но не доминирующий партнер.

Помимо крупных инвестиционных проектов, двустороннее сотрудничество охватило также поставки сельскохозяйственной техники через Китайско-европейский железнодорожный экспресс и совместные научные исследования – в частности, создание центра конопляных растений (2015 г.) и лаборатории селекции кукурузы (2019 г.) на базе украинских и китайских академических учреждений. Несмотря на скромные масштабы, эти проекты охватывают обмен генетическими ресурсами и селекцию, дополняя основные направления торговли и инвестиций.

В начале 2020-х ггг. масштабы сельскохозяйственной торговли между Китаем и Украиной еще больше расширились. В 2020 г. объем торговли сельскохозяйственной продукцией между Китаем и Украиной достиг 3,9 млрд долл., увеличившись на 47,2% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года²⁶. В 2021 г. общий объем торговли сельскохозяйственной продукцией между Китаем

и Украиной достиг рекордной отметки в 5,5 млрд долл.²⁷, что стало историческим максимумом между двумя странами.

Резкий рост украинского зернового экспорта в Китай в 2015–2021 гг., на первый взгляд противоречащий политическому разрыву после событий 2014 г., объясняется совпадением трех факторов. Во-первых, соглашение 2012 г., увязавшее кредитное финансирование с зерновыми поставками, создало инерцию взаимных обязательств, а массовые отказы китайских карантинных органов в допуске американской кукурузы с незарегистрированным ГМ-сортом MIR162 в 2013–2014 гг. фактически заблокировали поставки из США; одновременно подписанное в ноябре 2012 г. фитосанитарное соглашение уже открыло украинской кукурузе институциональный доступ на китайский рынок, и она, обладая ценовым преимуществом, оперативно заняла освободившуюся нишу. Во-вторых, черноморский маршрут в 2014–2021 гг. продолжал бесперебойно функционировать, а ввод зернового терминала COFCO в Николаеве дополнительно усилил экспортные мощности. В-третьих, Китай целенаправленно проводил политику диверсификации источников импорта продовольствия, стремясь снизить чрезмерную зависимость от одного поставщика. Таким образом, рыночные, логистические и структурные факторы в совокупности перевесили политическое трение на правительственном уровне. Влияние

²⁵ ЕБРР вложил с 2022 года в агробизнес Украины \$1 млрд, подрывая отрасль в ЕС. 20.02.2024. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/52302478-ft-ebr-r-vlozhil-s-2022-goda-v-agrobiznes-ukrainy-1-mlrd-podryvaya-otrasl-v-es/?ysclid=mpm2ckhpc0657889649> (дата обращения: 15.01.2026).

²⁶ 中乌两国探讨加强豆类、谷物及油料贸易合作. 20.05.2021. (Китай и Украина обсудили меры по усилению торгового сотрудничества в области бобовых, зерновых и масличных культур. 20.05.2021.) URL: <https://chinawto.mofcom.gov.cn/article/e/r/202105/20210503063165.shtml> (дата обращения: 20.01.2026).

²⁷ 2021年中国与乌克兰农产品贸易概况. 01.03.2022. (Обзор торговли сельскохозяйственной продукцией между Китаем и Украиной в 2021 г. 01.03.2022.) URL: <https://www.shuzih.com/pub/161506e01b82dfa9daa0a33eef734459/551eacf4d9c94b12845e017001929745.pdf> (дата обращения: 23.01.2026).

геополитических шоков на аграрное сотрудничество не является однородным, оно варьируется в зависимости от формы сотрудничества (инвестиции или торговля) и временного горизонта (краткосрочный или долгосрочный).

ПЕРИОД КРИЗИСНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И ЧАСТИЧНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ (2022–2025 гг.)

Полномасштабная эскалация российско-украинского конфликта в феврале 2022 г. оказала серьезное влияние на китайско-украинское сельскохозяйственное сотрудничество. Боевые действия, взаимные ограничения судоходства – включая минирование акватории украинской стороной и блокирование портов российскими силами, – а также повреждение наземной инфраструктуры в ходе конфликта привели к нарушению логистических маршрутов и цепочки поставок зерна в Китай. В результате многие китайские предприятия на Украине оказались перед дилеммой закрытия, некоторые предприятия даже были вынуждены уйти с рынка, а двусторонняя торговля была практически приостановлена [13]. В одном из исследований, проанализировавшем данные ФАО о годовом производстве кукурузы и пшеницы на Украине за 2022 год в сравнении с периодом 2012–2021 гг., был сделан вывод о снижении производства кукурузы на 12,87%

и пшеницы на 17,45% соответственно [14]. Зависимость Китая от импорта таких товаров, как кукуруза, ячмень и подсолнечное масло, из Украины серьезно осложнилась в связи с перебоями в поставках после начала конфликта. В результате Китай обратился к таким странам, как Бразилия и Аргентина, в поисках альтернативных источников импорта. Параллельно с разрушением торговых потоков под ударом оказались и китайские инвестиционные активы на территории Украины. Зерновой терминал COFCO в Николаеве испытывал трудности из-за перебоев в судоходстве, а агропроект в Черниговской области столкнулся с нестабильным электроснабжением и рисками для персонала, что привело к стагнации производства и экспорта.

В начале 2023 г. инициатива «Черноморская зерновая инициатива»²⁸ обеспечила ограниченный канал для экспорта украинского зерна, что привело к частичному восстановлению китайско-украинской сельскохозяйственной торговли. В 2023 г. общий объем торговли сельскохозяйственной продукцией между Китаем и Украиной достиг 3,81 млрд долл. – на 21,8% больше, чем годом ранее²⁹. Однако в 2024 г. этот темп восстановления снова замедлился, объем снизился до 2,73 млрд долл., что на 28,4% меньше, чем годом ранее³⁰. Эти колебания были тесно связаны с нестабильностью условий судоходства

²⁸ В июле 2022 года при посредничестве ООН и Турции было подписано соглашение между Россией, Украиной, Турцией и ООН соглашение об экспорте зерна через Черное море, которое позволило Украине возобновить поставки зерновых по этому маршруту. Изначально срок действия соглашения составлял 120 дней, затем его дважды продлевали. Россия мотивировала выход невыполнением соглашения в части, касающейся российского экспорта, что признавалось и ООН. В результате чего черноморский зерновой маршрут был вновь прерван. С этого момента украинский экспорт зерна осуществляется преимущественно через порты Дуная и сухопутные маршруты.

²⁹ 2023 年中国与乌克兰农产品贸易概况. 18.03.2024. (Обзор торговли сельскохозяйственной продукцией между Китаем и Украиной в 2023 г. 18.03.2024.) URL: <https://www.shuzih.com/pub/d935f7769d411942e69e4393ff1cccd4/e627cd41888c4a098c52bfbba3d81dc1.pdf> (дата обращения: 06.01.2026).

³⁰ 2024年1-12月中国与乌克兰农产品进出口贸易概况. 17.03.2025. (Обзор импорта и экспорта сельскохозяйственной продукции в торговле между Китаем и Украиной за январь–декабрь 2024 г. 17.03.2025.) URL: <https://www.cccfna.org.cn/maoyitongji/guobiemaoyi/ff808081955eed0a0195a32ab92c0e1b.html> (дата обращения: 07.01.2026).

в Черном море, а также отражали ускоренную диверсификацию источников импорта Китая на фоне изменений в глобальной ситуации с поставками продовольствия. Экспортный маршрут бразильской кукурузы в Китай был открыт в январе 2023 г., а южноафриканская кукуруза впервые вышла на китайский рынок в мае того же года. Этот эффект замещения в некоторой степени снизил рыночную долю украинской кукурузы.

Несмотря на значительные колебания в торговле, институциональные каналы сельскохозяйственного сотрудничества между Китаем и Украиной не были полностью разорваны. 6 марта 2025 г. посол КНР на Украине Ма Шэнкунь, представляющий Главное таможенное управление Китая, подписал в Киеве Протокол о фитосанитарных требованиях по карантину растений при экспорте гороха из Украины в Китай и Протокол об инспекционных, карантинных и санитарных требованиях при экспорте дикорастущей водной продукции из Украины в Китай – с руководителем украинской Госслужбы по безопасности пищевых продуктов и защите прав потребителей С. Ткачуком³¹. Эти два документа впервые открывают доступ на китайский рынок для украинского гороха и дикорастущей водной продукции, обогащая ассортимент сельскохозяйственной продукции в торговле между двумя странами. Они также представляют собой первые новые соглашения между Китаем и Украиной о доступе на сельскохозяйственный рынок с момента полной эскалации конфликта в 2022 г. 7 июля 2025 г.

в режиме видеоконференции успешно состоялось девятое заседание Подкомиссии по сельскохозяйственному сотрудничеству Китая и Украиной. Встреча была посвящена углубленному обмену мнениями по таким темам, как торговля сельскохозяйственной продукцией, научно-техническое сотрудничество, взаимный доступ к животноводческой и растительной продукции, а также сотрудничество в области рыболовства³². Это знаменует собой первое возобновление работы сельскохозяйственной подкомиссии с момента полномасштабной эскалации конфликта в 2022 г. Поскольку на момент подготовки статьи прошло слишком мало времени, количественно оценить влияние встречи на торговые потоки пока невозможно, однако сам факт ее проведения свидетельствует о сохранении институционального диалога.

Таким образом, период 2022–2025 гг. продемонстрировал двойственную динамику китайско-украинского аграрного сотрудничества: с одной стороны, институциональный диалог возобновился, товарная номенклатура расширилась, с другой – объемы торговли зерном остаются значительно ниже докризисного уровня, а позиции украинской продукции на китайском рынке ослабевают. Качественный анализ, проведенный выше, позволяет зафиксировать эту тенденцию, однако не дает возможности измерить ее масштаб и проследить структурные сдвиги в двусторонней торговле. Для восполнения этого пробела авторы обращаются к количественному инструменту – Индексу торговой комплементарности (Trade Complementarity

³¹ Украина и Китай заключили соглашение об экспорте продовольствия. 07.03.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7562768?ysclid=mnxdxc2ted748798560> (дата обращения: 12.01.2026).

³² 中乌农业合作委员会农业合作分委会第九次会议召开. 08.07.2025. (Состоялось девятое заседание подкомиссии по сельскохозяйственному сотрудничеству в рамках Китайско-украинской комиссии по сотрудничеству. 08.07.2025.) URL: https://ua.china-embassy.gov.cn/chn/zwgx_0/202507/t20250709_11667667.htm (дата обращения: 14.01.2026).

Index, TCI), который позволяет оценить, насколько структура украинского зернового экспорта соответствует структуре китайского зернового импорта, и как эта соответствие менялось во времени.

В соответствии с определением Всемирного банка, TCI³³ рта одной страны соответствует структуре импорта другой, и рассчитывается по формуле:

$$TCI_{kj} = 100 \times \left(1 - \frac{\sum_i |m_{ik} - x_{ij}|}{2} \right),$$

где: m_{ik} – доля товара i в совокупном импорте (из мира) страны k (в данном исследовании – Китая); x_{ij} – доля товара i в совокупном экспорте (в мир) страны j (в данном исследовании – Украины); $\sum_i$ – суммирование производится по всем товарам i в рассматриваемой товарной группе. Значение 100 указывает на идеальное совпадение структур, 0 – на полное отсутствие совпадения. Таким образом, чем выше TCI, тем более взаимодополняемы экономики двух стран в рассматриваемом товарном сегменте.

С учетом того, что кукуруза и ячмень в совокупности формируют основу двусторонней торговли зерновыми, расчет TCI производится по агрегированным данным этих двух категорий (HS 1005 – кукуруза и HS 1003 – ячмень). Пшеница (HS 1001) и прочие зерновые (HS 1008) исключены: хотя и Китай является крупным импортером пшеницы, и Украина – ее значительным экспортером, двусторонняя торговля пшеницей между ними в рассматриваемый период оставалась эпизодической или стремилась к нулю, поскольку китайский рынок пшеницы традиционно ориентирован

на поставщиков из Австралии, Канады, Франции и США. Включение товарных позиций с околонулевой двусторонней торговлей привело бы к механическому занижению TCI и не отражало бы реальную структурную взаимодополняемость в тех сегментах, где торговля объективно ведется (см. табл. 1).

Результаты расчета демонстрируют, что за весь рассматриваемый период TCI находится в диапазоне от 92,9 до 98,6 – это исключительно высокие значения, указывающие на глубокую структурную взаимодополняемость Китая и Украины в сегменте зерновых. Вместе с тем прослеживается устойчивый понижательный тренд: индекс снизился с 97,8 в 2009 г. до 93,4 в 2024 г. (–4,4 пункта).

На этапе институционализации (2009–2013 гг.) TCI снизился с 97,8 до 96,6. Это было обусловлено опережающим ростом доли кукурузы в украинском экспорте (x_1 с 2,5% до 6,0%)³⁴ по сравнению с ее долей в китайском импорте (m_1 оставалась ниже 0,1%), что отражает асимметрию масштабов двух экономик, а не ухудшение двусторонних отношений. На этапе расширения торговли (2014–2021 гг.) TCI продолжил плавное снижение с 96,2 до 94,9. В этот период Китай нарастил импорт кукурузы и ячменя в абсолютном выражении (m_1 выросла с 0,04% до 0,30%, m_2 – с 0,08% до 0,13%), что отражало растущий спрос на кормовое зерно. Однако Украина наращивала экспорт зерновых еще быстрее: x_1 выросла с 6,2% до 8,9%. Структурный разрыв между долей зерновых в украинском экспорте и их долей в китайском импорте увеличивался, что и обусловило плавное снижение TCI.

³³ Trade Indicators. The World Bank. 2010. URL: https://wits.worldbank.org/wits/wits/help/Content/Utilities/e1.trade_indicators.htm (дата обращения: 12.01.2026).

³⁴ x_1 – доля кукурузы в совокупном экспорте Украины; x_2 – доля ячменя в совокупном экспорте Украины; m_1 – доля кукурузы в совокупном импорте Китая; m_2 – доля ячменя в совокупном импорте Китая.

Таблица 1.
Исходные данные и ТСИ Китая и Украины по зерновым (кукуруза и ячмень),
2009–2024 гг. (млрд долл.)

Год	Импорт кукурузы КНР из мира	Импорт ячменя КНР из мира	Совокупный импорт КНР из мира	Экспорт кукурузы Укр. в мир	Экспорт ячменя Укр. в мир	Совокупный экспорт Укр. в мир	ТСИ
2009	0,02	0,43	1005,55	1,01	0,73	39,70	97,83
2010	0,37	0,54	1396,00	0,79	0,74	51,43	98,55
2011	0,58	0,61	1743,39	1,98	0,54	68,39	98,19
2012	1,69	0,78	1818,20	3,89	0,69	68,69	96,73
2013	0,94	0,80	1949,99	3,83	0,58	63,32	96,56
2014	0,73	1,57	1959,23	3,35	0,84	53,91	96,17
2015	1,11	2,86	1679,56	3,00	0,77	38,13	95,17
2016	0,64	1,14	1587,92	2,65	0,67	36,36	95,49
2017	0,60	1,82	1843,79	2,99	0,71	43,43	95,81
2018	0,79	1,69	2133,61	3,51	0,68	47,33	95,63
2019	1,06	1,56	2079,29	5,22	0,71	50,05	94,14
2020	2,48	1,88	2069,57	4,89	0,88	49,23	94,24
2021	8,03	3,56	2679,41	5,85	1,17	65,87	94,89
2022	7,10	2,05	2716,00	5,99	0,45	44,44	92,92
2023	9,02	3,77	2556,76	4,97	0,36	36,19	92,89
2024	3,76	3,79	2585,13	5,07	0,56	41,73	93,40

Источник: составлено на основе: HS 1005 – кукуруза, HS 1003 – ячмень // UN Comtrade Database. URL: <https://comtradeplus.un.org/> (дата обращения: 18.01.2026)

*На момент сдачи статьи данные по 2025 г. являются предварительными.

На этапе кризисного воздействия (2022–2024 гг.) ТСИ достиг исторических минимумов – 92,9 в 2022–2023 гг. Падение вызвано резким сокращением совокупного украинского экспорта, что автоматически повысило долю зерновых (кукурузы и ячменя) в его структуре, тогда как доля зерновых (кукурузы и ячменя) в китайском импорте осталась ниже 0,5%. К 2024 г. намечилось частичное восстановление: ТСИ вырос до 93,4.

Количественный анализ ТСИ позволяет сделать следующие выводы. (1) Структурная взаимодополняемость двух стран объективно высока и устойчива: даже в наихудший год индекс не опускался ниже 92,9. Для сравнения, ТСИ Китая с Аргентиной по той же товарной группе

за 2024 г. составил 64,6 (расчеты авторов на основе UN Comtrade) – обе страны экспортируют сопоставимые объемы кукурузы и ячменя, однако структура украинского экспорта заметно ближе к структуре китайского импорта. (2) Снижение ТСИ на 4,4 пункта за 16 лет лишь отчасти отражает ослабление двусторонней комплементарности, в большей степени оно вызвано тремя разнонаправленными процессами: долгосрочной диверсификацией источников импорта зерна Китаем, которая усилилась после 2022 г. (допуск на китайский рынок поставщиков из Бразилии, Аргентины и ЮАР); сжатием совокупного экспорта Украины в 2022 г., из-за чего доля зерновых в нем возросла и это снизило ТСИ; сохранением перебоев в судоходстве

и ограниченной пропускной способности наземных маршрутов, что нарушает нормальную структуру торговли. (3) Вместе с тем сохранение ТСИ выше 90 в условиях полномасштабного конфликта подтверждает, что главные препятствия для двустороннего аграрного сотрудничества лежат не в структурной несовместимости, а в геополитических, логистических и институциональных ограничениях, анализ которых представлен в следующем разделе.

АНАЛИЗ ОГРАНИЧИВАЮЩИХ ФАКТОРОВ В СФЕРЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КНР И УКРАИНОЙ

Несмотря на то, что китайско-украинское сельскохозяйственное сотрудничество имеет прочную основу с точки зрения взаимодополняющих ресурсных потенциалов и институциональной структуры, более чем десятилетний опыт сотрудничества показал наличие многочисленных препятствий. Эти препятствия коренятся во внутренней институциональной структуре Украины, геополитической обстановке и глобальном экономическом ландшафте, оказывая глубокое влияние на глубину, широту и стабильность процесса сотрудничества между двумя странами.

Несомненно, геополитические факторы являются наиболее фундаментальной внешней переменной, ограничивающей китайско-украинское сельскохозяйственное сотрудничество. Положение Украины на передовой геополитического соперничества между Россией и Западом обуславливает высокую степень неопределенности во внешней среде страны. Политические конфликты, международные санкции или торговые ограничения

способны дестабилизировать двустороннюю торговлю сельскохозяйственной продукцией, негативно сказаться на торговых отношениях двух стран [15]. Смена политического режима на Украине в 2014 г. уже начала выявлять этот риск. Государственный переворот привел к резкому изменению внешней политики Украины – от балансирования между Россией и Западом к однозначному евроатлантическому курсу [16, с. 27]. Приход к власти прозападного правительства и появление на рынке американских и европейских зерновых гигантов препятствовали реализации сельскохозяйственных проектов китайских компаний на территории страны. События 2022 г. довели этот риск до крайности: были перекрыты черноморские судоходные пути, а китайские инвестиционные активы на Украине оказались под угрозой. Статистика показывает, что площадь пахотных земель Украины сократилась с 15,4 млн га в 2021 г. до 9,1–10,2 млн га в 2024 г. [17, р. 142], что привело к снижению годового производства зерна. В то же время, разминирование обширных площадей загрязненных сельскохозяйственных угодий остается длительной и трудной задачей. Продолжение конфликта и неопределенность его исхода означают, что любой среднесрочный или долгосрочный план сельскохозяйственного сотрудничества между Китаем и Украиной должен учитывать фундаментальный риск, лежащий в его основе.

Правовые и институциональные факторы представляют собой системные барьеры для активного участия китайских предприятий в развитии украинского сельского хозяйства. Земельный кодекс Украины прямо запрещает иностранцам, иностранным компаниям и иностранным правительствам владеть сельскохозяйственными

землями. Иностранцы могут участвовать в сельскохозяйственной деятельности на Украине только на основании долгосрочных договоров аренды, максимальный срок которых составляет 50 лет³⁵. Однако даже в рамках арендных отношений китайские инвесторы сталкиваются с растущей концентрацией земельных ресурсов. Большие участки пахотных земель Украины контролируются крупными сельскохозяйственными холдингами и несельскохозяйственными инвесторами, и рынок сельскохозяйственных земель трансформируется в рынок правового капитала компаний, контролирующих землю [18]. Такая структура землепользования, в которой доминирует крупный внутренний капитал, в сочетании с институциональными ограничениями для иностранных инвесторов, подвергает китайские компании более высоким рискам в таких областях, как освоение земель и инвестиции в инфраструктуру, что затрудняет возврат первоначальных инвестиций после истечения срока аренды или изменения политики. Даже после отмены моратория на продажу сельскохозяйственных земель с 1 июля 2021 г. данная нормативно-правовая база означает, что участие в приобретении земли требует навигации в украинской бюрократической системе регистрации и соблюдения более строгих механизмов надзора [19]. Таким образом, регуляторная среда Украины в сфере земельных отношений создает для китайских инвесторов дополнительные барьеры, снижающие привлекательность долгосрочных аграрных проектов. В период с 2022 по 2025 год

Украина осуществила серию законодательных новаций в сфере земельных отношений – от автоматического продления договоров аренды до упрощенной электронной регистрации [20], принципиальные ограничения на иностранные инвестиции сохранились, а незавершенность земельной реформы и законодательные барьеры для иностранного капитала остаются основным ограничением, сдерживающим приток внешних инвестиций в аграрный сектор Украины [21].

Экономические и инфраструктурные факторы еще больше усилили фактическое воздействие вышеупомянутых рисков. По словам А. Кинаха, президента Украинского союза промышленников и предпринимателей, из-за конфликта Украина потеряла около 50% генерирующих мощностей – с 18 ГВт до 9,0–9,5 ГВт, причем тепловая генерация разрушена на 90%. Кроме того, 134 тыс. кв. км территории страны загрязнены взрывоопасными и токсичными веществами [8]. С 2022 г. повреждено около 400 объектов портовой инфраструктуры, а восстановление ключевых портовых сооружений потребует не менее 500 млн евро³⁶, что значительно увеличит логистические издержки. Сельскохозяйственная техника также понесла ущерб, что еще больше усугубило проблему старения оборудования. В совокупности эти факторы создают серьезные ограничения для сельскохозяйственного производства и экспорта Украины. Даже если политическая ситуация стабилизируется, восстановление инфраструктуры и промышленного потенциала все равно

³⁵ Legal Alert | Land Market in Ukraine. Ukraine World. 30.08.2021. URL: <https://skslegal.pl/en/legal-alert-land-market-in-ukraine-en/#page> (дата обращения: 17.01.2026).

³⁶ Ukraine Needs 500 Million Euros to Rebuild Critical Port Facilities Damaged By Russia. 31.05.2025. URL: <https://gcaptain.com/ukraine-needs-500-million-euros-to-rebuild-critical-port-facilities-damaged-by-russia/> (дата обращения: 20.01.2026).

потребуется длительного времени и огромных инвестиций.

Корректировки Китаем собственной стратегии импорта зерна также оказали значительное влияние на китайско-украинское сельскохозяйственное сотрудничество. С 2015 по 2021 год Украина была крупнейшим поставщиком кукурузы в Китай. Однако после начала конфликта Китай быстро открыл новые страны-поставщики, такие как Бразилия, Южная Африка, Россия и Аргентина, чтобы оперативно заполнить рыночную долю Украины. Кроме того, общий объем импорта кукурузы в Китай в 2025 г. резко сократился до 2,664 млн тонн, что составляет менее одной десятой от пикового уровня 2021 г.³⁷. Обильные внутренние поставки и политика, отдающая приоритет продаже кукурузы собственного производства, значительно снизили зависимость от внешних поставок. Для Украины последствия этого сдвига усугубляются структурой ее собственного зернового экспорта. В 2011–2022 гг. основными покупателями украинского зерна выступали Египет, Китай, Испания и Нидерланды, а в целом среди двадцати крупнейших импортеров доминировали страны со средним и высоким уровнем дохода [22, с. 49]. В такой конфигурации рынка сокращение закупок со стороны Китая, как одного из ключевых партнеров, не может быть легко компенсировано переориентацией поставок на менее платежеспособные регионы. Хотя Украина остается одним из важных источников сельскохозяйственного импорта для Китая, ее конкурентное преимущество на китайском рынке частично утрачено из-за усиления рыночной

концентрации и перестройки глобальных товарных потоков [23], а перспективы двустороннего сельскохозяйственного сотрудничества во многом зависят от стратегического выбора Китая в пользу дальнейшей диверсификации.

Анализ по четырем указанным измерениям показывает, что факторы, сдерживающие китайско-украинское сельскохозяйственное сотрудничество, не являются изолированными – они взаимосвязаны и взаимно усиливают друг друга. Геополитические конфликты привели к повреждению инфраструктуры и логистическим сбоям. Ущерб инфраструктуре снизил международную конкурентоспособность украинских продуктов питания и усилил влияние колебаний мировых цен на продовольствие. Между тем, усилия Китая по диверсификации импорта снизили актуальность сотрудничества между двумя сторонами на стратегическом уровне.

С точки зрения исторического институционализма, различная устойчивость формальных и неформальных институтов китайско-украинского аграрного сотрудничества объясняется эффектом колеи и институциональной вязкостью. Подкомиссия по сельскохозяйственному сотрудничеству, созданная в 2009 г., породила самоподдерживающийся механизм: каждая последующая встреча увеличивала издержки отказа от диалога, что сделало ее сохранение предпочтительным даже после 2014 и 2022 гг. Это типичный пример *path dependence*, когда первоначальный институциональный выбор блокирует альтернативные траектории [4]. Напротив, неформальные практики – совместные предприятия,

³⁷ 中国玉米进出口再平衡:2025年贸易逆差创五年最低,出口创四年新高. 27.03.2026. (Баланс импорта и экспорта кукурузы в Китае восстановлен: в 2025 г. торговый дефицит достиг пятилетнего минимума, а экспорт установил четырехлетний максимум. 27.03.2026.). URL: <https://cn.agropages.com/News/NewsDetail---37355.htm> (дата обращения: 01.01.2026).

долгосрочные инвестиционные проекты – не приобрели достаточной «вязкости», поскольку не были подкреплены повседневными рутинами и общими ожиданиями, которые формируются десятилетиями. Именно поэтому в условиях геополитических шоков формальные каналы сохранились, а инвестиционное взаимодействие практически остановилось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С момента первого заседания Рабочей группы по сельскохозяйственному сотрудничеству в 2009 г. китайско-украинское сельскохозяйственное сотрудничество длится уже почти семнадцать лет. Оглядываясь назад, можно сказать, что оно развивалось по пути «сначала создание институциональных систем, затем инвестиции, расширение торговли и стремление к большему при сохранении стабильности», однако этот путь сопровождался серьезными испытаниями. Хотя объективно существует взаимодополняющая основа для сельскохозяйственного сотрудничества между Китаем и Украиной, оно всегда омрачалось четырьмя глубоко укоренившимися ограничениями, что затрудняет поддержание стабильности в долгосрочной перспективе.

Проведенный анализ TCI (см. табл. 1) показал, что структурная взаимодополняемость двух стран носит объективный и устойчивый характер. Однако устойчивость двустороннего аграрного сотрудничества носит относительный и условный характер, поскольку зависит от внешних факторов, неподконтрольных ни одной из сторон. В данном исследовании под устойчивостью понимается способность двусторонних аграрных связей сохранять минимальный уровень функционирования в условиях внешних шоков и восстанавливать докризисные

параметры после снятия шоковых ограничений [25]. Операционально она может измеряться через соотношение годового объема импорта зерна из Украины в Китай к среднему докризисному уровню 2019–2021 гг., непрерывность институционального диалога и диверсификацию товарной номенклатуры. Ключевыми переменными, определяющими дальнейшую траекторию сотрудничества, выступают состояние логистической инфраструктуры и приоритетность украинского направления в стратегии Китая, на пересечении которых построена матрица сценариев (см. табл. 2).

Представленная матрица сценариев не исчерпывает всей сложности факторов, определяющих перспективы двустороннего аграрного сотрудничества. Помимо состояния логистической инфраструктуры и приоритетности украинского направления в стратегии Китая, существенную роль играют еще два условия. Во-первых, земельная политика Украины в отношении иностранных инвестиций – ее изменение или сохранение в нынешнем виде напрямую определит глубину и стабильность китайских инвестиций в аграрный сектор страны. Во-вторых, динамика спроса и предложения на мировом рынке зерна, а также колебания цен способны существенно скорректировать экономическую привлекательность двусторонней торговли для обеих сторон.

При этом сельскохозяйственное сотрудничество обладает качественным отличием от общего экономического и торгового взаимодействия: оно связано с обеспечением средств к существованию населения и продовольственной безопасностью, а потому характеризуется более высокой степенью устойчивости. Независимо от колебаний политических отношений, пока Украина продолжает производить

Таблица 2.

Сценарии развития китайско-украинского аграрного сотрудничества (2026–2030 гг.)

	Украина — высокий приоритет для Китая	Украина — низкий приоритет для Китая
Логистика восстановлена (≥70% мощности 2021 г.)	Сценарий А: «Стратегическое партнерство» – Объем агроторговли: 70–80% пика 2021 г. – Крупные инвестиции возобновляются. – Сотрудничество выходит на докризисный уровень	Сценарий Б: «Рыночная нормализация» – Объем агроторговли: 50–60% пика 2021 г. – Инвестиции точечные, без масштабирования. – Сотрудничество определяется рыночной конъюнктурой
Логистика ограничена (<50% мощности 2021 г.)	Сценарий В: «Вынужденный минимализм» – Объем агроторговли: 30–50% пика 2021 г. – Инвестиции заморожены. – Сотрудничество сдерживается логистикой при сохранении интереса	Сценарий Г: «Стагнация» – Объем агроторговли: ≤ 30–40% пика 2021 г. – Инвестиции отсутствуют. – Сотрудничество сводится к минимуму

Источник: составлено на основе: Rhydderch A. Scenario Building: The 2x2 Matrix [Electronic Resources] // Futuribles International. 2017: 19. URL: https://www.researchgate.net/profile/Alun-Rhydderch/publication/331564544_Scenario_Building_The_2x2_Matrix_Technique/links/5c80fc83458515831f8b5508/Scenario-Building-The-2x2-Matrix-Technique.pdf (дата обращения: 21.01.2026)

конкурентоспособную по цене продовольственную продукцию, спрос со стороны китайского рынка не исчезнет. Это неоднократно подтверждалось на протяжении семнадцати лет сотрудничества, включая самые трудные времена, когда взаимодействие между двумя странами никогда не прерывалось полностью.

В целом, китайско-украинское сотрудничество в аграрном секторе прошло полный цикл: от создания институтов до расширения инвестиций, а затем – до воздействия кризиса и частичного восстановления. Ресурсная взаимодополняемость двух

стран создает прочный фундамент, однако углубление сотрудничества сдерживается рядом системных факторов – геополитических, логистических и институциональных. По состоянию на конец 2025 г. наиболее вероятной представляется траектория Сценария В с постепенным смещением к Сценарию Б по мере восстановления логистической инфраструктуры. Пока ключевые переменные не станут более определенными, сотрудничество, скорее всего, будет колебаться в промежуточном диапазоне – не подвергаясь ни масштабному расширению, ни полному краху.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Yastrubskyy M., Wang Zh. Characteristics and development trends of China-Ukraine economic and trade cooperation under the “Belt and Road” initiative. *Kyiv Economic Scientific Journal*. 2023;1:93-102.
2. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. *Cambridge University Press*; 1990.
3. Hall P.A. & Taylor R.C.R. Political science and the three new institutionalisms. *Political studies*. 1996;44(5):936-957.
4. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics. *American Political Science Review*. 2000;94(2):251-267.
5. Boettke, P.J., Coyne, C.J., Leeson, P.T. Institutional Stickiness and the New Development Economics. *American Journal of Economics and Sociology*. 2008;67(2):331-358.
6. 斯蒂潘·娜塔莉亚,肖春阳,王正友.乌克兰在世界粮食安全中的地位和作用[J].中国粮食经济. 2020;(11):30-31.
7. 赵鑫.乌克兰农业发展现状分析及中乌农业合作机遇[J].农业经济. 2021;(9):125-126.
8. Кінах А. Стан та перспективи українсько-китайських торгово-економічних відносин (ін-терв'ю). *Україна – Китай*. 2025;1(25):83-90.
9. Long W, Meng T, Tian X, Fan Sh. China's food security and food system governance: recent developments and global implications. *Food Policy*. 2025;137:1-17.
10. 牛盾.中国与欧洲国家农业合作回眸(上)[J].农村工作通讯. 2024;(7):35-37.
11. 张弘.中国与乌克兰“一带一路”合作的风险与应对[J].和平与发展. 2017;(4):110-122.
12. Vlasenko L. History of Ukraine-China Bilateral Trade. *Modern Economics*. 2021;25(1):40-45.
13. Wang Y. Research on China-Ukraine foreign trade cooperation under the perspective of the “Belt and Road” initiative. *International Scientific Journal “Internauka”. Series: “Economic Sciences”*. 2025;2(4):9-19.
14. Nkongho A. The Russia-Ukraine Conflict: A Global Impact Assessment in the Corn and Wheat Sectors. *Agriculture*. 2025;15(5):550.
15. Zvarych R., Wei L. China's trade relations with Ukraine. *Innovative Economy*. 2024;1:5-16.
16. Курылев К.П. Факторы, детерминирующие перманентную нестабильность на Украине. *Постсоветские исследования*. 2018;1(1):20-30.
17. Antonina P., Anastasiia P., Anna K. (Eds.). Trends in global grain and seed trade, Ukrainian position on the global market. *Scientific horizons*. 2025;28(5):142-157.
18. Martyn A., Ievsiukov T., Shevchenko O. (Eds.). Growing disparity in access to land as a result of agrarian reform in Ukraine. *International Journal of Business and Globalisation*. 2025;39(1):44-66.
19. Simonov M. China-Ukraine relations and the Belt and Road Initiative: Challenges and future prospects. *Research in Globalization*. 2025;11:1-10.
20. Nezhevelo V., Khvostyk Y. Development of land relations in Ukraine in the context of land protection under martial law. *Uzhhorod National University Herald. Series: Law*. 2025;2(91):232-236. (In Ukr.)
21. Дьяченко Л. Э., Почколина С. В. Проблемы и перспективы формирования рынка земли в Украине. *Вестник НГИЭИ*. 2012;11:25-39.
22. Дегтерев Д.А., Курылев К.П. Постсоветская Украина на мировом рынке зерна: поставки в пользу бедных? *Проблемы постсоветского пространства*. 2023;10(1):37-56.
23. Zinchuk T., Kutsmus N., Prokopchuk O. (Eds.). Ukraine's competitive position in international agricultural markets: Overcoming challenges and prospects. *Scientific Horizons*. 2025;28(7):188-200. (In Ukr.)
24. Martin R, Sunley P. On the notion of regional economic resilience: conceptualization and explanation. *Journal of economic geography*. 2015;15(1):1-42.

25. Rhydderch A. Scenario Building: The 2x2 Matrix [Electronic Resources]. *Futuribles International*. 2017;19. URL: <https://www.researchgate.net/profile/Alun-Rhydderch/publication/331564544>

[Scenario Building The 2x2 Matrix Technique/links/5c80fc83458515831f8b5508/Scenario-Building-The-2x2-Matrix-Technique.pdf](https://www.researchgate.net/publication/331564544/links/5c80fc83458515831f8b5508/Scenario-Building-The-2x2-Matrix-Technique.pdf)

(дата звернення: 20.01.2026)

REFERENCES

1. Yastrubskyy M., Wang Zh. Characteristics and development trends of China-Ukraine economic and trade cooperation under the “Belt and Road” initiative. *Kyiv Economic Scientific Journal*. 2023;1:93-102.
2. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press; 1990.
3. Hall P.A. & Taylor R.C.R. Political science and the three new institutionalisms. *Political studies*. 1996;44(5):936-957.
4. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics. *American Political Science Review*. 2000;94(2):251-267.
5. Boettke, P.J., Coyne, C.J., Leeson, P.T. Institutional Stickiness and the New Development Economics. *American Journal of Economics and Sociology*. 2008;67(2):331-358.
6. Stepan Natalia, Xiao Chunyang, Wang Zhengyou. Ukraine’s position and role in world food security. *China Grain Economy*. 2020;(11):30-31. (In Chin.)
7. Zhao Xin. Analysis of the Current Status of Agricultural Development in Ukraine and Opportunities for Sino-Ukrainian Agricultural Cooperation. *Agricultural Economics*. 2021;(9):125-126. (In Chin.)
8. Kinakh A. The state and prospects of Ukrainian-Chinese trade and economic relations (interview). *Ukraine – China*. 2025;1(25):83-90. (In Ukr.)
9. Long W, Meng T, Tian X, Fan Sh. China’s food security and food system governance: recent developments and global implications. *Food Policy*. 2025;137:1-17.
10. Niu Dun. A Review of Agricultural Cooperation between China and European Countries (Part 1). *Rural Work Newsletter*. 2024;(7): 35-37. (In Chin.)
11. Zhang Hong. Risks and Countermeasures of China-Ukraine Cooperation under the Belt and Road Initiative. *Peace and Development*. 2017;(4):110-122. (In Chin.)
12. Vlasenko L. History of Ukraine-China Bilateral Trade. *Modern Economics*. 2021;25(1):40-45.
13. Wang Y. Research on China-Ukraine foreign trade cooperation under the perspective of the “Belt and Road” initiative. *International Scientific Journal “Internauka”. Series: “Economic Sciences”*. 2025;2(4):9-19.
14. Nkongho A. The Russia-Ukraine Conflict: A Global Impact Assessment in the Corn and Wheat Sectors. *Agriculture*. 2025;15(5):550.
15. Zvarych R., Wei L. China’s trade relations with Ukraine. *Innovative Economy*. 2024;1:5-16.
16. Kurylev K.P. Factors Determining Permanent Instability in Ukraine. *Post-Soviet Studies*. 2018;1(1):20-30. (In Russ.)
17. Antonina P., Anastasiia P., Anna K. (Eds.). Trends in global grain and seed trade, Ukrainian position on the global market. *Scientific horizons*. 2025;28(5):142-157.
18. Martyn A., Ievsiukov T., Shevchenko O. (Eds.). Growing disparity in access to land as a result of agrarian reform in Ukraine. *International Journal of Business and Globalisation*. 2025;39(1):44-66.
19. Simonov M. China-Ukraine relations and the Belt and Road Initiative: Challenges and future prospects. *Research in Globalization*. 2025;11:1-10.

20. Nezhevelo V., Khvostyk Y. Development of land relations in Ukraine in the context of land protection under martial law. *Uzhhorod National University Herald. Series: Law*. 2025;2(91):232-236. (In Ukr.)
21. Dyachenko L. E., Pochkolina S. V. Problems and prospects of land market formation in Ukraine. *Bulletin of NGIEI*. 2012;11:25-39. (In Russ.)
22. Degtyarev D.A., Kurylev K.P. Post-Soviet Ukraine in the Global Grain Market: Supplies for the Poor? *Problems of the Post-Soviet Space*. 2023;10(1):37-56. (In Russ.)
23. Zinchuk T., Kutsms N., Prokopchuk O. (Eds.). Ukraine's competitive position in international agricultural markets: Overcoming challenges and prospects. *Scientific Horizons*. 2025;28(7):188-200. (In Ukr.)
24. Martin R, Sunley P. On the notion of regional economic resilience: conceptualization and explanation. *Journal of economic geography*. 2015;15(1):1-42.
25. Rhydderch A. Scenario Building: The 2x2 Matrix [Electronic Resources]. *Futuribles International*. 2017: 19. URL: https://www.researchgate.net/profile/Alun-Rhydderch/publication/331564544_Scenario_Building_The_2x2_Matrix_Technique/links/5c80fc83458515831f8b5508/Scenario-Building-The-2x2-Matrix-Technique.pdf (дата обращения: 20.01.2026)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Константин П. Курылев

Доктор исторических наук,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия;
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-
Маклая, д. 10/2;
Центр исследований постсоветских стран,
Москва, Россия; 117133, Россия, Москва,
ул. Академика Виноградова, д. 10/2;
kurylev-kp@rudn.ru

Konstantin P. Kurylev

Doctor of Historical Sciences,
RUDN University named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia; bld. 10/2, Miklukho-
Maklaya st., Moscow, 117198, Russia;
Center for the Research of Post-Soviet Countries,
Moscow, Russia; bld. 10/2, Academic
Vinogradova st., Moscow, 11733, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

Тянь Цзе

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия;
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-
Маклая, д. 10/2;
1315030300@qq.com

Tian Jie

RUDN University named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia; bld. 10/2, Miklukho-
Maklaya st., Moscow, 117198, Russia;
1315030300@qq.com

Трансформация внешнеполитической стратегии Исламской Республики Иран на Южном Кавказе

Григорий А. Синдревич

Дипломатическая академия МГИМО МИД России, Москва, Россия,

sindrevitch@gmail.com

Аннотация: статья посвящена анализу трансформации внешнеполитической стратегии Исламской Республики Иран на Южном Кавказе в период 1991–2025 годов. Актуальность исследования определяется необходимостью понимания долгосрочных трендов иранской дипломатии в условиях радикальных изменений регионального баланса сил после Второй Карабахской войны 2020 года, ослабления позиций России, усиления Турции и Азербайджана, а также активного вовлечения западных акторов в дела региона. На основе хронологического и сравнительного анализа выделены три ключевых этапа эволюции: идеологический энтузиазм постсоветского периода (1990-е годы), оформление и отработка гибридной модели (2001–2020 годы) и вынужденная адаптация к новым реалиям после 2020 года.

Показано, что постоянными факторами остаются защита территориальной целостности от пантюркизма, обеспечение коридора «Север–Юг» и противодействие западному влиянию, в то время как переменные факторы (санкции, сдвиги в региональной конфигурации, внутривнутриполитические изменения в Армении и Азербайджане) вынуждают Тегеран к постоянной корректировке инструментария.

Ключевые слова: внешняя политика Ирана, Южный Кавказ, гибридная политика, исламская революция, Нагорный Карабах, транспортный коридор «Север–Юг», региональная безопасность, Россия и Иран, пантюркизм, санкции.

Для цитирования: Синдревич Г.А. Трансформация внешнеполитической стратегии Исламской Республики Иран на Южном Кавказе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2026;13(1):42–53. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-42-53>

Поступила 17.01.2026

Принята в печать 25.02.2026

Опубликована 30.03.2026

Transformation of the Foreign Policy Strategy of the Islamic Republic of Iran in the South Caucasus

Grigorii A. Sindrevich

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
sindrevitch@gmail.com

Abstract: the article is devoted to the theoretical and methodological analysis of the transformation of the foreign policy strategy of the Islamic Republic of Iran in the South Caucasus during 1991–2025. The relevance is determined by the need to understand long-term trends in Iranian diplomacy amid radical changes in the regional balance of power after the Second Karabakh War of 2020, the weakening of Russia's positions, the strengthening of Turkey and Azerbaijan, and active Western involvement in regional affairs. Based on chronological and comparative analysis, three key stages of evolution are identified: ideological enthusiasm in the post-Soviet period (1990s), formation and refinement of the hybrid model (2001–2020), and forced adaptation to new realities after 2020.

It is shown that permanent factors include protection of territorial integrity from pan-Turkism, ensuring the North–South corridor, and countering Western influence, while variable factors (sanctions, shifts in regional configuration, domestic political changes in Armenia and Azerbaijan) force Tehran to constantly adjust its toolkit.

Keywords: Iranian foreign policy, South Caucasus, hybrid policy, Islamic revolution, Nagorno-Karabakh, North–South transport corridor, regional security, Russia–Iran relations, pan-Turkism, sanctions

For citation: Sindrevich G.A. Transformation of the Foreign Policy Strategy of the Islamic Republic of Iran in the South Caucasus. *Post-Soviet Issues*. 2026;13(1):42–53. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-42-53>

Received 17.01.2026

Revised 25.02.2026

Published 30.03.2026

ВВЕДЕНИЕ

Внешняя политика Исламской Республики Иран с момента её основания в 1979 году представляет собой уникальный и многогранный феномен, в котором изначально был заложен динамический дуализм [1]. С одной стороны, она зиждется на устойчивом идеологическом фундаменте, сформированном доктриной «веляят-е факих», конституционными нормами

и революционной риторикой, провозглашающей принципы исламской солидарности и противостояния «глобальному угнетению». С другой стороны, она демонстрирует удивительную подвижность, прагматичную гибкость и способность к глубокой адаптации в ответ на вызовы меняющейся международной обстановки. Взаимодействие неизменных идеоло-

гических основ и высокой изменчивости практических подходов образует главную аналитическую трудность и центральную проблему исследования иранской внешней политики — как на международной арене в целом, так и на южнокавказском направлении в частности.

Южный Кавказ, как регион, исторически входящий в сферу жизненно важных интересов Ирана, после распада Советского Союза в 1991 году вновь стал зоной стратегического внимания Тегерана. Возникновение на северной границе трех новых независимых государств — Азербайджана, Армении и Грузии, открыло для страны как новые возможности, связанные с перспективами экономического транзита, углубления культурно-религиозных связей и усиления своего влияния в качестве ключевой региональной державы, так и серьезные вызовы, происходящие из сложной палитры региона, включающей этнические конфликты, активное присутствие таких мощных внешних игроков, таких как Россия, Турция, США, а также рост националистических и сепаратистских тенденций, потенциально способных дестабилизировать и сам Иран.

Таким образом, трансформация внешнеполитической стратегии ИРИ на Южном Кавказе в период с 1991 по 2025 годы представляет собой перспективный кейс для изучения, анализа и выявления проблем иранской системы дипломатии. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью не просто ретроспективного описания событий, но и выявления системных закономерностей, механизмов и трендов, определяющих поведение Тегерана в этом важном для него регионе.

Внешиполитический курс Исламской Республики Иран с момента её основания представляет собой сложный и зачастую

парадоксальный синтез двух противоположных начал: идеологического, уходящего корнями в исламскую революцию 1979 года, и прагматичного, обусловленного национально-государственными интересами. Этот дуализм, часто описываемый как противостояние и взаимодействие институтов «Революции» (олицетворяемых Корпусом стражей исламской революции и ультраконсервативными кругами) и «Государства» (в лице Министерства иностранных дел и президентской администрации), формирует уникальную модель поведения на международной арене.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИРАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Необходимо отметить устойчивые факторы, составляющие идейный фундамент иранской внешней политики, остающиеся относительно неизменными на протяжении десятилетий. К ним относятся:

- Конституционные нормы и доктрина «веляят-е факих»: Верховенство правления религиозного права является краеугольным камнем политической системы ИРИ. Эта установка определяет подчиненность внешней политики высшим религиозно-идеологическим целям и обеспечивает сохранение стратегического курса, направленного на защиту исламского строя, независимо от колебаний на внешнеполитической арене.

- Шиитская идеология и поддержка «угнетенных»: Иран позиционирует себя как лидера шиитского, а в частности и мусульманского мира, защитника обездоленных («мостазафин») против глобального угнетения («мостакбарин») [2]. Эта риторика служит инструментом легитимации режима внутри страны и оправдания его политики вмешательства в регионе, как, например, поддержка шиитских групп в странах Ближнего Востока, таких

как Хуситы в Сев. Йемене и движение «Хезболла» в Ливане.

– Принцип «Ни Восток, ни Запад» [3]: Историческое недоверие к ранее существовавшей дихотомичной системе взаимодействия сверхдержав – США и СССР, унаследованное от революционной эпохи, продолжает в значительной степени влиять на стратегическое мышление Тегерана и сегодня, заставляя его искать пути создания многополярной системы международных отношений и избегать стратегического альянса как с США, так и с Россией или Китаем.

Однако, как наглядно демонстрирует динамика событий на Южном Кавказе, в реальной политике эти постоянные факторы постоянно корректируются под воздействием переменных факторов:

– Экономическая необходимость и санкционное давление: Жесткие международные санкции вынуждают Иран развигивать гибкие, подчас теневые, механизмы экономического взаимодействия. Прагматичные торговые и энергетические сделки, как с соседними странами, так и с отдаленными партнерами, часто вступают в противоречие с декларируемой «идеологической чистотой».

– Изменения в региональном балансе сил: Иран вынужден постоянно адаптироваться к действиям других региональных игроков. Ярким примером является его политика в Закавказье после Второй карабахской войны

2020 года [4]. Усиление Турции и Азербайджана, ослабление позиций России на Южном Кавказе, которое ярко проявилось в 2023 году, когда Азербайджан восстановил контроль над Нагорным Карабахом без активного вмешательства российских миротворцев,

а Армения заморозила участие в ОДКБ и начала военно-техническое сотрудничество с Францией и США, заставили Тегеран проводить тонкую и многовариантную политику, которая включает и сдержанный диалог с Баку, несмотря на идеологические разногласия и опасения по поводу распространения идеологии пантюркизма. Попытки сохранить остатки влияния в Армении, и поиск новых форматов взаимодействия (например, в рамках БРИКС), дополнительно свидетельствуют о приоритете национальной безопасности и экономических выгод над главенством идеологии.

– Прагматичные отношения: История отношений Ирана с христианской Арменией, несмотря на декларируемый радикальный курс в рамках идеи исламской революции, – классический пример такого прагматизма. Этот союз исторически был направлен на сдерживание Азербайджана и экранирование турецкого влияния, что соответствует национальным интересам Ирана как государства, а не идеалам революции.

Классические теории международных отношений (неореализм, либеральный институционализм) не позволяют в полной мере раскрыть специфику внешней политики Исламской Республики Иран. Они зачастую не в состоянии объяснить синхронное применение идеологически антагонистических методов и существование параллельных, порой противоречащих друг другу стратегий. В качестве более эффективного аналитического инструмента выступает концепция «гибридной внешней политики» (Hybrid Foreign Policy) [5], которая позволяет объяснить внутреннюю логику иранского внешнеполитического поведения¹.

¹ Constitution of the Islamic Republic of Iran (adopted in 1979, amended in 1989). <https://www.shora-gc.ir/en/news/87/constitution-of-the-islamic-republic-of-iran-full-text> (дата обращения: 22.12.2025)

«Гибридная внешняя политика» понимается как стратегия, при которой государство целенаправленно и системно сочетает легитимные, публичные методы дипломатии с неформальными, зачастую непубличными или тайными, инструментами воздействия, стирая границы между официальной и неофициальной, легальной и нелегальной, идеологической и прагматичной деятельностью. Эта модель не является случайным набором тактик, а представляет собой последовательную систему, адаптированную для функционирования в условиях санкций, международной изоляции и острой геополитической конкуренции.

В контексте иранской политики на Южном Кавказе гибридность проявляется через ряд взаимосвязанных направлений:

Инструментальная гибридность: Иран одновременно задействует весь спектр доступных ему средств:

- Официальная дипломатия: Участие в переговорах, двусторонние визиты на уровне министров и президентов, работа в рамках многосторонних форматов (ООН, ШОС, БРИКС).

- Экономические рычаги «мягкой силы»: Использование как легальных торговых и инфраструктурных проектов (например, обсуждение транзитных коридоров), так и создание сложных, непрозрачных финансовых схем и сетей для обхода санкций, часто через соседние страны, а также использование своего статуса как нефтяной державы для поддержки внешнеполитических целей и задач.

- Силовое и вооружённое прокси-влияние: Демонстрация военной мощи через учения, а также, что является ключевым элементом гибридности, неофициальное использование возможностей Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и его подразделения «Кудс»

для установления контактов с местными акторами в регионе, что создает дополнительные рычаги давления помимо официальных каналов.

- Идеологическая сила: Поддержка шиитских общин в регионе (например, в Азербайджане), распространение религиозной и культурной пропаганды, что служит долгосрочному укреплению влияния.

Целевая гибридность: Иранская стратегия ориентирована на дифференцированные внутриполитические аудитории. Она ведет диалог с официальными властями, одновременно пытаясь заручиться поддержкой или нейтрализовать влияние оппозиционных групп, этнических меньшинств или деловых кругов, чьи интересы могут не совпадать с курсом официального правительства (как например культивация про-иранских настроений среди азербайджанских талышей).

При всём вышесказанном, Иран демонстративно поддерживает два параллельных внешнеполитических нарратива:

- Революционно-идеологический нарратив: для внутренней аудитории и региональных союзников, подчеркивающий сопротивление Западу, исламскую солидарность и антисионизм.

- Прагматично-государственный нарратив: для международной арены и двусторонних отношений, акцентирующий внимание на важности суверенитета, взаимной выгоды, региональной стабильности и международном праве.

Таким образом, анализ концепции гибридной внешней политики предоставляет ключ к пониманию того, что сочетание поддержки Армении вкупе с попытками поддерживать диалог с Азербайджаном по вопросам безопасности, использование этно-религиозных мотивов параллельно с государственной дипломатией, – это

не хаос, а многоканальная стратегия, нацеленная на примирение фундаментальных основ современной иранской государственности с вызовами нового времени. Она направлена на максимизацию влияния и минимизацию рисков в нестабильном регионе, где сталкиваются интересы крупных держав, а малые государства, как показывает пример последних лет, вынуждены проводить крайне гибкую политику.

Гибридная внешняя политика Исламской Республики Иран, сочетающая идеологические императивы исламской революции с прагматическими государственными интересами, демонстрирует высокую адаптивность и тактическую эффективность в условиях санкционной изоляции и динамичного регионального баланса сил. На Южном Кавказе этот подход позволил Тегерану сохранить стратегическое присутствие несмотря на усиление Турции, Азербайджана и западных акторов, а также снижение роли России как гаранта статус-кво. Многоканальность инструментов, гибкость приоритетов и диверсификация нарративов обеспечивают минимизацию рисков и максимизацию влияния, однако внутренняя противоречивость, ограниченная предсказуемость и зависимость от внешних факторов самой модели гибридной внешней политики. В среднесрочной перспективе модель остаётся оптимальной стратегией выживания, но для обеспечения долгосрочной устойчивости требуется превращение прагматического подхода в устойчивую институциональную практику при сохранении революционной идентичности².

ИНТЕРЕСЫ И ВЫЗОВЫ ИРАНА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Интерес Исламской Республики Иран к Южному Кавказу является не ситуа-

тивным, а устойчивым и системным, проистекающим из совокупности фундаментальных факторов, которые определяют восприятие региона как зоны жизненно важных национальных интересов. Этот интерес многогранен и охватывает вопросы безопасности, экономики и идеологии.

Иран имеет прямую сухопутную границу с Арменией (35 км), Азербайджаном (611 км) и анклавом Нахичевань (179 км). Это делает его непосредственным соседом региона, любые потрясения в котором напрямую сказываются на его собственной стабильности.

На северо-западе Ирана компактно проживает многомиллионная азербайджанская диаспора. Тегеран крайне чувствителен к любым проявлениям ирредентизма и пантюркистской риторики, исходящим из Баку и подпитываемым Анкарой, рассматривая их как прямую угрозу территориальной целостности страны [6]. Усиление тюркского элемента в регионе, особенно в союзе с Турцией, воспринимается Ираном как стратегический вызов.

Иран рассматривает себя как ключевое звено в международном транспортном коридоре «Север–Юг» [7], связывающем Россию и Индию через Каспийское море и свою сухопутную территорию. Стабильность и лояльность стран Южного Кавказа критически важны для реализации этого проекта, который сулит Тегерану значительные экономические и геополитические дивиденды. В условиях жестких международных санкций Южный Кавказ представляет для Ирана жизненно важное «окно» для экономического взаимодействия в том числе с Россией и Китаем. Через этот регион осуществляются товарообмен, финансовые

² Constitution of the Islamic Republic of Iran (adopted in 1979, amended in 1989). <https://www.shora-gc.ir/en/news/87/constitution-of-the-islamic-republic-of-iran-full-text> (дата обращения: 22.12.2025)

операции и доступ к рынкам соседних стран и России. Экономические ниши, создаваемые в Армении и Грузии, позволяют Ирану смягчать последствия изоляции.

Таким образом, Южный Кавказ представляет для Ирана не просто зону стратегических интересов, но и сложное, многомерное поле, где возможности для усиления влияния неразрывно связаны с серьезными системными вызовами. Специфика региона заставляет Тегеран проводить крайне гибкую, многовариантную и зачастую реактивную политику, балансируя между противоречивыми целями и постоянно корректируя свои подходы.

Регион является ареной острой конкуренции между Россией, Турцией, США, НАТО и Европейским союзом. Иран вынужден постоянно маневрировать в этой сложной конфигурации, избегая открытой конфронтации, но и не допуская доминирования какого-либо одного враждебного ему игрока. Например, ослабление российского влияния в Армении сформировало для Тегерана дихотомию риска (интенсификация прозападной ориентации Еревана) и возможности (эксплорация альтернативных модальностей взаимодействия без референции к Москве).

Иран не может позволить себе роскошь однозначного выбора в пользу одного лагеря. Его политика представляет собой постоянное лавирование: прагматичное взаимодействие с Россией по одним вопросам (например, в рамках БРИКС) при одновременном соперничестве в других; сдержанное противодействие Турции, уравновешиваемое торгово-экономическим сотрудничеством; активное противодействие политике США и НАТО по экспансии в регионе.

Наличие потенциальных очагов напряженности, таких как Абхазия и Южная Осетия, а также разрешенного

конфликта в Нагорном Карабахе, устойчиво генерирует риски дестабилизации региона. Так, после ликвидации НКР и выхода Азербайджана на государственную восточную границу 1991 г., всё чаще начинают звучать призывы к «прорыву» Зангезурского коридора и аннексии южных областей Армении с целью создания беспрепятственного логистического транзита между Баку и Анкарой. И хотя данный потенциальный конфликт и был частично купирован в августе 2025 г. с созданием «маршрута Трампа ради мира и процветания» (т.н. «TRIPP»), данный кейс наглядно показал, что даже за решением одного конфликта всегда лежит потенциально новый, латентный конфликт.

В связи с этим, Иран нацелен проводить ярко выраженную дифференцированную политику в отношении трех государств региона. Отношения с Азербайджаном, на фоне триумфа Баку в Нагорном Карабахе, строятся на сложной смеси исторического недоверия, идеологического антагонизма и вынужденного прагматизма. Иран вынужден сдерживать политическую и экономическую экспансию Баку, не доводя до открытого конфликта.

Уже ставший традиционным прагматический союз с Арменией, основанный на принципе «враг моего врага», в данный момент является наиболее перспективным направлением развития Ирано-Армянских отношений. Однако стремительная проевропейская реориентация внешнеполитического курса Еревана в 2024 году ставит под вопрос долгосрочную устойчивость этой модели, вынуждая Иран искать новые точки соприкосновения с армянским руководством.

Партнерство с Грузией носит в основном экономический характер. Для Ирана Грузия - важный канал связи с Европой и механизм обхода санкций. Внутренняя

нестабильность в Грузии, связанная с противостоянием власти и прозападной оппозиции, представляет для Тегерана риск, так как приход к власти прозападных сил может привести к закрытию этого жизненно важного «окна». Тем не менее, в данном государстве доминирующее иранское влияние в значительной степени нейтрализуется резким усилением российского присутствия за последние несколько лет, что приводит к делегированию Москвой большей доли ответственности за предотвращение прозападной ориентации страны.

Страны Южного Кавказа активно отстаивают свой суверенитет и проводят многовекторную политику, что делает их менее предсказуемыми партнерами. Кризис отношений Азербайджана и России, связанный с падением рейса 8243 под Актау в декабре 2024 г., наглядно демонстрирует как ранее положительно-нейтральный курс в отношениях двух стран может стремительно измениться на негативную, если не сказать враждебную риторику со стороны Азербайджана в адрес Российской Федерации. Подобная реактивность требует от Ирана высокой степени адаптационной способности.

Потеря активного вовлечения России в регион Южный Кавказ и усиление Турции и Азербайджана кардинально меняют баланс сил. Иран вынужден заново выстраивать балансировку в условиях, когда традиционные схемы (например, опора на российско-армянский союз как противовес Азербайджану) перестают работать. Таким образом, специфика Южного Кавказа для Тегерана заключается в его высокой динамичности и непредсказуемости. Регион представляет для Ирана не статичную шахматную доску, а постоянно меняющийся ландшафт, где сегодняшний партнер завтра может стать проблемой, а угроза — возможностью. Это

заставляет иранское руководство отказываться от жестких идеологических схем в пользу ситуативного прагматизма и гибридных подходов, позволяющих гибко реагировать на любые изменения региональной конъюнктуры.

Таким образом, Южный Кавказ предстаёт для Ирана не статичной ареной геополитической игры, а динамичным полем, где стратегические императивы безопасности, экономической выгоды и идеологического влияния требуют постоянной калибровки подходов в ответ на эволюцию региональной конфигурации. Эта необходимость адаптации, обусловленная высокой волатильностью баланса сил и непредсказуемостью локальных акторов, логически подводит к анализу исторической траектории иранской стратегии в регионе — от постсоветского энтузиазма до зрелой гибридной модели, прошедшей испытание радикальными трансформациями 2020–2025 годов.

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ИРАНА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (1991–2025 гг.)

Рассмотрим подробнее на примере распада Советского Союза в 1991 году и появление на северных границах Ирана трех новых независимых государств стали для Тегерана одновременно и историческим шансом, и серьезным вызовом. Этот период характеризовался попыткой совместить революционный идеологический импульс с необходимостью выстраивания прагматичных отношений в радикально новой геополитической реальности.

Первоначальная реакция Тегерана характеризовалась наивным энтузиазмом, проистекавшим из революционной риторики недавно вышедшего победителем из кровопролитной Ирано-Иракской войны революционного режима. Тегеран

видел в коллапсе «безбожного» советского режима шанс для «экспорта исламской революции» на северном направлении, ранее упущенный в Арабском Мире из-за противостояния с Ираком, и укрепления шиитского влияния в регионе, особенно в Азербайджане. Были предприняты попытки наладить религиозные и культурные связи, поддерживались исламистские группы.

Однако очень быстро эти идеологические устремления натолкнулись на ситуативные препятствия. Правящие элиты новых государств, особенно в Азербайджане, несмотря на шиитское большинство, придерживались строго светской, националистической и прозападной ориентации, видя в иранском влиянии угрозу своей собственной власти и идентичности. Активность Ирана в Азербайджане вызвала резкую обратную реакцию. Баку начал обвинять Тегеран в поддержке сепаратистских настроений среди персидско-говорящих этнических меньшинств, в свою очередь развернув аналогичную кампанию в Иранском Южном Азербайджане. Это заставило Иран свернуть открытую идеологическую экспансию, так как угроза собственной территориальной целостности быстро была признана приоритетом.

Ключевым моментом, определившим прагматичный поворот иранской политики, стал начавшийся Нагорно-Карабахский конфликт. Несмотря на декларируемую исламскую солидарность, Иран де-факто встал на сторону христианской Армении в ее противостоянии с тюркским и шиитским Азербайджаном. Иран стал одним из основных источников энергоносителей и поддержки логистики для фактически заблокированной Армении, получив важный рычаг влияния на Ереван и обеспечив себе геополитическую выгоду. Этот, казалось бы, парадоксальный выбор был

продиктован трезвым расчетом национальных интересов: усиление Азербайджана, поддержанного Турцией, воспринималось Тегераном как прямая угроза, способная разжечь националистические настроения внутри его собственного азербайджанского населения. Поддержка Армении позволяла создать противовес азербайджано-турецкому тандему и не допустить монополизации влияния в регионе со стороны Турции. Ослабление Азербайджана и его переход в сферу влияния был также в интересах Тегерана.

Иран пытался позиционировать себя в качестве посредника в карабахском конфликте, однако его усилия не увенчались успехом. Относительная слабость Ирана в 1990-е г., как следствие Ирано-Иракской войны, его международная изоляция и очевидная предвзятость не позволили ему конкурировать с форматом Минской группы ОБСЕ во главе с Россией, США и Францией.

Итогами этапа 1991-2001 гг. стали для Ирана временем поиска ориентиров и формирования основы его будущей гибридной модели. Идеологический порыв быстро уступил место прагматизму, основанному на принципах балансирования и сдерживания. Ключевым результатом стало установление прочного, хотя и не афишируемого, стратегического партнерства с Арменией и выработка осторожной, подозрительной линии в отношении Азербайджана. В отношениях с Грузией преобладал в основном экономический интерес. К концу периода Иран осознал ограниченность своих ресурсов и необходимость действовать в условиях сильной конкуренции со стороны внешних игроков, а также оттягивания имеющихся ресурсов на другие «фронты», в том числе Палестинский в рамках противостояния с Израилем, что заложило основу

для более гибкой и многоплановой стратегии в последующее десятилетие.

Период с 2001 по 2020 год стал для иранской стратегии на Южном Кавказе временем оформления и отработки той самой гибридной модели. Этот подход, основанный на синтезе риторики и прагматизма, был доведен до совершенства в ответ на ужесточение санкционного режима на фоне кризиса вокруг попыток Ирана по созданию собственного атомного оружия и усугубление региональной конкуренции.

Этап с 2020 по 2025 год, инициированный Второй Карабахской войной, можно интерпретировать как фазу принудительной адаптации и оценки устойчивости сложившейся модели к радикально трансформировавшимся условиям, фоновой кульминацией которых выступило прямое вооружённое противостояние с Израилем и США.

Если в 1990-е гг. синтез риторики и прагматизма был вынужденной мерой, то в данный период он стал осознанной стратегией. Революционная риторика окончательно превратилась из руководства к действию в инструмент легитимации для внутренней аудитории и идеологических союзников. На фоне ослабления позиций КСИР в ходе ударов США, кульминацией которых стала ликвидация генерала Сулеймани, приведение к жизни подобной стратегии стало куда более простым делом. Реальные же решения теперь принимались на основе трезвого расчета национальных интересов. Ярчайшим примером остается союз с христианской Арменией и взаимодействие с Россией по ряду вопросов, которые не только сохранились, но и углубились, несмотря на все идеологические постулаты об исламской революционности.

Иран научился использовать параллельные каналы воздействия в рамках

официальной дипломатии и активной работы в рамках переговорных процессов и двусторонних комиссий, развития приграничной торговли, инвестиций в инфраструктурные проекты (например, энергетика в Армении). Ранее позиционировавшееся как фундаментальное противоречие между декларациями об исламской солидарности и реальной политикой перестало быть аномалией и было фактически ликвидировано, став органической чертой иранского подхода, демонстрирующего примат государственных интересов над идеологическими.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный теоретико-методологический анализ трансформации внешнеполитической стратегии Исламской Республики Иран на Южном Кавказе в период с 1991 по 2025 годы позволяет сделать ряд основополагающих выводов, имеющих значение для понимания не только региональной политики Тегерана, но и природы современных гибридных международных акторов.

Внешнеполитический курс ИРИ в регионе прошел сложную эволюцию: от первоначального идеологического импульса и поиска ориентиров в начале 1990-х годов до формирования к 2020-м годам зрелой, устойчивой гибридной модели. Эта модель доказала свою относительную эффективность как в условиях стабильности, так и в моменты резких геополитических сдвигов, подобных тем, что последовали за Второй Карабахской войной. Ключевым результатом этой трансформации стало окончательное превращение революционной риторики из руководства к действию в инструмент легитимации, в то время как реальная политика стала определяться трезвым расчетом национальных интересов.

Иранская стратегия продемонстрировала незаурядную способность адаптироваться к экстремальным условиям, таким как санкционное давление и острая региональная конкуренция. Вместо ослабления, эти вызовы стимулировали развитие альтернативных, многоуровневых механизмов влияния, сочетающих официальную дипломатию, экономическое проникновение и неформальные силовые и идеологические каналы.

События 2020–2025 годов выступили оценкой устойчивости иранского подхода. Крах прежнего статус-кво, усиление Азербайджана и Турции, ослабление роли России и стремительный разворот Армении на Запад потребовали от Тегерана немедленной и точной корректировки. Ответ Ирана – вынужденный, но прагматичный диалог с Баку, поиск новых точек соприкосновения с прозападным Ереваном и активное использование многосторонних форматов, таких как БРИКС, – свидетельствует о том, что его гибридная модель является динамичной системой, а не застывшей догмой.

Таким образом, внешнеполитическая стратегия Ирана на Южном Кавказе остается ярким примером того, как государство, находясь в условиях системного давления, способно не просто выживать, но и активно формировать сложную, многомерную архитектуру своих региональных связей, где подлинным ориентиром является не идеология, а прагматичная и гибкая защита национальных интересов.

Развитие событий в 2025–2026 годах, включая эскалацию прямого военно-политического противостояния Ирана с США и Израилем в феврале 2026 г., сопровождавшееся ударами по ключевым объектам и руководству страны, а также ответными действиями Тегерана, в том числе за пределами Ближнего Востока, кардинально усилило неопределённость и риски для иранской внешней политики на всех направлениях, включая южнокавказское. Параллельно продвижение проекта «Trump Route for International Peace and Prosperity» (TRIPP) в рамках армяно-азербайджанского урегулирования под эгидой США, создание долгосрочных механизмов транзита через территорию Армении с существенным западным участием и маргинализацией традиционных игроков (включая Иран и Россию), а также зафиксированные инциденты напряжённости на ирано-азербайджанской границе и в приграничных районах, наглядно демонстрируют дальнейшее сужение пространства для манёвра Тегерана. Эти процессы подтверждают и обостряют ранее выявленные тенденции зависимости гибридной модели от внешних факторов и волатильности регионального баланса сил, одновременно создавая новые вызовы для сохранения стратегического присутствия Ирана на Южном Кавказе в условиях углубляющейся многосторонней конкуренции и потенциальной внутренней дестабилизации. В этой связи дальнейшее изучение эволюции иранской стратегии в постконфликтной и посткризисной перспективе приобретает особую актуальность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Dadparvar S. Islamic Republic of Iran's Foreign Policy in the South Caucasus: Opportunities and Constraints. Cambridge Scholars Publishing; 2023. 515 p.
2. Heiran-Nia J., Monshipouri M. Raisi and Iran's Foreign Policy Toward the South Caucasus. *The Muslim World*. 2023;113(1-2):120-139. DOI: 10.1111/muwo.12460.
3. Звягельская И.Д. Южный Кавказ в иранской стратегии. *Россия в глобальной политике*. 2023;21(4):112-130.
4. Souleimanov E.A., Abrahamyan A. The End of the Second Karabakh War and Its Implications for Iran. *Middle East Policy*. 2021;28(2):123-138.
5. McLarren K., Stahl B. How States Punch above Their Weight: Introducing Hybrid Actorness as Expanded Foreign Policy. *Foreign Policy Analysis*. 2025;21(1). DOI: 10.1093/fpa/orae031.
6. Vatanka A. Iran, Turkey, and the Future of the South Caucasus. Middle East Institute; 2022. May 4. URL: <https://www.mei.edu/publications/iran-turkey-and-future-south-caucasus>
7. Федулов И.В. Международный транспортный коридор «Север-Юг» в новых геополитических условиях: текущее состояние и перспективы. *Восточная аналитика*. 2023;3:81-97. DOI: 10.31696/2227-5568-2023-03-81-97.

REFERENCES

1. Dadparvar S. Islamic Republic of Iran's Foreign Policy in the South Caucasus: Opportunities and Constraints. Cambridge Scholars Publishing; 2023. 515 p.
2. Heiran-Nia J., Monshipouri M. Raisi and Iran's Foreign Policy Toward the South Caucasus. *The Muslim World*. 2023. 2023;113(1-2): 120-139. DOI: 10.1111/muwo.12460.
3. Zvyagelskaya I.D. The South Caucasus in Iranian Strategy. *Russia in Global Affairs*. 2023;21(4):112-130. (In Russ.)
4. Souleimanov E.A., Abrahamyan A. The End of the Second Karabakh War and Its Implications for Iran. *Middle East Policy*. 2021;28(2):123-138.
5. McLarren K., Stahl B. How States Punch above Their Weight: Introducing Hybrid Actorness as Expanded Foreign Policy. *Foreign Policy Analysis*. 2025;21(1). DOI: 10.1093/fpa/orae031.
6. Vatanka A. Iran, Turkey, and the Future of the South Caucasus. Middle East Institute; 2022. May 4. URL: <https://www.mei.edu/publications/iran-turkey-and-future-south-caucasus>
7. Fedulov I.V. International North-South Transport Corridor in the New Geopolitical Conditions: Current State and Prospects. *Eastern Analytics*. 2023;14(3):81-97. DOI: 10.31696/2227-5568-2023-03-81-97. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Григорий А. Синдревич

Дипломатическая академия МГИМО МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;
sindrevitch@gmail.com

Grigori A. Sindrevich

Diplomatic Academy of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
sindrevitch@gmail.com

Искусственный интеллект в экономической политике постсоветских стран: возможности и ограничения

Александр А. Уланов

МГИМО МИД России, Москва, Россия,

a.ulanov@inno.mgimo.ru

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу возможностей и ограничений применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в экономической политике стран постсоветского пространства в период 2019–2025 гг. Автор рассматривает ИИ как стратегический инструмент макроэкономического регулирования, способный оптимизировать фискальное администрирование, прогнозирование и управление рисками. В работе исследуется переход экономик постсоветских стран от фрагментарной цифровизации к системному стратегическому планированию, закреплённому в национальных концепциях и стратегиях развития ИИ. Особое внимание уделяется практическим кейсам внедрения технологий в государственном секторе и финансовой сфере, а также влиянию ИИ на повышение собираемости налогов и трансформацию бизнес-процессов. В результате исследования выявлены существенные барьеры, препятствующие реализации технологического потенциала региона: дефицит квалифицированных кадров, инфраструктурный разрыв между центрами и периферией, а также технологическая зависимость от импортных компонентов и оборудования. Обосновано, что внедрение ИИ ведет к поляризации занятости и риску роста структурной безработицы в секторах с преобладанием рутинного труда. Автор делает вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего инвестиции в суверенную инфраструктуру данных с развитием человеческого капитала и совершенствованием нормативно-правового регулирования. Результаты исследования могут быть использованы для дополнения и уточнения мер в рамках национальных политик в области цифрового развития и минимизации социальных рисков автоматизации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экономическая политика, постсоветское пространство, цифровая трансформация, технологический суверенитет, рынок труда, институциональная среда, макроэкономическое регулирование

Для цитирования: Уланов А.А. Искусственный интеллект в экономической политике постсоветских стран: возможности и ограничения. *Проблемы постсоветского пространства*. 2026;13(1):54–63. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-54-63>

Поступила 11.01.2026

Принята в печать 12.02.2026

Опубликована 30.03.2026

Artificial Intelligence in Economic Policy of Post-Soviet Countries: Opportunities and Limitations

Alexander A. Ulanov

MGIMO of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia,

a.ulanov@inno.mgimo.ru

Abstract: the article provides a comprehensive analysis of the potential and limitations of applying artificial intelligence (AI) technologies in the economic policy of post-Soviet countries from 2019 to 2025. The author examines AI as a strategic tool for macroeconomic regulation capable of optimizing fiscal administration, forecasting and risk management. The study examines the transition of post-Soviet economies from fragmented digitalization to systemic strategic planning enshrined in national AI development concepts and strategies. Particular attention is paid to practical cases of technology implementation in the public sector and finance, as well as the impact of AI on increasing tax collection and business processes' transformation.

The study identified significant barriers hindering the realization of the region's technological potential: a shortage of skilled personnel, an infrastructure gap between the centers and the periphery, and technological dependence on imported components and equipment. It is proved that the introduction of AI leads to employment polarization and the risk of increasing structural unemployment in sectors with a predominance of routine labor. The author concludes that a comprehensive approach is needed, combining investments in sovereign data infrastructure with human capital development and improved regulatory frameworks. The study's findings can be used to complement and refine national digital development policies and minimize the social risks of automation.

Keywords: artificial intelligence, economic policy, post-Soviet space, digital transformation, technological sovereignty, labor market, institutional environment, macroeconomic regulation

For citation: Ulanov A.A. Artificial Intelligence in Economic Policy of Post-Soviet Countries: Opportunities and Limitations. *Post-Soviet Issues*. 2026;13(1):54–63. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-54-63>

Received 11.01.2026

Revised 12.02.2026

Published 30.03.2026

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования использования искусственного интеллекта (ИИ) в экономической политике постсоветских стран обусловлена ускоряющейся цифровизацией глобальной экономики и необходимостью адаптации национальных экономических систем к вызовам новых технологических трансформаций. По оценкам ЮНКТАД, широкое распространение технологий искусственного интеллекта «может положить начало пятой промышленной революции, в которой люди и умные машины будут сотрудничать»¹. С принятием в 2019 г. Указа Президента России о развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации, технологии ИИ начинают получать закрепление в основных документах, влияющих на экономическую политику постсоветских государств.

В условиях постсоветского пространства, характеризующегося разнородностью экономических моделей – от ресурсной ориентации до сервисных и формирующихся инновационных – ИИ может выступать в качестве стратегического инструмента повышения конкурентоспособности, оптимизации государственных расходов и стимулирования устойчивого роста.

По данным компании IDC, искусственный интеллект внесет вклад в мировую экономику в размере 19,9 трлн долларов США и обеспечит 3,5% мирового ВВП в 2030 году². В развивающихся экономиках эффект будет зависеть от институциональной среды. В постсоветских странах

этот потенциал сталкивается с ограничениями: дефицитом квалифицированных кадров, инфраструктурными проблемами и геополитическими факторами, что делает тему особенно значимой.

Например, в России в соответствии с поставленной Президентом В.В.Путиным задачей вклад ИИ в ВВП страны к 2030 году должен превысить 11 трлн рублей. В развитие этой цели Президент России поручил Правительству и главам регионов сформировать национальный план внедрения ИИ на уровне страны, отраслей и субъектов³. Вместе с тем сдерживающее влияние на реализацию проектов оказывают санкционные ограничения.

Аналогичные вызовы наблюдаются и в странах постсоветского пространства. К примеру, Узбекистан и Казахстан активно продвигают цифровые платформы, однако сталкиваются с рисками цифрового неравенства.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ возможностей и ограничений применения ИИ в экономической политике постсоветских стран.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- 1) выявить ключевые направления интеграции ИИ в макроэкономическое регулирование (прогнозирование, фискальную политику, управление рисками);
- 2) оценить институциональные и технологические барьеры;
- 3) проанализировать успешные кейсы и затруднения на основе имеющихся данных;

¹ Technology and Innovation Report 2025. Inclusive artificial intelligence for development (UNCTAD/TIR/2025). 07 Apr 2025. UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025_en.pdf – p.19 (дата обращения: 07.01.2026)

² The Global Impact of Artificial Intelligence on the Economy and Jobs. 17 Sep 2024. IDC. URL: <https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=US51057924> (дата обращения: 07.01.2026)

³ Вклад ИИ в ВВП страны к 2030 году должен превысить 11 трлн рублей. Аналитический центр при Правительстве России. 20.11.2025. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/vklad-ii-v-vvp-strany-k-2030-godu-dolzen-prevysit-11-trln-rublej-28260> (дата обращения: 07.01.2026)

4) предложить рекомендации по оптимизации политики с учетом региональной специфики.

Обзор научной литературы и экспертных исследований свидетельствует о растущем интересе к тематике использования ИИ в экономической политике, но с фрагментарным охватом постсоветского пространства.

Современные зарубежные работы акцентируют внимание на глобальных трендах и рисках. Так, по данным ООН, искусственный интеллект может повлиять на 40% рабочих мест во всём мире, обеспечивая повышение производительности труда, но также повышая риски автоматизации и вытеснения рабочих мест, что может усугубить неравенство и снизить конкурентное преимущество дешевой рабочей силы в развивающихся странах⁴. ОЭСР анализирует примеры применения ИИ в оптимизации государственных расходов, к примеру, в области социального обеспечения⁵. Работы Д. Аджемоглу и П. Рестрепо фокусируются на эффектах замещения и повышения производительности, которые искусственный интеллект оказывает на рынок труда [1]. Усиление данных эффектов требует дополнительного изучения, поскольку чревато дальнейшей поляризацией занятости в переходных экономиках.

Отечественные подходы к исследуемой проблематике характеризуются большей фокусировкой на социальных аспектах применения ИИ. Так, Н.П. Бродская, исследуя перспективы развития технологий искусственного интеллекта в странах Содружества Независимых Государств через призму проблем глобального цифрового неравенства, отмечает, что несмотря на наличие значительного научного потенциала и амбициозных государственных стратегий, страны СНГ сталкиваются с риском усиления цифрового разрыва [2]. Р.С. Выходец обращает внимание на то, что для политики стран ЕАЭС в области ИИ характерна ориентация на внешние технологии и инвестиции [3]. Для стран региона имеет первостепенное значение укрепление собственного технологического суверенитета и выработка единой политики в сфере наиболее передовых технологий, в том числе в области ИИ [4].

Географические рамки исследования определены странами постсоветского пространства. Временные рамки охватывают период 2019-2025 гг., когда в ряде постсоветских стран были разработаны национальные стратегии и концепции развития искусственного интеллекта: Россия (2019 г.)⁶, Казахстан (2024 г.)⁷, Узбекистан (2024 г.)⁸, Азербайджан (2025 г.)⁹.

⁴ AI's \$4.8 trillion future: UN Trade and Development alerts on divides, urges action. UNCTAD. URL: <https://unctad.org/press-material/ais-48-trillion-future-un-trade-and-development-alerts-divides-urges-action> (дата обращения: 07.01.2026)

⁵ Artificial Intelligence in Society. OECD. URL: https://www.oecd.org/en/publications/artificial-intelligence-in-society_eedfee77-en.html (дата обращения: 07.01.2026)

⁶ Указ Президента России от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 07.01.2026)

⁷ Концепция развития искусственного интеллекта на 2024-2029 годы (утв. постановлением Правительства Республики Казахстан от 24.07.2024 № 592). URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/stroi-akzhar/documents/details/970592?lang=ru> (дата обращения: 07.01.2026)

⁸ Постановление Президента Республики Узбекистан от 14.10.2024 № ППИ-358 «Об утверждении Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года». URL: <https://lex.uz/ru/docs/7158606> (дата обращения: 07.01.2026)

⁹ Распоряжение Президента Азербайджанской Республики «Об утверждении «Стратегии искусственного интеллекта Азербайджанской Республики на 2025-2028 годы». 19.03.2025. URL: <https://president.az/ru/articles/view/68364> (дата обращения: 07.01.2026)

Практическая значимость исследования проявляется в систематизации имеющейся информации об использовании ИИ в экономической политике постсоветских стран [5]. Результаты могут быть использованы правительствами государств региона для нюансировки политики в области цифрового развития, минимизации рисков автоматизации труда и максимизации выгод от использования ИИ в различных отраслях экономики [6].

Таким образом, исследование заполняет пробел в изучении ИИ как инструмента экономической политики постсоветского пространства, предлагая сбалансированный взгляд на возможности (рост производительности в ключевых секторах) и ограничения (цифровой разрыв, рост безработицы), способствуя устойчивому развитию региона [7].

МЕТОДОЛОГИЯ

Исследование основано на междисциплинарном подходе к изучению искусственного интеллекта как фактора трансформации экономической политики в переходных экономиках. В качестве методологической основы используются подходы, свойственные новому институционализму [8], а также теория эндогенного роста [9]. В развитие упомянутых теорий настоящая статья рассматривает искусственный интеллект как драйвер технологических скачков, а также подчеркивает роль инфраструктуры и регуляторной политики в диффузии инноваций в контексте ИИ. В практическом плане методология включает сравнительный анализ и кейс-стади [10].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведённое исследование показало, что целенаправленное и систематическое использование государствами ИИ

в экономической политике становится стратегическим приоритетом для обеспечения экономического роста. Значение использования искусственного интеллекта в увеличении ВВП стран постсоветского пространства будет расти пропорционально уровню институциональной поддержки и объёму включения соответствующих мероприятий в национальные планы развития.

К примеру, значимый вклад в достижение поставленной Президентом России В.В.Путиным задачи по обеспечению повышения вклада ИИ в ВВП страны к 2030 году вносит использование искусственного интеллекта в Федеральной налоговой службе России для автоматического выявления разрывов в цепочках НДС. Использование данной технологии в рамках налогового мониторинга позволило повысить собираемость налогов без увеличения налогового бремени и оказало положительный эффект в контексте дальнейшей оптимизации фискальной политики.

Можно утверждать, что ведущие экономики постсоветского пространства перешли от фрагментарной цифровизации к системному долгосрочному планированию, в том числе в области ИИ, о чём свидетельствует разработка национальных концепций и стратегий в сфере искусственного интеллекта в 2019-2025 гг. Принятие подобных документов институционально закрепляет ИИ как инструмент макроэкономического регулирования. Например, утверждённая Правительством Республики Казахстан Концепция развития искусственного интеллекта на 2024-2029 годы подразумевает широкое применение технологий ИИ в различных отраслях экономики от добычи полезных ископаемых до торговли при системной инфраструктурной и финансовой поддержке государства.

Исследование подтверждает наличие угрозы технологической поляризации. Страны с ресурсной моделью экономики быстрее внедряют ИИ за счёт государственных инвестиций, в то время как менее развитые экономики региона рискуют оказаться в зависимости от импортных технологий, что подрывает их технологический суверенитет. Цифровое неравенство может нарастать и внутри стран. К примеру, Узбекистан, приняв Стратегию развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года и активно развивая IT-парки, тем не менее сталкивается с неравномерным доступом к высокоскоростному Интернету в сельских регионах по сравнению с Ташкентом, что ограничивает возможности внедрения ИИ-инструментов в сельском хозяйстве и образовании на периферии.

Подтверждаются вызовы для рынка занятости. ИИ замещает рутинный труд, что в условиях избыточной или дешёвой рабочей силы, характерной для ряда стран Центральной Азии, может привести к росту структурной безработицы. Вместе с тем, одновременно создается спрос на высококвалифицированные кадры, дефицит которых является барьером. Так, в банковском секторе стран региона, например, в Halyk Bank (Казахстан) или в Сбер (Россия), внедрение ИИ в деятельность колл-центров и процессы кредитного скоринга приводит к сокращению должностей младших сотрудников, одновременно порождая значительный спрос на специалистов по аналитике данных, которых образовательные системы стран пока не готовят в нужных объемах.

Внешние санкции и ограничение доступа к глобальным библиотекам данных и передовому оборудованию и сырью, включая чипы и полупроводники, замедляют темпы внедрения ИИ, вынуждая

страны региона форсировать разработку собственных решений или вступать в технологические альянсы. В подобной ситуации оказались Россия и Белоруссия. Решая данную задачу, Россия переориентировала разработку ИИ на использование отечественных библиотек машинного обучения и создание суверенных языковых моделей (например, GigaChat и YandexGPT), которые интегрируются в государственные услуги и бизнес-процессы для обеспечения устойчивости управления.

В целом, проведённое исследование свидетельствует, что для стран постсоветского пространства расширение внедрения искусственного интеллекта может создать как возможности, так и угрозы. С одной стороны, ИИ представляет собой значимый инструмент для оптимизации экономической политики и модернизации отраслей экономики (как наглядно показывают примеры России и Казахстана), с другой – дополнительный потенциальный фактор социальной нестабильности из-за возможного вытеснения рабочих мест и инфраструктурного отставания периферийных регионов.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты в целом подтверждают, что внедрение ИИ в странах постсоветского пространства выступает не «универсальным усилителем эффективности», а технологией, эффект которой определяется качеством институтов, зрелостью инфраструктуры данных и способностью государства и бизнеса управлять социальными последствиями автоматизации.

В рамках дальнейшего исследования данной темы можно предположить, что наибольший прикладной эффект от использования ИИ в экономической политике проявляется там, где уже накоплены

релевантные массивы данных и формализованы процессы. Для постсоветских стран это особенно важно, поскольку многие управленческие процедуры исторически сталкиваются с ведомственной разрозненностью и необходимостью «ручного» согласования. ИИ в таком случае может оказать положительное влияние на развитие экономической политики не только за счёт конкретных результатов от его непосредственного использования, но и косвенно за счёт вынужденной стандартизации данных и регламентов. Одновременно это объясняет, почему эффект неоднороден: в отраслях с высокой цифровой зрелостью (налоговое администрирование, городское управление, финансы) прирост выше, чем в сферах, где данные слабо структурированы или зависят от межведомственного обмена.

Крайне важно корректно оценивать потенциальные риски. ИИ способен воспроизводить и усиливать уже существующие территориальные и отраслевые диспропорции. Для постсоветского пространства характерна концентрация человеческого капитала и инвестиций в нескольких крупных агломерациях, тогда как периферийные регионы испытывают дефицит инфраструктуры связи, вычислительных мощностей и квалифицированных кадров. Это объясняет, почему эффекты от использования искусственного интеллекта концентрируются в телекоммуникациях и банкинге, но слабее проявляются в малом бизнесе и региональных учреждениях. В логике теории эндогенного роста это может способствовать формированию определённой разновидности ловушки бедности: без начальных вложений в инфраструктуру и образование периферия не может извлечь выгоду из ИИ, но без выгоды снижается мотивация и способность инвестировать. Иными

словами, расширение использования ИИ может иметь не только положительные, но и отрицательные экстерналии.

Намечающийся структурный сдвиг на рынке труда (сокращение позиций, характеризующихся рутинным трудом, при росте спроса на аналитические и инженерные компетенции) согласуется с концепцией «поляризации занятости». Однако для постсоветских стран его значение может быть более острым из-за ограниченных ресурсов в области профессиональной переподготовки и миграции талантов. Это ведет к двойному эффекту: внутри стран усиливается разрыв между работниками с цифровыми навыками и без них, а между странами – разрыв между теми, кто способен удерживать и привлекать специалистов по данным, и теми, кто становится «донором» таких кадров. Поэтому экономический выигрыш от ИИ в краткосрочном периоде может сопровождаться социальными издержками, что делает критически важными активные политики переобучения, стимулирование корпоративных программ по переподготовке и развитие прикладных образовательных треков в высших учебных заведениях.

Важное место в интерпретации результатов исследования занимает фактор ограничения доступа к передовому оборудованию и компонентам ИИ-экосистемы. Даже при наличии данных и запросов со стороны государства и бизнеса дефицит вычислительных ресурсов, зависимость от зарубежных поставок и фрагментация технологических цепочек повышают стоимость внедрения и снижают скорость диффузии инноваций. В результате страны вынуждены выбирать между импортом решений, сопряжённым с рисками технологической зависимости, развитием собственных моделей, характеризующимся высокими фиксированными затратами

и адаптацией открытых технологий. Это дополнительно усиливает неравномерность: крупные игроки и столицы, такие как Россия и Казахстан, способны финансировать локальные разработки и инфраструктуру, а ряд стран региона, таких как Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан нередко вынуждены ограничиваться точечными решениями или откладывать внедрение.

Обсуждаемые результаты следует трактовать с учётом ограничений исследовательского дизайна, который опирался на кейс-стади и вторичные данные. Кейсы из финансового сектора и государственного управления могут смещать картину в сторону тех отраслей, где данные наиболее доступны и цифровизация выше. Оценка эффектов зачастую базируется на внутренних метриках стран и не всегда сопоставима на межстрановом уровне. Наконец следует учитывать идущие параллельно с внедрением ИИ комплексные процессы цифровой трансформации и внедрения других технологий: положительные эффекты для экономик стран постсоветского пространства могут объясняться не только использованием искусственного интеллекта, но и реинжинирингом процессов, обновлением ИТ-ландшафта и изменениями в регуляторике.

С практической точки зрения исследование показывает, что внедрение ИИ в экономическую политику стран региона должно рассматриваться в комплексе: технологические инвестиции дают максимальный эффект лишь при одновременном развитии управления данными, совершенствовании алгоритмов, улучшении нормативно-правового регулирования и развитии человеческого капитала. Для научной повестки результаты подчеркивают необходимость дальнейших сравнительных исследований по странам

и секторам, количественной оценки влияния ИИ на производительность и занятость.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование подтвердило, что искусственный интеллект становится значимым инструментом экономической политики постсоветских стран, однако его влияние не является универсальным и напрямую зависит от качества институтов, цифровой зрелости, доступности данных и способности государств управлять социальными последствиями автоматизации. В 2019-2025 гг. ряд государств региона перешёл от фрагментарной цифровизации к более системному стратегическому планированию в сфере ИИ, что отражено в национальных концепциях и стратегиях и закрепляет ИИ в качестве элемента макроэкономического регулирования.

Практические эффекты применения ИИ проявляются наиболее отчетливо в сферах с высокой формализацией процедур и накопленными данными. Кейс использования ИИ в Федеральной налоговой службе России демонстрирует потенциал технологий для повышения эффективности фискального администрирования и роста собираемости налогов без прямого увеличения налогового давления. Примеры Казахстана и Узбекистана показывают, что государственная поддержка и развитие цифровых экосистем могут ускорять внедрение ИИ в отраслях экономики, но одновременно выявляют проблему неравномерности доступа к инфраструктуре и цифровым сервисам между столицами и периферией.

Вместе с тем исследование выявило ряд ограничений, способных снизить суммарный экономический эффект от ИИ и усилить диспропорции развития. Ключевыми барьерами выступают

дефицит квалифицированных кадров и риски поляризации занятости, когда вытеснение рутинного труда сопровождается ростом спроса на компетенции в области данных, которые образовательные системы государств постсоветского пространства пока формируют недостаточно быстро. Существенным ограничителем также является технологическая зависимость от внешних поставок оборудования и компонентов ИИ-экосистем, что повышает издержки внедрения и стимулирует страны к выбору между импортом решений, развитием собственных моделей и адаптацией открытых технологий. Это усиливает технологическую поляризацию: более крупные экономики способны инвестировать в суверенные разработки и инфраструктуру, тогда как менее

развитые страны вынуждены ограничиваться точечными проектами.

В целом, для максимизации выгод и снижения рисков от внедрения искусственного интеллекта в экономическую политику странам постсоветского пространства необходим комплексный подход: инвестиции в данные и инфраструктуру, развитие человеческого капитала и программ переобучения, совершенствование нормативно-правового регулирования и принятие мер по сокращению цифрового неравенства. Перспективы дальнейших исследований связаны с межстрановыми сопоставлениями, количественной оценкой влияния ИИ на производительность и занятость, а также анализом устойчивости выбранных моделей внедрения в условиях различий институциональной и технологической среды.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Acemoglu D., Restrepo, P. Artificial Intelligence, Automation and Work. NBER Working Papers 24196. National Bureau of Economic Research, Inc. 2018.
2. Бродская Н.П. Технологии искусственного интеллекта в странах СНГ: проблемы и перспективы. *Россия и новые государства Евразии*. 2025;III (LXVIII):138-150. doi: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2025-3-138-150>
3. Ведута Е.Н., Гегамян Л.А. Искусственный интеллект в обеспечении устойчивого экономического развития. Государственное управление. *Электронный вестник*. 2025;110:179-194. doi: <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-110-2025-179-194>
4. Выходец Р.С. Политика стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022;16(3):106-117. doi: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-03-106-117>
5. Городнова Н.В. Применение искусственного интеллекта в цифровой экономике. *Первое экономическое издательство*. 2021. 154 с. doi: <https://doi.org/10.18334/9785912923777>
6. Лексин В.Н. Искусственный интеллект в экономике и политике нашего времени. Статья 1. Искусственный интеллект как новая экономическая и политическая реальность. *Российский экономический журнал*. 2020;4:3-30. doi: <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2020-5-3-33>
7. Масалов Е.И., Старых С.А. Искусственный интеллект как основа формирования нового экономического устройства стран. *Управленческий учет*. 2025;6:206-212. DOI: 10.25806/uu-5292.
8. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press (Political Economy of Institutions and Deci-

- sions). 1990. doi: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>
9. Romer P.M. Endogenous technological change. *Journal of political Economy*. 98(5, Part 2). doi: <https://doi.org/10.1086/261725>
10. Trabelsi M.A. The Impact of Artificial Intelligence on Economic Development. *Journal of Electronic Business & Digital Economics*. 2024;3(2):142-155, doi: <https://doi.org/10.1108/JEBDE-10-2023-0022>

REFERENCES

1. Acemoglu D. & Restrepo P. Artificial Intelligence, Automation and Work. NBER Working Papers 24196. National Bureau of Economic Research, Inc. 2018.
2. Brodskaya N.P. Artificial Intelligence Technologies in the CIS Countries: Problems and Prospects. *Russia and the New States of Eurasia*. 2025;III (LXVIII):138-150. doi: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2025-3-138-150> (In Russ.).
3. Veduta E.N., Geghamyan L.A. Artificial Intelligence in Ensuring Sustainable Economic Development. Public Administration. *Electronic Bulletin*. 2025;110:179-194. doi: <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-110-2025-179-194>
4. Vyhodets R.S. Policy of the EAEU countries in the field of artificial intelligence. *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2022;16(3): 106-117. doi: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-03-106-117> (In Russ.).
5. Gorodnova N.V. Application of Artificial Intelligence in the Digital Economy. *First Economic Publishing House*. 2021. 154 p. doi: <https://doi.org/10.18334/9785912923777> (In Russ.).
6. Leksin V.N. Artificial Intelligence in the Economics and Politics of Our Time. Article 1. Artificial Intelligence as a New Economic and Political Reality. *Russian Economic Journal*. 2020;4:3-30. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2020-5-3-33> (In Russ.).
7. Masalov E.I., Starykh S.A. Artificial Intelligence as a Basis for the Formation of a New Economic Structure of Countries. *Management accounting*. 2025;6:206-212. DOI: 10.25806/uu-5292 (In Russ.).
8. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press (Political Economy of Institutions and Decisions). 1990. doi: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>
9. Romer P.M. Endogenous technological change. *Journal of political Economy*. 98(5, Part 2). doi: <https://doi.org/10.1086/261725>
10. Trabelsi M.A. The Impact of Artificial Intelligence on Economic Development. *Journal of Electronic Business & Digital Economics*. 2024;3(2):142-155, doi: <https://doi.org/10.1108/JEBDE-10-2023-0022>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Александр А. Уланов

Кандидат экономических наук,
МГИМО МИД России, Москва, Россия;
119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76;
a.ulanov@inno.mgimo.ru

Alexander A. Ulanov

PhD in Economics,
MGIMO University, Moscow, Russia; bld.
76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia,
119454;
a.ulanov@inno.mgimo.ru

Основные тенденции внутриполитической жизни Республики Молдова в контексте президентских и парламентских выборов 2020–2025 гг. и региональных процессов

Александр В. Гуцин

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
aguschin78@mail.ru*

Аннотация: в статье анализируются основные события внутриполитической жизни Молдавии 2020–2025 гг. Автор показывает, что события этого периода являются во многом продолжением эволюции молдавской политической системы в постсоветский период, в рамках которой большое значение имели идентитарные вопросы и влияние геополитического фактора. Вместе с тем, отмечается, что после прихода на пост президента М.Санду, внутриполитические процессы приобрели ряд новых черт. В частности, констатируется, что трансформация внутриполитического курса Кишинева после прихода на пост президента страны М. Санду характеризуется усилением геополитизации внутриполитической жизни и давления на оппозицию, антироссийских риторике и действий властей, монополизацией медийного поля и гуманитарной политики. В статье анализируется инструментарий административного ресурса, применявшегося властями в ходе выборов, роль коллективного Запада как внешнего фактора, активно влиявшего на результаты выборов, такие особенности политической жизни Молдавии как фактор диаспоры и его электоральное значение. Автор делает выводы относительно ключевых тенденций внутриполитической жизни Молдавии, которые наиболее отчетливо проявились в ходе президентских и парламентских избирательных кампаний и их возможного влияния на дальнейшую эволюцию политической системы Молдавии.

Ключевые слова: Молдавия, Санду, Додон, Приднестровье, выборы, ЕС

Для цитирования: Гуцин А.В. Основные тенденции внутриполитической жизни Республики Молдова в контексте президентских и парламентских выборов 2020–2025 гг. и региональных процессов. *Проблемы постсоветского пространства*. 2026;13(1):64–76. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-64-76>

Поступила 30.01.2026

Принята в печать 22.02.2026

Опубликована 30.03.2026

Main trends in the domestic political life of the Republic of Moldova in the context of the presidential and parliamentary elections of 2020–2025 and regional processes

Alexander V. Gushchin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

aguschin78@mail.ru

Abstract: this article analyzes the main events in Moldova's domestic political life from 2020 to 2025. The author demonstrates that the events of this period are largely a continuation of the evolution of the Moldovan political system in the post-Soviet period, in which identity issues and the influence of geopolitical factors played a significant role. At the same time, it is noted that since the accession of M. Sandu to the presidency, domestic political processes have acquired a number of new characteristics. In particular, it is stated that the transformation of Chisinau's domestic policy after M. Sandu's arrival as president of the country is characterized by increased geopoliticization of domestic political life and pressure on the opposition, anti-Russian rhetoric and actions of the authorities, monopolization of the media field and humanitarian policy. The article analyzes the administrative resources used by the authorities during the elections, the role of the collective West as an external factor actively influencing the election results, and the diaspora factor and its electoral significance in Moldova's political life. The author draws conclusions regarding key trends in Moldova's domestic political life, which were most clearly evident during the presidential and parliamentary election campaigns, and their potential impact on the further evolution of Moldova's political system.

Keywords: Moldova, Sandu, Dodon, Transnistria, elections, EU

For citation: Gushchin A.V. Main trends in the domestic political life of the Republic of Moldova in the context of the presidential and parliamentary elections of 2020-2025 and regional processes. *Post-Soviet Issues*. 2026;13(1):64–76. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-64-76>

Received 30.01.2026

Revised 22.02.2026

Published 30.03.2026

ВВЕДЕНИЕ

Среди всех постсоветских государств Молдавия выделяется, пожалуй, наиболее противоречивой национально-государственной идентичностью. Внутреннее развитие Молдавии в постсоветский период

отличалось многоплановостью, большим влиянием геополитической составляющей, воздействием традиционных черт, присущих молдавскому обществу и элитам, таких как кумэтризм и клиентелизм

[1, с. 205], а в последние годы усилившейся зависимостью от внешнего фактора в лице, прежде всего ЕС. Своеобразный политический, культурный дуализм является в Молдавии, даже по сравнению с другими странами на постсоветском пространстве очень выраженным [2, с.51].

Эти особенности во многом предопределили сложность внутривнутриполитической ситуации в стране, которая после распада СССР столкнулась с множеством внутренних и внешних вызовов. С первых лет независимости в политическом классе Молдавии отчётливо прослеживался раскол между сторонниками унионизма (объединения с Румынией) и молдовенизма (признания самостоятельности молдавской нации). При всей условности такого деления можно утверждать, что традиционная лево-правая политическая ось в Молдавии определяется не столько отношением к социальной справедливости или модели общественного устройства, сколько вопросом идентичности [3, 132-133]. Стратегии политической деятельности основываются во многом на географическом и геополитическом положении страны, которая в современных реалиях оказалась составной частью фронта Россия - Европа.

Важнейшим фактором, детерминирующим внутривнутриполитическое развитие Молдавии и ее внешнюю политику на протяжении всего постсоветского периода был приднестровский конфликт, который отличается рядом специфических черт – меньшим, чем в других постсоветских конфликтах уровнем взаимной вражды, кратковременностью активной военной фазы и, что особенно важно, сохранением связей между регионом сепаратизма и бывшим республиканским центром.

Часть молдавского политического спектра порой была готова к полноценному

диалогу Кишинёва с Тирасполем, другая же стремилась к экономическому и политическому прессингу, видя в них реинтеграционный инструмент. Однако, так или иначе, но представители обоих подходов не признавали особой приднестровской государственности, рассматривали ее создание как искусственную сепарацию, поддерживаемую Москвой.

Россия, в свою очередь, сыграла решающую роль в прекращении боевых действий на Днестре и в развёртывании миротворческой миссии в июле 1992 г.. В 2003 г. она предложила «Меморандум об основных принципах государственного устройства объединённого государства» (известный как «Меморандум Козака») — план создания федерации с широкой автономией для Приднестровья и Гагаузии. Характерным проявлением влияния внешнего фактора молдавскую политику стал срыв его подписания под давлением США и ЕС [4, с. 55-56].

К середине 2010-х гг. в Молдавии произошло обострение внутривнутриполитического кризиса и кризиса идентичности, поставившего под сомнение устойчивость молдавской государственности. Недоверие населения к государственным институтам достигло пиковых значений, а западные партнёры сменили риторику «истории успеха» на обвинения в «захвате государства». Несмотря на это, олигархический режим В. Плахотнюка, используя геополитическую конъюнктуру и периферийное положение страны, сохранял контроль над властью до середины 2019 г. Это стало возможным, в том числе благодаря финансовым ресурсам, в частности стимулированию депутатов, включая представителей Партии коммунистов, наличию компромата на представителей политической системы, общей периферийности молдавского кейса для крупных внешних акторов [5, с. 96].

Несмотря на победу на выборах президента И.Додона, кандидата от Партии социалистов, реальные полномочия находились в руках парламента, где большинство по-прежнему принадлежало Демократической партии. Оно декларировало сохранение прозападного курса и жесткую политическую риторику по приднестровскому вопросу, выраженную, в частности, в регулярных заявлениях о необходимости вывода ОГРВ и российских миротворцев из Приднестровья. В том же 2016 г. было подписано соглашение об открытии офиса НАТО в Кишиневе. Довольно жесткая позиция Молдавии не позволила существенно продвинуться в решении приднестровского вопроса, а формат 5 + 2 фактически превратился в формат 5 против 2 [6, с.15].

После подписания Кишиневом Соглашения об ассоциации с ЕС, из правительственных документов убрали положение о стратегическом партнерстве России и Молдавии. В 2017 г. из страны выслали пятеро российских дипломатов, на что Россия ответила зеркальными мерами¹. Целому ряду российских чиновников и экспертов въезд в Молдавию был запрещен.

Несмотря на то, что в 2018 г. было принято политическое решение, инициированное президентом Додоном, согласно которому Молдавия стала наблюдателем в ЕАЭС, на то, что к примеру в 2019 г. товарооборот России с Молдавией увеличился на 5,16% по сравнению с 2018 г.² в долевом отношении по сравнению с торговлей с ЕС, проявились иные тенденции. Главным торговым партнером Республики Молдова стала Румыния.

Казалось, события, связанные с приходом к власти летом 2018 г. социалистов и блока ACUM, а также отъездом олигарха В. Плахотнюка, дали Молдавии новые окна возможностей. Она могла бы постепенно трансформироваться в страну-мост между Востоком и Западом, уходя от состояния форпоста в геополитическом смысле, и более эффективно решать задачи своего внутреннего развития. Однако коалиция, просуществовав пять месяцев, распалась после того, как правительство М. Санду отказалось пересматривать процедуру назначения генерального прокурора, и правительству был вынесен вотум недоверия.

Несмотря на серьезный успех в избавлении страны от режима В. Плахотнюка, новая коалиция с самого начала была ситуативной. В условиях усиливающейся напряженности по линии Россия–Запад партнерство между членами нынешней парламентской коалиции вряд ли и могло быть длительным.

Новым важным и рубежным этапом внутриполитической жизни стали президентские выборы 2020 г., в ходе которых роль геополитического фактора была довольно высока. М. Санду и ее сторонники, открыто поддерживаемые коллективным Западом строили свою кампанию на противостоянии России инструментом которой представляли И. Додона.

В ходе избирательной кампании последний все чаще стал обвиняться оппозицией в том, что он идет по стопам В. Плахотнюка, что благодаря новой власти виновные уходят от ответственности за коррупцию при прежнем режиме. В немалой степени этому способствовали ряд материалов, высвечивающих

¹ Россия ответила на высылку своих дипломатов из Молдавии. 31.05.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/05/31/692376-rossiya-otvetila> (дата обращения: 20.12.2025)

² В 2019-м товарооборот между РФ и Молдовой вырос на 5%. URL: https://www.ng.ru/cis/2020-10-01/5_7979_news1.html (дата обращения: 20.12.2025)

связи И. Додона и Плахотнюка, попавшие в сеть³. В результате в ходе президентской кампании И. Додону не удалось опередить М. Санду, и он уступил во втором туре с довольно серьезным отрывом в шестнадцать процентов голосов. М. Санду, построившая кампанию на популистских лозунгах борьбы с коррупцией и обещаниях экономического чуда, одержала победу во втором туре. Однако, сама кампания ознаменовалась беспрецедентным внешним вмешательством со стороны Запада, с опорой на большой сектор неправительственных организаций и фондов, являвшихся инструментарием «мягкой силы» Запада в Молдавии.

При этом у противников И. Додона был запасён сценарий очередной «цветной революции». Как это и предписывается всеми наставлениями по организации таковых, М. Санду поспешила заблаговременно заявить, что результаты выборов будут сфальсифицированы.

В реальности же активность диаспоры в странах ЕС позволяла предполагать, что именно там и имели место противозаконные методы стимулирования избирателей в пользу М. Санду. И. Додон поначалу даже собирался оспаривать результаты выборов, но оценив невысокие судебные перспективы такой процедуры, отказался от этого намерения. Сыграли свою роль и нежелание портить отношения с ЕС, от благосклонности которого страна критически зависит, и расклад внутривластных сил, в любом случае обрекающий социалистов на поиск союзников [7, с. 51]. При всей оппозиционной риторике идти на поствыборное противостояние властям оппозиция во главе с Додоном была не готова.

ЭВОЛЮЦИЯ МОЛДАВИИ ОТ «ЗАХВАЧЕННОГО ГОСУДАРСТВА» К ВНЕШНЕМУ УПРАВЛЕНИЮ

С приходом на пост президента страны М.Санду прозападная политика была заметно активизирована. Период 2020–2024 гг. вообще стал эпохой тектонических сдвигов для политической системы Республики Молдова. За эти четыре года страна пережила смены двух правительств, острый конституционный кризис, последствия пандемии, энергетический шок, обострение военно-политической обстановки вокруг Украины.

Если в начале рассматриваемого периода Молдавия представляла собой классическое «захваченное государство» (имея в виду криминализированный характер власти Плахотнюка) с гибридным политическим режимом, то к его завершению страна оказалась во власти своих внешних патронов из ЕС.

С 2022 г. значительно ускорилась румынизация населения Молдовы, которая затронула практически все сферы жизни общества. Сложная ситуация сложилась в области религии, где власти стимулировали процесс укрепления Румынской православной церкви за счет приходов Русской православной церкви. Используя Румынскую православную церковь в своих интересах, так как румынских церковных общинах популярна идея унии Молдовы и Румынии. В настоящее время в Молдове на всех ключевых постах находятся граждане Румынии, которые реализуют курс, как минимум учитывающий интересы Румынии.

Уже в первые месяцы нахождения у руля власти новая администрация начала сворачивать переговорные процессы

³ Гамова С. Санду поручила прокурорам разобраться с «кульком» Додона. 24.05.2022. URL: https://www.ng.ru/cis/2022-05-24/5_8443_moldova.html (дата обращения: 11.12.2025)

с Москвой. М. Санду заявляла о намерении посетить Россию для решения насущных проблем – экспорта, газа, трудовых мигрантов, – однако визит так и не состоялся, а риторика становилась все более русофобской⁴. Вместо диалога Молдова начала послушно следовать в фарватере антироссийской политики коллективного Запада. Решением Конституционного суда Молдавии русский язык был лишен статуса языка межнационального общения.

Удар по Партии социалистов (ПСРМ) и партии «Шор» проводился планомерно. Обыски в офисах, блокировка счетов, уголовные дела против активистов⁵ – все это демонстрировало вектор на зачистку политического поля. Показательно, что преследования усилились после начала Специальной военной операции России на Украине, когда Кишинев решил, что может безнаказанно давить на оппозицию, прикрываясь «гибридной угрозой» с Востока⁶.

Период с ноября 2020 по лето 2021 г. стал временем острого политического противостояния между президентом и парламентом, который представлял собой глубокий конституционный кризис. После отставки правительства И. Кику, поддержанного социалистами, началась борьба за формирование нового кабинета. Президент М. Санду дважды предлагала кандидатов на пост премьера, но они не получали поддержки в парламенте. Ключевую роль в разрешении кризиса сыграл Конституционный суд.

В апреле 2021 года этот орган постановил, что истек 90-дневный срок, ответственный на формирование правительства, и признал наличие оснований для роспуска парламента. Данное решение стало кульминацией многомесячного политического противостояния между новоизбранным президентом и парламентским большинством, сформированным вокруг ПСРМ и её союзников.

Сама процедура назначения кандидатов в премьер-министры была осуществлена президентом с нарушением конституционной практики. Согласно статье 98 Конституции и предшествующим решениям самого КС (в частности, решения № 32 от 29 декабря 2015 года), президент обязан назначать кандидата, предложенного парламентским большинством, а не того, кого предпочитает лично глава государства⁷.

Президент М. Санду последовательно отклоняла кандидатуры, предлагаемые социалистами, и выдвигала собственных ставленников, заведомо зная, что они не получают поддержки в парламенте, тем самым искусственно создавая условия для роспуска законодательного органа. Конституционный суд, ранее признававший подобные действия президента неконституционными, в апреле 2021 года фактически проигнорировал собственную правовую позицию. Кроме того, решение суда было вынесено в условиях действия чрезвычайного положения, введенного парламентом в связи с пандемией

⁴ Что известно о разногласиях в российско-молдавских отношениях с 2020 года. 19.03.2024. URL: <https://tass.ru/info/20282531> (дата обращения: 11.10.2025)

⁵ Антикоррупционная прокуратура Молдавии провела обыски у партии «Шор». 02.11.2022. URL: <https://ria.ru/20221102/shor-1828697084.html> (дата обращения 11.10.2025)

⁶ Санду назвала главными угрозами Молдавии коррупцию и Россию. 11.10.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfrreenews/6526da3e9a794700b17e691c> (дата обращения 12.10.2025)

⁷ Конституция Республики Молдова. Кишинэу, 2024. URL: https://presedinte.md/app/webroot/Constitutia_RM/Constitutia_2024_ru.pdf (дата обращения 20.11.2025)

COVID-19. Согласно законодательству, в период чрезвычайного положения проведение выборов не допускается. Однако КС признал введение чрезвычайного положения нелегитимным, фактически подменив собой законодательную власть.

Парламентское большинство, контролируемое ПСРМ и партий «Шор», предприняло ответные меры, приняв декларацию об узурпации власти Конституционным судом и выразив вотум недоверия трём судьям КС⁸. Когда социалисты попытались оспорить решение КС и выразить недоверие его судьям, Евросоюз и США немедленно осудили эти действия. Верховный представитель ЕС Ж. Боррель назвал голосование парламента «вопиющим нападением на конституционный порядок», а посол США Д. Хоган усмотрел в этом «неуважение к разделению властей»⁹. Примечательно, что аналогичной критики в адрес самого КС, фактически вставшего на сторону одной политической силы, не последовало.

Досрочные парламентские выборы состоялись 11 июля 2021 г.. Предвыборная кампания проходила в условиях острого политического кризиса, спровоцированного, президентом Майей Санду [8, с. 27]. В отличие от PAS, активно эксплуатировавшей абстрактные лозунги борьбы с коррупцией, социалисты и коммунисты предлагали более конкретную программу экономического возрождения. Однако информационное пространство Молдовы, несмотря на формальный суверенитет, оказалось полностью монополизировано прозападными СМИ. Телеканалы, получающие

финансирование из румынских и американских грантов, вели тотальную демонизацию оппозиции, представляя их исключительно инструментом влияния Москвы.

М.Санду целенаправленно формировала образ «женщины-лидера», свободной от традиционных семейных уз, что должно было символизировать разрыв с якобы архаичной традицией. Надо признать, что подобное позиционирование с опорой на прозападный неправительственный сектор нашло поддержку в некоторых слоях общества, особенно среди молодого поколения. В этих условиях дискуссия о газовых контрактах с Россией или о доступе молдавских товаров на российский рынок подменялась спором о ценностях, традиции и цивилизационном выборе, в котором электорат, который выступал за сохранение отношений с Россией позиционировался властями, как архаичный и не прогрессивный.

Выборы принесли победу партии «Действие и солидарность» (PAS), которая получила 63 из 101 депутатского мандата. Решающим фактором победы PAS стало голосование молдавской диаспоры. Именно голоса граждан, работающих в странах ЕС, позволили PAS получить столь значительный перевес. Более того, организация голосования за рубежом носила необъективный характер. В России, где традиционно проживает большое количество молдавских трудовых мигрантов и где симпатии к социалистам высоки, количество избирательных участков было ограничено. Напротив, в странах ЕС открывались дополнительные участки, что обеспечило

⁸ Депутаты от ПСРМ и «За Молдову» приняли декларацию о захваченном характере КС. 23.04.2021. <http://www.evedomosti.md/news/deputaty-ot-psrm-i-za-moldovu-prinyali-deklaraciyu-o-zahvach> (дата обращения: 11.11.2025)

⁹ Посольство США о сегодняшних событиях в парламенте. 23.04.2021. URL: <https://noi.md/ru/politika/posolistvo-ssha-o-segodnyashnih-sobytyah-v-parlamente-trevozhnyj-znak-dlya-budushhego-moldovy> (дата обращения 12.10.2025)

максимальную явку проевропейски настроенных граждан¹⁰. Таким образом, впервые за долгое время в Молдове сформировалось монолитное проевропейское большинство, способное реализовать свою программу без оглядки на оппозицию.

После победы PAS новое правительство было утверждено парламентом 6 августа 2021 года. Кабинет под руководством Н.Гаврилицы был сформирован преимущественно из технократов, выходцев из гражданского сектора и команды президента. Программа правительства «Молдова хороших времен» включала амбициозные цели: тотальную реформу юстиции, борьбу с коррупцией, конфискацию незаконно нажитого имущества и привлечение внешних инвестиций. Однако, реализовать эти планы не удалось.

2022 год ознаменовался энергетическим кризисом, рекордной инфляцией, превысившей 30%, и наплывом бегущих от мобилизации на Украине. Популярность правительства стала снижаться на фоне роста цен и трудностей переходного периода. На этом фоне в стране начались акции протеста, жители требовали отставки властей и компенсации за высокие тарифы. 10 февраля 2023 г. Н.Гаврилица объявила об отставке. 16 февраля парламент утвердил новое правительство во главе с Д.Речаном, главными приоритетами которого были провозглашены выполнение условий Еврокомиссии для начала переговоров о вступлении в ЕС и энергетическая политика.

Внутриполитическая динамика характеризовалась также нарастанием противоречий между центральной властью

и Гагаузской автономией. В мае 2023 г., вопреки давлению Кишинева, жители региона избрали башканом Е.Гуцул – представительницу оппозиционного блока «Шор», открыто выступавшую за углубление связей с Россией. В ответ вместо диалога с автономией Кишинев развернул кампанию давления. Попытки заблокировать работу избранного башкана, непризнание исполкомов, уголовные преследования сторонников Е. Гуцул – именно этот инструмент был задействован политическим режимом М. Санду. В итоге Е. Гуцул была задержана и осуждена к тюремному сроку, несмотря на очевидную политическую составляющую обвинений. Приговоры башкану Гагаузии Е. Гуцул стал не только ударом лично по башкану, но и по всей идее гагаузской автономии, закреплённой в Конституции страны. Тем самым Кишинёв послал адресный месседж гагаузским элитам, что в дальнейшем любые попытки проведения автономной политики будут пресекаться самыми жесткими мерами.

В июне 2022 г. Молдова наравне с Украиной получила статус кандидата в ЕС, а в декабре 2023 г. Евросоюз дал старт официальному началу переговоров о вступлении Молдовы в ЕС, несмотря на то что не все выдвинутые Брюсселем требования были выполнены Кишиневом. В декабре 2023 г. была утверждена новая Стратегия национальной безопасности, а затем, в 2025 г. и военная доктрина, где Россия названа главной угрозой для государственности, а также взят курс на укрепление военного потенциала республики¹¹. Был увеличен военный бюджет¹².

¹⁰ Итоги выборов: еще Молдова или уже Румыния. 12.07.2021. URL: <https://md.sputniknews.ru/20210712/itogi-vyborov-esche-moldova-ili-uzhe-romania-35495487.html> (дата обращения 17.11.2025)

¹¹ В Молдавии утвердили военную стратегию на 10 лет. 08.10.2025. <https://ria.ru/20251008/strategiya-2047016750.html> (дата обращения 21.11.2025)

¹² Военный бюджет Молдавии удвоили за несколько лет, заявила Влах. 27.01.2026. URL: <https://ria.ru/20260127/moldaviya-2070658052.html> (дата обращения 28.01.2026)

Отношения с Россией в этот период резко ухудшились на фоне поддержки Кишиневом антироссийских санкций, а также систематических обвинений со стороны молдавских властей в адрес России относительно того, что Москва якобы дестабилизирует обстановку.

Культурная политика PAS в 2020–2024 годах, как уже отмечалось выше, была направлена на румынизацию и выдавливание русского языка. Власти фактически прекратили участие в работе органов СНГ, денонсировали десятки соглашений и вышли из Межпарламентской ассамблеи. Настоящая война была объявлена российским СМИ. В 2023 г. был заблокирован доступ к десяткам русскоязычных ресурсов – от телеканалов до информационных агентств, включая ВГТРК, НТВ, РЕН ТВ и «Российскую газету», введены квоты на русскоязычный контент.

М. Санду и ее команда начали активно поддерживать блокаду Приднестровья со стороны Украины, надеясь задушить Приднестровье экономически. Это прямо противоречило интересам людей, живущих на обоих берегах Днестра. При этом экономическая зависимость Приднестровья от европейского рынка (экспорт) и от российского газа создавала сложную систему сдержек и противовесов, которую Кишинев пытался использовать в своих интересах. Энергетический кризис в Приднестровье, разразившийся в первые дни 2025 г., стал одним из наиболее серьёзных социально-политических и экономических вызовов для Молдовы. Он фактически разрушил конфигурацию, существовавшую последние десятилетия и являвшуюся частью взаимодействия между берегами Днестра. В результате

этого сформировалась новая энергетическая реальность, которая, как показали события последних месяцев, ни для правого, ни для левого берега не является надёжной¹³. При этом сама экономика Молдавии в 2020–2025 годах пережила серию кризисов, таких как пандемийный спад, инфляция, энергетический кризис.

Несмотря на то, что к 2024 году эксперты фиксировали постепенное восстановление: экономический рост вернулся к уровню 3-4%, инфляция снизилась до целевых 5%, а кредитование возобновилось. Однако структурные проблемы оставались нерешёнными. Экономика Молдовы продолжала характеризоваться высокой зависимостью от потребления, покрываемого импортом и денежными переводами из-за границы. За 2024 год в Молдове на 31 тысячу сократилось количество работников, занятых в аграрной отрасли. Страна оказалась в порочном круге – люди бегут от бедности за границу, объёмы производства сокращаются, экономика падает, ситуация усугубляется еще больше [9, с.90].

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2024 г.

Следующим важным этапом внутриполитического развития Молдовы стали президентские выборы 2024 г. Для понимания результатов выборов 2024 г. необходимо учитывать политический контекст, сложившийся к моменту их начала. К 2024 г. рейтинги правящей партии PAS существенно снизились. Провалы в экономической политике, кадровая некомпетентность и коррупционные скандалы, привели к разочарованию избирателей. Результаты местных выборов в ноябре 2023 года стали тревожным сигналом:

¹³ Чебан С. Политические итоги 2025 г. для Молдовы. 30.12.2025. URL: <https://enewsmoldonline/publicatsia/politicheskie-itogi-2025-goda-dlya-moldovy/> (дата обращения 12.01.2025)

PAS проиграла во всех крупных городах, включая Кишинев.

Столкнувшись с угрозой поражения, команда Санду сделала ставку на два взаимосвязанных инструмента: проведение референдума о евроинтеграции одновременно с выборами и максимальную мобилизацию диаспоры. Идея референдума была предложена европейскими кураторами Молдовы, чтобы гарантировать европейский курс страны на будущее и усилить позиции Санду как его лидера. А. Стояногло, главный оппонент Санду, позиционировал себя как умеренного кандидата, выступающего против односторонней ориентации на ЕС и за восстановление прагматичных отношений с Россией и СНГ. Его поддержала ПСРМ во главе с И. Додоном. Страх перед «про-российским кандидатом» стал главным мобилизующим фактором для избирателей М. Санду. Первый тур президентских выборов состоялся 20 октября 2024 г.

Согласно окончательным данным Центральной избирательной комиссии (ЦИК), после обработки более 97% протоколов действующий президент М. Санду получила 41,89% голосов. Её основной оппонент А. Стояногло набрал 26,30%. Третье место занял Р. Усатый (кандидат от «Нашей партии») с результатом около 15%. Поскольку ни один из кандидатов не преодолел порог в 50% голосов, был назначен второй тур на 3 ноября, в который вышли М. Санду и А. Стояногло.

Наиболее значимым результатом выборов стал не столько итоговый разрыв между кандидатами (М.Санду набрала 55,35%, А. Стояногло – 44,65%), сколько

глубочайший территориальный разлом в волеизъявлении граждан. Характерно, что внутри Молдовы (без учета диаспоры) победу одержал А. Стояногло с 51,19% голосов против 48,81% у Санду. Ее поддержка была высокой в столице и нескольких центральных, тогда как на севере страны, в Гагаузии, и среди избирателей из Приднестровья доминировал А.Стояногло, а голосование в поддержку евроинтеграции также не вызвало энтузиазма, особенно в Гагаузии¹⁴.

Компенсировала это поражение диаспора. Проживающие за рубежом молдаване (около 235 тыс. человек в первом туре) обеспечили М.Санду итоговый перевес. Среди диаспоры уровень поддержки действующего президента достигал 80–90%. Особую роль сыграли страны ЕС и США, где голосование по почте, введенное для граждан в США, Канаде и странах Северной Европы.

Результаты референдума оказались еще более драматичными и поляризованными, чем президентские выборы. С небольшим перевесом (50,35% против 49,65%) идея вступления в ЕС была поддержана большинством граждан, принявших участие в голосовании. Столь минимальный разрыв стал неожиданностью для проевропейских сил и был немедленно интерпретирован властями, в том числе в подконтрольных им СМИ, как свидетельство эффективности кампаний по дезинформации и подкупу избирателей, якобы организованных пророссийскими силами¹⁵.

Президентские выборы продемонстрировали глубокий раскол в обществе, а также то, что молдавские власти прочно

¹⁴ Дубровин И., Борисенко Е. Без права на выборы: за счет чего в Молдавии победила Майя Санду. 4.11.2024. URL: <https://iz.ru/1785405/ivan-dubrovin-elizaveta-borisenko/bez-prava-na-vybory-za-schet-chego-v-moldavii-pobedila-maiia-sandu> (дата обращения 22.01.2025)

¹⁵ Санду обвинила во вмешательстве в выборы «ОПГ и иностранные силы». 21.10.2024. UEL: <https://ria.ru/20241021/sandu-1979044371.html> (дата обращения 13.01.2026)

взяли курс на построение не инклюзивного, а эксклюзивного общественного проекта, усилив политическое давление на оппозицию и активно применяя в электоральном процессе манипулятивные технологии как внутри страны, так и особенно в диаспоре. Еще одним важным индикатором президентской кампании 2024 г. стала усилившаяся геополитизация политического процесса – власть сознательно выдвинула на первый план в ходе предвыборной кампании тезисы о решающем выборе между Европой и Россией, представляя выборы как решающий бой за будущее страны.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ КАМПАНИЯ 2025 г.

Парламентская кампания 2025 г. во многом стала продолжением президентской, однако по своему накалу и степени давления со стороны властей на политических конкурентов стала беспрецедентной. Она шла на фоне продолжающейся румынизации страны, проявляющейся в том числе в области политики памяти и образовательной сфере [10, с. 14–15], продолжалось и даже усилилось давление на Гагаузию, что выразилось не только в незаконном по сути аресте Е. Гуцул, но и в последовательном урезании полномочий автономии с целью подготовить почву для придания им формального, декоративного характера. Это выразилось, в частности, в решении Конституционного суда о лишении Гагаузской автономии права назначать собственного прокурора, а также усилении экономического давления на Комрат.

Как и на президентских выборах 2024 г., к участию в выборах не были допущены сторонники И. Шора, находящегося в настоящее время в эмиграции. Возглавлявшую ориентированный на Шора незарегистрированный блок «Победа» Е. Гуцул в августе 2025 г., как уже

отмечалось выше, приговорили к семи годам лишения свободы по обвинению в незаконном финансировании политических партий. К выборам при этом неожиданно допустили партию «Великая Молдова» экс-прокурора В. Фуртунэ, которая получила 4,5% голосов на президентских выборах в прошлом году. Но перед самыми выборами и «Великую Молдову» сняли с гонки по обвинению в незаконном финансировании и контактах с Шором, причем партию даже не успели вычеркнуть из избирательных бюллетеней. Центризбирком разъяснил, что голоса за нее будут аннулированы, но учтены при определении явки. Это означало их перераспределение в пользу прошедших в парламент партий: в первую очередь выгоду от этого получала PAS. С выборов сняли «Сердце Молдовы» И. Влах — ее кандидатов пришлось исключать из «Патриотического блока». Таким образом, в парламент не были допущены сторонники и бывшего, и нынешнего башкана Гагаузии.

Выборы в Молдове были битвой фобий и страхов, а не битвой программ. При этом результат, что в случае президентских, что в случае парламентских выборов во многом определялся давлением на СМИ, голосованием диаспоры на Западе, блокированием голосования приднестровцев и некоторыми другими факторами. Во время кампании PAS обвиняла оппозиционные партии в предательстве и «работе на Кремль». Это было одной из ключевых тем ее избирательной кампании.

Тем не менее, нельзя не принимать в расчет, что выборы показали, что молдавская власть имеет также пусть и относительную, но все же значительную поддержку. В этих условиях вновь можно говорить и о кризисе оппозиционного политического класса и необходимости поиска новых оппозиционных фигур настроенных

подлинно промолдавски, среди реально-го, а не созданного под контролем Запада так называемого гражданского общества. Вместе с PAS, получившей 55 мандатов и большинство, в парламент прошли еще четыре партии. Однако, выборы продемонстрировали, что нынешний оппозиционный политический сегмент вряд ли может реально выступить открыто против молдавской власти, чему свидетельство его поведение после выборов, которые очевидно происходили с большими нарушениями как внутри страны, имея в виду нарушения процедуры на избирательных участках, блокирование возможностей голосовать гражданам из Приднестровья, так и вне ее - применение административного ресурса в диаспоре и открытие на территории России всего лишь двух избирательных участков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Президентские и парламентские выборы 2024–2025 годов показали глубокий раскол и в молдавском обществе,

и в политическом классе. Все это происходит на фоне сложной военно-политической ситуации в регионе в целом [10, с.15–16]. В этом контексте возрастают риски эскалации вокруг Приднестровья, в котором проживает большое число граждан, имеющих российские паспорта, и которое представляет важный геостратегический и социокультурный субъект для России [11]. Наблюдается активизация военных приготовлений, военно-техническое усиление южного фланга НАТО в районе Днестра, что повышает риски «разморозки» конфликта. Власти Молдавии при этом инструментализируют фактор «российской угрозы», а заявления высших должностных лиц, в частности президента страны о выходе из СНГ или возможном присоединении к Румынии лишь укрепляют нестабильность в стране и вокруг нее, подтверждая тезис о том, что правящая власть в Молдове идет по пути построения эксклюзивного, а не инклюзивного общественно-политического проекта, пользуясь при этом поддержкой ЕС.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кочедыков И.Е. Феномен клиентелизма в молдавской политике. *Постсоветские исследования*. 2024;2(7): 203-213.
2. Соловьев Э. Молдавия: окончательный поворот на Запад? *Россия и новые государства Евразии*. 2022;IV(LVII):50-59. DOI: 10.20542/2073-4786-2022-4-50-59.
3. Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Проблемная европейская идентичность Молдовы: «бои за историю». *Современная Европа*. 2017;6:132-133.
4. Девятков А.В. «Меморандум Козака» в истории приднестровского урегулирования. *Известия Алтайского государственного университета*. 2010;4:52-56.
5. Гуцин А.В. Левченков А.С. Пивовар Е.И. Республика Молдова в 2016–2020 гг.: внутривнутриполитическая ситуация и внешние ориентиры. *Современная Европа*. 2021;3:94-105. DOI 10.15211/soveurope3202194105.
6. Харитонов Н.И. Расстановка сил в регионе приднестровского конфликта в контексте специальной военной операции России на Украине. *Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения*. 2023;2:10–22 DOI: 10.28995/2686-7648-2023-2-10-22.
7. Кандель П. Президентские выборы в Молдове и парламентские в Румынии. *Научно-аналитический вестник ИЕРАН*. 2020;6:59-64. DOI: 10.15211/vestnikieran620205965.
8. Астахова С. Молдавия: итоги парламентских выборов. *Россия и новые государства*

- Евразии*. 2021;III:24-35. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-3-24-35.
9. Астахова С. Молдавия в преддверии парламентских выборов. *Россия и новые государства Евразии*. 2025;II(LXVII):83-92. DOI: 10.20542/2073-4786-2025-2-83-92.
 10. Лавренов С. Молдова накануне решающего выбора: парламентские выборы. *Постсоветский материк*. 2025;(46):4-17. DOI: 10.48137/23116412_2025_2_4.
 11. Постсоветские государства: поиск новой роли в меняющемся мире. Москва: Издательский дом МГИМО; 2026. 15-16.

REFERENCES

1. Kochedykov I. E. The Phenomenon of Clientelism in Moldovan Politics. *Post-Soviet Studies*. 2024;2(7):203-213. EDN NVWULY. (In Russ.)
2. Soloviev E. Moldova: A Final Turn to the West? *Russia and the New States of Eurasia*. 2022;IV(LVII):50-59. DOI:10.20542/2073-4786-2022-4-50-59. (In Russ.)
3. Fadeeva L.A., Plotnikov D.S. Moldova's Problematic European Identity: "Battles for History". *Modern Europe*. 2017;6:132-133. (In Russ.)
4. Devyatkov A.V. "The Kozak Memorandum" in the History of the Transnistrian Settlement. *Bulletin of the Altai State University*. 2010;4: 52-56. (In Russ.)
5. Gushchin A.V., Levchenkov A.S., Pivovarov E.I., The Republic of Moldova in 2016-2020: Domestic political situation and external benchmarks. *Modern Europe*. 2021;3:94-105 DOI: 10.15211/soveurope3202194105 (In Russ.)
6. Kharitonova N.I. The Balance of Power in the Transnistrian Conflict Region in the Context of Russia's Special Military Operation in Ukraine. RGGU Bulletin. Series "Eurasian Studies. History. Political Science. *International Relations*. 2023;2:10-22. DOI: 10.28995/2686-7648-2023-2-10-22. (In Russ.)
7. Kandel P. Presidential elections in Moldova and parliamentary elections in Romania. *Scientific and analytical bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2020;6:59-64. DOI: 10.15211/vestnikieran620205965. (In Russ.)
8. Astakhova S. Moldova: Results of the Parliamentary Elections. *Russia and the New States of Eurasia*. 2021;III:24-35. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-3-24-35. (In Russ.)
9. Astakhova S. Moldova on the Eve of Parliamentary Elections. *Russia and the New States of Eurasia*. 2025;II(LXVII):83-92. DOI:10.20542/2073-4786-2025-2-83-92. (In Russ.)
10. Lavrenov S. Moldova on the eve of a decisive choice: parliamentary elections – 2025. *Post-Soviet continent*. 2025;2(46):4-17. DOI: 10.48137/23116412_2025_2_4. (In Russ.)
11. Post-Soviet States: Searching for a New Role in a Changing World. Moscow: MGIMO Publishing House; 2026. 15-16. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Александр В. Гушчин

Кандидат исторических наук,
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6;
aguschin78@mail.ru

Alexander V. Gushchin

PhD in History Sciences,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, 125993, Russia;
aguschin78@mail.ru

Влияние американского изоляционизма на экономическое развитие России после кризиса 2008 года

Чжу Минян

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия,
zhumy000110@mail.ru*

Аннотация: статья посвящена анализу влияния современного американского изоляционизма на внешнеэкономическую стратегию России. Актуальность исследования обусловлена трансформацией внешнеполитического курса США после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг., когда Вашингтон перешёл от либерального интернационализма к избирательной модели глобального участия, сочетающей отказ от прямых военных обязательств с инструментализацией экономических институтов. Цель статьи – выявить механизмы воздействия американского изоляционизма на российскую экономику и показать, как санкционное давление привело к структурной перестройке финансовой системы, промышленности и энергетического экспорта России. Методологическую основу исследования составляют институциональный подход и метод кейс-анализа. В работе использованы официальные документы (стратегии национальной безопасности США, концепции внешней политики России), статистические данные центральных банков и международных организаций, а также отраслевая аналитика. В результате исследования установлено, что американский изоляционизм не означает равномерного сокращения глобального присутствия США, а представляет собой концентрацию ресурсов на сдерживании ключевых конкурентов, включая Россию. Санкции, блокировка доступа к финансовой инфраструктуре и технологические ограничения принудили Россию к форсированному созданию параллельных платёжных систем (СПФС, цифровой рубль), дедолларизации резервов, переориентации энергопотоков на Азию и развитию механизмов обхода санкций через ЕАЭС. Исследование показало, что американский изоляционизм, парадоксальным образом, ускоряет распад универсального институционального моноцентризма и способствует формированию конкурирующих систем глобального регулирования. Россия, оказавшись на острие этого процесса, становится одним из активных субъектов институционального проектирования, а её сотрудничество с БРИКС и глобальным Югом приобретает системное значение для будущего миропорядка.

Ключевые слова: американский изоляционизм, Россия, экономические санкции, дедолларизация, институциональная конкуренция, системный разрыв, глобальный Юг

Для цитирования: Минян Ч. Влияние американского изоляционизма на экономическое развитие России после кризиса 2008 года. *Проблемы постсоветского пространства*. 2026;13(1):77-91. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-77-91>

Поступила 19.12.2025

Принята в печать 10.01.2026

Опубликована 30.03.2026

The Influence of American Isolationism on the Economic Development of Russia after the 2008 crisis

Zhu Mingyang

Peoples ' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia,
zhumy000110@mail.ru

Abstract: the article analyzes the influence of contemporary American isolationism on Russia's foreign economic strategy. The relevance of the study is determined by the transformation of US foreign policy after the global financial crisis of 2008-2009, when Washington shifted from liberal internationalism to a selective model of global engagement that combines the rejection of direct military commitments with the instrumentalisation of economic institutions. The aim of the article is to identify the mechanisms through which American isolationism affects the Russian economy and to show how sanctions pressure has led to a structural restructuring of Russia's financial system, industry and energy exports. The methodological basis of the research includes the institutional approach and the case study method. The authors draw on official documents (U.S. national security strategies, Russian foreign policy concepts), statistical data from central banks and international organizations, as well as sector specific analytics. The study finds that American isolationism does not mean an even reduction of the US global presence, but rather a concentration of resources on containing key competitors, including Russia. Sanctions, denial of access to financial infrastructure and technological restrictions have forced Russia to accelerate the creation of parallel payment systems (SPFS, digital ruble), de dollarise its reserves, reorient energy flows towards Asia and develop sanctions-evasion mechanisms through the EAEU. The study showed that American isolationism, paradoxically, accelerates the disintegration of universal institutional monocentrism and contributes to the formation of competing systems of global governance. Russia, being at the forefront of this process, is becoming one of the active subjects of institutional design, and its cooperation with BRICS and the Global South is acquiring systemic importance for the future world order.

Keywords: American isolationism, Russia, economic sanctions, dedollarisation, institutional competition, systemic decoupling, Global South

For citation: Mingyang Zh. The Influence of American Isolationism on the Economic Development of Russia after the 2008 crisis. *Post-Soviet Issues*. 2026;13(1):77-91. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-77-91>

Received 19.12.2025

Revised 10.01.2026

Published 30.03.2026

ВВЕДЕНИЕ

Экономический кризис 2008 года не только реконструировал карту мировой экономики, но и коренным образом подорвал основы однополярной гегемонии США в посткризисную эпоху. Это глубоко повлияло на внешнюю политику США, так как консервативные политики и эксперты стали призывать к сворачиванию зарубежных военных вложений, концентрации внимания на внутренних проблемах и придерживаться доктрины «Америка прежде всего» [1, с. 13]. В отличие от традиционного изоляционизма, современный американский изоляционизм не означает полного разрыва с внешним миром, а представляет собой избирательное участие в международных делах при одновременном усилении давления на основных конкурентов, таких как Китай и Россия, и экономически укоренён в экономическом национализме, опираясь на финансовую гегемонию для перекладывания издержек и обслуживания геополитических целей.

Для России, которая долгое время придерживалась курса на интеграцию с Западом и глобализацию, сдвиг во внешней политике Вашингтона стал самым серьёзным изменением внешней экономической среды со времён распада СССР. Продолжающееся усиление американского изоляционизма означает, что Россия вынуждена переосмыслить свой переход от интеграции в возглавляемую Западом глобальную экономическую систему

к развитию в девестернизированном или параллельном экономическом пространстве, что глубоко формирует её финансовую архитектуру, промышленную структуру и энергетический экспорт.

Существующие исследования фокусируются на исторических корнях и современных проявлениях американского изоляционизма [1; 2; 3], а также анализируют процесс и экономические последствия антироссийских санкций [4; 5]. Однако в академической среде всё ещё наблюдается недостаточность исследований американского изоляционизма как системной экономической стратегии, особенно недостаёт анализа того, как он влияет на экономическое развитие России с помощью международных институтов и механизмов глобального управления. В существующих работах редко рассматривается с институциональной точки зрения то, как американский изоляционизм переформатирует логику функционирования инструментов глобального управления, а также то, как это изменение подталкивает Россию к ускоренному сближению с механизмами сотрудничества «Глобального Юга», такими как БРИКС. Цель данной статьи – на фоне мирового экономического кризиса 2008 года проанализировать сущность современного американского изоляционизма, с особым акцентом на его передаточные пути и структурное влияние на экономическое развитие России, осуществляемые через экономическую

политику, финансовые санкции и институциональные инструменты.

В данном исследовании используется комбинированный метод кейс-стади и институционального анализа, комплексно применяются изучение литературы, анализ политических текстов и интерпретация статистических данных. Источники включают: «Стратегии национальной безопасности США» (2015, 2017, 2022, 2025 гг.), «Концепции внешней политики Российской Федерации» (2008, 2013, 2023 гг.), «Стратегию экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» (2017 г.), статистические данные Банка России, открытые данные Министерства финансов и Министерства торговли США, международные медиа-сообщения, а также соответствующую академическую литературу.

СОВРЕМЕННЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ ИЗОЛЯЦИОНИЗМ

Современный американский изоляционизм явился закономерным следствием политического развития США после неуспешной интервенционистской внешней политики Дж. Буша-мл. и финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Популистская волна усиливалась параллельно с нарастанием негативных социально-экономических последствий глобализации и иммиграции [2]. Финансовый кризис обнажил ограниченность ресурсов США для поддержания глобальной гегемонии и затрат на зарубежные интервенции, что привело к росту внутренних требований о стратегическом сворачивании. В этих условиях в американском

обществе постепенно сформировался консенсус о корректировке долгое время проводившейся после холодной войны экспансионистской стратегии либерального интернационализма, что породило современные изоляционистские настроения. В 2009 году исследовательский центр Рев сообщил, что «изоляционистские настроения в США достигли самого высокого уровня за последние 40 лет», и большинство граждан считают, что Америка должна «заниматься своими делами» и «работать на благо силы и процветания США»¹.

Возникновение изоляционистских настроений в США не только повлияло на внутривластную динамику, но и глубоко изменило разработку её внешнеполитической стратегии. Конкретно, характеристикой посткризисной американской стратегии является снижение прямых военных вложений в конфликты на «периферии» и перекладывание издержек на союзников. Выдвинутая администрацией Обамы стратегия «возвращения в Азию» основывалась на логике, что США не в состоянии и не намерены одновременно одержать победу в двух крупномасштабных региональных войнах; в сирийском химическом кризисе 2013 года администрация Обамы в конечном итоге приняла предложение России о замене военной операции на «химическое оружие в обмен на мир», что можно рассматривать как признак нежелания США вновь ввязываться в ближневосточную трясину. Трамп же прямо потребовал от европейских союзников увеличить расходы на оборону до более чем 2% от ВВП². Как отмечают такие учёные, как С.В. Старкин, сущность

¹ Pew Research Center, "America's Place in the World 2009", December 2009. URL: https://www.astrid-online.it/static/upload/protected/PEW/_PEW_America-s-place-in-the-World.pdf (дата обращения: 14.12.2025).

² Remarks by President Trump at NATO Unveiling of the Article 5 and Berlin Wall Memorials – Brussels, Belgium, May 25, 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-nato-unveiling-article-5-berlin-wall-memorials-brussels-belgium/> (дата обращения: 14.12.2025).

современного американского изоляционизма заключается в рациональной реакции на дисбаланс издержек и выгод гегемонии, а его ключевые черты проявляются в трёх аспектах: во-первых, противодействие глобальным военным и экономическим обязательствам, не приносящим чёткой отдачи, и нацеленность на использование ресурсов для внутренних приоритетов; во-вторых, отказ от принятия международных обязательств, выходящих за пределы национальных безопасных границ, и рассмотрение многосторонних обязательств как «стратегических оков»; в-третьих, реструктуризация международных отношений через односторонний выход из международных договоров во избежание ограничения свободы действий государства институтами [3].

В экономической сфере современный американский изоляционизм по сути отрицает принцип свободной торговли, которого США придерживались более полувека, утверждая, что открытая многосторонняя торговая система привела к утечке американского производства, росту торгового дефицита и опустошению внутренней промышленности, поэтому он выступает за защиту внутренней промышленности и рынка с помощью тарифных барьеров, торговых санкций и односторонних торговых правил для репатриации американского производства и усиления экономического суверенитета [6]. Исходя из этой логики, США в экономической сфере придерживаются протекционизма и экономического национализма, усиливая защиту внутреннего рынка и внутренних производителей. Администрация Б. Обамы, хотя риторически и защищала свободную торговлю, одновременно

через «Американский закон о восстановлении и реинвестировании» предоставляла масштабные субсидии отечественной промышленности для стимулирования обратного производства. Трамп же в своей инаугурационной речи провозгласил: «С этого момента ‘Америка прежде всего’» – все решения, касающиеся торговли, налогов, иммиграции и дипломатии, должны приниматься с единственной целью – «приносить пользу американским рабочим и американским семьям»³, публично поддержав экономический национализм, выйдя из Транстихоокеанского партнёрства, блокируя назначение судей в апелляционный орган ВТО и вводя пошлины на основных торговых партнёров, пытаясь через двусторонние переговоры заставить их принять торговые условия, более выгодные для США.

Американский изоляционизм является базовым фоном всей его посткризисной внешней экономической политики, но это сворачивание не исключает заранее выборочного вмешательства в определённых областях или против конкретных противников. Даже в период правления Трампа с его ключевым лозунгом «Америка прежде всего» США не прекращали экономического давления на Россию. Эта политическая установка показывает, что посткризисный американский изоляционизм – это не пропорциональное сворачивание в отношении всех стран, а концентрация ограниченных ресурсов на объектах, воспринимаемых как основные угрозы. В трёх последовательных «Стратегиях национальной безопасности США» за 2015, 2017 и 2022 гг. Россия определяется как «агрессор, которого необходимо сдерживать», «ревизионистское

³ Remarks of president donald J. Trump – as prepared for delivery, January 20, 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/the-inaugural-address/> (дата обращения: 14.12.2025).

государство», «непосредственная и постоянная угроза»⁴. Поэтому в рамках логики стратегической фокусировки американского изоляционизма США усилили экономическое вмешательство в отношении России, и экономические санкции закономерно стали более дешёвой альтернативной политикой многостороннему сотрудничеству в условиях нежелания США платить больше издержек за глобальное управление. Вернувшись в Белый дом в 2025 году, Д. Трамп рассматривает российский вопрос как геополитическую проблему, с которой Европа должна справляться сама, считая, что быстрое прекращение украинского кризиса и восстановление стратегической стабильности с Россией является ядром интересов США⁵. С российской точки зрения, интериоризация внешней стратегии и перекладывание издержек при трамповском изоляционизме косвенно переформатируют внешнюю экономическую среду России. Политика требования к союзникам брать на себя больше оборонных расходов, наоборот, усилила психологический страх Европы перед российской угрозой, тем самым ускорив разрыв экономических связей между Россией и ЕС.

Анализ влияния американского экономического изоляционизма на Россию требует не только учёта таких показателей, как объём торговли, количество санкций или потери ВВП, но и глубокого анализа его институциональных последствий, то есть того, как действия США изменили базовую логику функционирования

международных институтов и как это изменение переформатировало отношения других стран со сложившейся институциональной системой.

Ключ к сохранению американской гегемонии после холодной войны заключался в создании и доминировании над глобальной многосторонней институциональной системой, предоставляющей странам предсказуемые институциональные общественные блага [7]. Система долларовых расчётов обеспечивает ликвидность мировой торговли, МВФ и Всемирный банк предоставляют кризисные кредиты – все эти институты вместе создали стабильную международную институциональную защиту. Однако после экономического кризиса 2008 года, особенно после крымского кризиса 2014 года, американский изоляционизм вооружил такие изначально глобальные общественные блага, как долларовая система и торговые правила, для обслуживания геополитических интересов. Эта вооружённая взаимозависимость доказывает, что государство-гегемон может при определённых обстоятельствах превратить эту взаимозависимость в инструмент давления на конкретные страны [8, с. 130].

Для России этот институциональный разрыв доверия имеет решающие когнитивные последствия. До 2008 года, несмотря на недовольство России западным порядком, её базовая стратегия заключалась в том, чтобы добиться более выгодного положения в рамках этого порядка. В условиях же вооружения США

⁴ National Security Strategy of the Unites States of America, February 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf ; National Security Strategy of the Unites States of America, December 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> ; National Security Strategy of the Unites States of America, October 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 01.12.2025).

⁵ National Security Strategy of the Unites States of America, November 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 01.12.2025).

институциональными преимуществами такие меры, как поиск дедолларизации, продвижение альтернативной платёжной системы БРИКС и создание региональных торговых правил через Евразийский экономический союз, стали для России неизбежными альтернативными институциональными поисками.

ИЗМЕНЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ РОССИЕЙ США

Накануне финансового кризиса 2008 года российское правительство по-прежнему полагало, что процесс глобализации необратим и что Россия может найти выгодное положение в многополярной западной системе. В «Концепции внешней политики Российской Федерации» 2008 года подчёркивался «огромный потенциал для взаимовыгодного двустороннего торгово-экономического, научно-технического и иного сотрудничества» между Россией и США, а США определялись как «стратегический партнёр», ради чего можно перешагнуть барьеры стратегических принципов прошлого⁶. «Концепция внешней политики Российской Федерации» 2013 года в целом сохраняла эту формулировку, однако в ней уже не использовалось выражение «стратегическое партнёрство», а к экономическому сотрудничеству двух стран были добавлены ограничения «недискриминационного» и «на постоянной основе», что предварительно закладывало критику американского поведения и акцент на защите собственных интересов⁷.

После событий в Крыму 2014 года экономические санкции, введённые США

и их союзниками против России, привели к изменению отношения России к США. К февралю 2025 года на Россию было наложено более 16 000 различных ограничений, что делает её наиболее подсанкционной страной в мировой истории. Масштабность и системность введенных ограничений охватывают финансовый сектор, технологическую сферу, энергетический комплекс и логистические цепочки [4, с. 2]. Это заставило российские элиты осознать, что правила экономической глобализации могут быть вооружены Западом, и поэтому только обладание экономическим суверенитетом в финансовой и критически важной инфраструктурной сферах может гарантировать политическую независимость и безопасность страны. В «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» было чётко введено понятие «экономический суверенитет» как объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств. В стратегии также указывалось, что развитые страны используют свои преимущества, превращая экономику и высокие технологии в инструменты глобальной конкуренции, применяя дискриминационные меры против ключевых секторов российской экономики и ограничивая доступ к иностранным финансовым средствам и технологической поддержке⁸. «Концепция внешней политики Российской Федерации» 2023 года пошла дальше, поставив задачу снижения

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации, 15 июля 2008 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 30.11.2025).

⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации, 18 февраля 2013 года. URL: <https://ir.rudn.ru/books/b2/31.pdf> (дата обращения: 30.11.2025).

⁸ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, 13 мая 2017 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090?ysclid=molz21kc4o990409005> (дата обращения: 30.11.2025).

зависимости экономики России от недружественных государств с их переориентацией на государства, проводящие конструктивную и нейтральную политику в отношении Российской Федерации⁹. На этом этапе российское правительство пришло к выводу, что возглавляемый США экономический порядок больше не является устоявшейся рамкой, в которую можно стремиться интегрироваться, а стал внешним фактором, который необходимо системно замещать.

ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

В условиях нового американского изоляционизма и санкций экономическое развитие России столкнулось с всесторонними угрозами. После событий в Крыму 2014 года США ввели против России институционализированные экономические санкции. В отличие от временных санкций, которые ранее служили лишь вспомогательным инструментом дипломатических переговоров, данный раунд антироссийских санкций продемонстрировал три новые характеристики. Юридическая фиксация заключается в том, что принятый в 2017 году закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» частично изъял у президента полномочия по снятию санкций с России, что сделало их практически бессрочными. Расширение сферы означает, что санкции распространились с первоначального замораживания активов конкретных лиц на финансовый, энергетический и высокотехнологичный

секторы. Нормализация вторичных санкций проявляется в привлечении к ответственности компаний и граждан третьих стран, совершающих сделки с подсанкционными российскими организациями, что приводит к глобализации санкционной сети.

США и их союзники заморозили большую часть золотовалютных резервов Банка России и отключили ряд российских банков от системы SWIFT, что стало наиболее прямой внешней угрозой для России. Кроме того, США угрожают вторичными санкциями организациям, проводящим финансовые операции с Россией; под влиянием этого три крупнейших китайских банка (ICBC, CCB и BOC) были вынуждены приостановить платежи из подсанкционных российских кредитных организаций¹⁰. Для ограничения доступа России на международные финансовые рынки к началу 2026 года под санкции попало 68 банков¹¹. Постоянно ужесточающиеся санкции вынудили Россию провести самую глубокую реструктуризацию финансовой системы со времён распада СССР.

Для повышения финансовой безопасности российское правительство проводит политику дедолларизации, значительно сокращая вложения в американские госбумаги и увеличивая диверсифицированные золотовалютные резервы, включая юань. Эти меры направлены на повышение автономии и устойчивости финансовой системы. Согласно последним опубликованным данным Банка России за 2021 год, доллар был вытеснен евро и юанем, составив

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации, 31 марта 2023 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090/page/5> (дата обращения: 30.11.2025).

¹⁰ Три крупнейших китайских банка перестали принимать платежи из России, 21 февраля 2024. URL: <https://www.rbc.ru/business/21/02/2024/65d554ea9a794755d27d8fe4?ysclid=mow2a18nq1526863196> (дата обращения: 23.11.2025).

¹¹ Какие банки находятся под санкциями в 2026 году: полный список, 14 января 2026. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10965728&ysclid=mow2u94iuk306821015> (дата обращения: 23.11.2025).

лишь 10,9% российских валютных резервов, что почти вдвое меньше по сравнению с 21,2% годом ранее¹². По данным Министерства финансов США, в сентябре 2025 года объём вложений России в американские государственные облигации составлял всего 31 миллион долларов, тогда как 10 лет назад этот показатель составлял 170 миллиардов долларов¹³, после заморозки Западом около 300 миллиардов долларов активов Банка России в 2022 году этот процесс дедолларизации оказался дальновидным. Одновременно Россия значительно увеличила долю золота и незападных валют, таких как юань, к марту 2026 года доля золота в общем объёме российских резервов достигла 47,45%¹⁴.

Россия ускорила внедрение расчётов в национальных валютах и создание независимой платёжной системы и финансовой инфраструктуры. С 2019 года страны Евразийского экономического союза начали расчёты в национальных валютах на базе Евразийского банка развития. Доля недружественных валют во внешней торговле России значительно снизилась; к концу 2023 года доля расчётов в рублях и юанях стабильно превышала две трети [5, с. 487]. Ещё после первых финансовых санкций США в 2014 году Россия приступила к созданию национальной платёжной системы «МИР» и Системы передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС) для защиты

от возможного отключения от долларовой системы, к 2025 году к СПФС подключились участники из 24 стран¹⁵. Россия также продвигает цифровой рубль (ЦВЦБ) – эту независимую от западной финансовой инфраструктуры платформу, которая помогает обходить механизмы мониторинга и исполнения санкций, уменьшая негативное воздействие финансовых ограничений [5, с. 489–490]. Россия активно способствует процессу дедолларизации в рамках БРИКС, смещая фокус обсуждения с введения единой валюты на создание более осуществимой единой платёжной системы [9, с. 57].

Американские санкции против российской промышленности характеризуются юридической фиксацией, расширением сферы и нормализацией вторичных санкций, и их основной ударной целью является разрыв сложившейся модели экономического развития России, основанной на обмене энергетического экспорта на импорт технологий. В 2022 году Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли США (BIS) расширило список контролируемых товаров в отношении России, ограничив экспорт продукции в сферах электроники, связи, авиационного оборудования и включив ряд российских энергетических, судоводных, технологических и оборонных компаний в «список сущностей»¹⁶. Этот удар точно поразил ключевые уязвимости

¹² Годовой отчет 2021 года Банка России. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/40915/ar_2021.pdf (дата обращения: 23.11.2025).

¹³ «По нулям». Россия скинула госдолг США, 25 ноября 2025. URL: <https://ria.ru/20251125/gosdolg-2057230807.html?ysclid=mow59rg288338283685> (дата обращения: 29.11.2025).

¹⁴ Международные резервы Российской Федерации: Ежемесячные значения на начало отчетной даты. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_n/ (дата обращения: 23.11.2025).

¹⁵ К Системе передачи финансовых сообщений ЦБ подключены участники из 24 стран, 02 апреля 2025. URL: <https://ria.ru/20251125/gosdolg-2057230807.html?ysclid=mow59rg288338283685> (дата обращения: 23.11.2025).

¹⁶ Implementation of Sanctions Against Russia Under the Export Administration Regulations (EAR), 03.03.2022. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2022/03/03/2022-04300/implementation-of-sanctions-against-russia-under-the-export-administration-regulations-ear> (дата обращения: 03.11.2025).

цепочек поставок российских высоких технологий. Ещё более разрушительным является то, что нормализация вторичных санкций подвергает риску дружественные страны, не присоединившиеся к санкциям, при экспорте критически важной продукции в Россию, что ещё больше сжимает возможности России по получению технологий и промышленных товаров [10]. К первой половине 2024 года 494 компании из 57 стран подверглись вторичным санкциям США за связи с Россией, главным образом за поставки электронной и промышленной продукции, а также за содействие уклонению стран, уже находящихся под санкциями; большинство из этих компаний находятся в «дружественных» странах, не вводивших ограничения против Москвы¹⁷. Военно-промышленный комплекс, благодаря существующим технологическим заделам и госзаказу, смог сохранить и даже нарастить производственные мощности в условиях санкций, тогда как гражданское производство столкнулось с серьёзными вызовами. Автомобильная промышленность из-за ухода иностранного капитала и прекращения поставок комплектующих резко сократила производство: в 2022 году оно упало более чем на 61% по сравнению с 2021 годом, что ниже даже уровня кризисного 2009 года; это не просто циклический спад, а самый серьёзный структурный разрыв за 30 лет интеграции в глобальные производственные цепочки, вынудивший Россию к перезапуску параллельного импорта [11, с. 230–233]. Для обхода торговых санкций Россия использует региональные интеграционные

механизмы ЕАЭС, импортируя товары, включая продукцию двойного назначения, из стран Центральной Азии для восполнения дефицита внутреннего производства. В 2022 году экспорт смартфонов из Казахстана в Россию увеличился в 2000 раз, а экспорт автомобилей из Армении в Россию – в 225 раз. В 2021–2023 годах внешнеторговый оборот России снизился на 10,2%, но взаимный товарооборот России с Казахстаном вырос на 48%, а с Арменией – более чем в 4,2 раза¹⁸. В этих условиях Россия вынуждена формировать уникальную модель развития, основанную на государственной мобилизации с сохранением рыночных механизмов: государство напрямую вмешивается в экономику через бюджетные ассигнования, госзаказы, юридические изъятия, одновременно позволяя компаниям находить альтернативных поставщиков и рынки сбыта через рыночные каналы [4, с. 2]. При этом система российской экономической дипломатии быстро перестраивается под давлением санкций; государственные корпорации становятся ключевым инструментом реализации экономической дипломатии России для максимальной защиты промышленного развития [12].

В вопросе энергетического экспорта США совместно с Европой, используя доминирующее положение долларовой системы расчётов и услуг морского страхования, ввели нефтяное эмбарго и механизм потолка цен на российскую нефть, насильственно переформируя глобальные потоки энерготорговли. Этот нетрадиционный гегемонистский метод США в энергетической сфере вынуждает

¹⁷ С 2022 года почти 500 фирм коснулись вторичные санкции США за связи с Россией, 26 июля 2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/07/26/1052165-s-2022-goda-pochti-500-firm-kosnulis-vtorichnie-sanktsii-ssha> (дата обращения: 03.11.2025).

¹⁸ Иноземцев В. Санкции и Евразийский Союз, 22 января 2025. URL: <https://ridl.io/ru/sanktsii-i-evrazijskij-soyuz/> (дата обращения: 03.11.2025).

компания «добровольно» прекращать деловые отношения с Россией, нанося ущерб российскому энергетическому экспорту с минимальными издержками. С начала украинского конфликта в 2022 году объёмы и цены на российский газ снизились, а экспорт газа в Европу сократился вдвое, что напрямую подорвало основу нефтегазовых доходов государственного бюджета [13]. Вашингтон не намерен полностью вытеснить российскую энергетику с рынка, так как это вызвало бы собственную инфляцию; его политическая цель – сжатие прибыли России. Однако эти «оставляющие лазейку» санкции возымели обратный эффект, ускорив полную девестернизацию российского энергетического экспорта. Россия приняла «Энергетическую стратегию Российской Федерации на период до 2050 года», согласно которой к 2030 году пропускная способность газопроводов для экспорта на Дальний Восток и в страны Азиатско-Тихоокеанского региона должна быть увеличена до 98 млрд кубометров, а экспорт угля переориентирован на рынки АТР, Ближнего Востока и Африки¹⁹. По словам вице-премьера Александра Новака, к концу 2025 года российский экспорт нефти составил 238 млн тонн, из которых около 80% было направлено в дружественные страны, такие как Китай и Индия, а поставки в Европу составили лишь 25 млн тонн²⁰.

Однако эта трансформация сталкивается со структурными вызовами. Переговоры по газопроводу в Азию – «Сила Сибири-2» – из-за ценовых разногласий долгое время не приводили к результату, а существующих мощностей трубопроводов далеко

недостаточно для поглощения избыточных мощностей по экспорту газа, ориентированных ранее на Европу. Одновременно эмбарго Запада на критически важные технологии и оборудование для сжиженного природного газа отсрочило запуск таких проектов, как «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2», обнажив уязвимость России в высокотехнологичном энергетическом производстве [14, с. 4737]. Переориентация экспорта энергоносителей привела к частичной потере Россией ценового влияния: азиатские покупатели обладают большим выбором на спотовом рынке, а угроза вторичных санкций повышает скрытые издержки международной торговли, вынуждая Россию сохранять долю рынка за счёт больших скидок и более сложных логистических посредников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведённый анализ позволяет утверждать, что современный американский изоляционизм, возникший как реакция на финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и провалы интервенционистской политики, не означает ухода США с мировой арены, а представляет собой избирательную модель глобального участия. Её ключевыми чертами выступают отказ от прямых военных обязательств при сохранении экономического и технологического доминирования, использование доллара и финансовой инфраструктуры в качестве оружия, а также односторонний пересмотр многосторонних правил. Для России этот феномен имел двойной эффект, сконцентрированный в двух взаимосвязанных областях.

¹⁹ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года, 12 апреля 2025. URL: <http://static.government.ru/media/files/LWYfSENa10uBrrBoyLQqAAOj5eJY1A60.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

²⁰ Россия в 2025 году экспортировала 238 млн тонн нефти, 27 февраля 2026. URL: <https://tass.ru/ekonomika/26576377> (дата обращения: 10.11.2025).

В экономической сфере изоляционистская политика США, реализованная через массированные санкции, блокировку доступа к западным технологиям и финансовым рынкам, принудила Россию к форсированному разрыву с прежней моделью интеграции в глобальные цепочки поставок. Во внешнеполитической сфере аналогичное давление привело к окончательному отказу от стратегии «встраивания» в порядок, управляемый Вашингтоном, и к формированию самостоятельной внешнеэкономической повестки, ориентированной на незападные центры силы.

С теоретической точки зрения, практика США по инструментализации механизмов глобального управления подрывает один из фундаментальных принципов международных отношений, а именно предсказуемость и беспристрастность институциональной среды. Такие механизмы, как Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд и международные платёжные системы, которые раньше обычно рассматривались как международные общественные блага, на которые можно положиться, в контексте возрождения американского изоляционизма превращаются в оружие избирательного поражения. Это изменение не только усиливает фрагментацию мировой экономической системы, но и ведёт к ускоренному созданию альтернативных систем регулирования. Россия в данном процессе выступает не изолированным случаем; она демонстрирует, как крупная держава вынуждена создавать параллельные институты, включая Систему передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС), механизмы расчётов в национальных валютах, а также альтернативные логистические и торговые каналы. Это означает, что если тенденция американского

изоляционизма будет углубляться и дальше, результатом станет не обязательно дальнейшая маргинализация России, а, напротив, может ускориться формирование параллельных институтов глобального управления, что окажет продолжительное воздействие на существующую структуру мировой экономики.

Данное изменение приобретает особую важность в контексте нынешней эволюции международной системы к многополярности. Страны БРИКС и более широкие силы «Глобального Юга» становятся важными субъектами, способствующими реконструкции международного порядка. Ответ России на изоляционистское давление представляет собой не просто пассивную адаптацию, а проявляется как системный стратегический разворот, а именно постепенный переход на незападные рынки, финансовые механизмы и сети технологического сотрудничества. В последние годы Россия последовательно продолжает дедолларизацию резервов, повышает долю рубля и юаня в трансграничных расчётах, усиливает сопряжение с китайской трансграничной межбанковской платёжной системой (CIPS) и активно продвигает создание платёжного механизма БРИКС. Одновременно её энергетический экспорт также ускоряет переориентацию на Китай, Индию и другие азиатские рынки. Более того, сама логика «Америка прежде всего» объективно подталкивает другие страны БРИКС к укреплению институциональной автономии. Таким образом, американский изоляционизм не только не укрепляет его прежние однополярные преимущества, но в определённой степени способствует эволюции БРИКС из рыхлой координационной платформы в центр международного сотрудничества с институциональными свойствами.

Для самой России последствия изоляционистской политики США носят ярко выраженный двойственный характер. С одной стороны, обрабатывающая промышленность понесла ущерб из-за разрыва технологических и капитальных цепочек, и Россия вынуждена полагаться на параллельный импорт и государственную промышленную политику для поддержания функционирования. С другой стороны, внешнее давление объективно стимулировало процесс суверенизации финансовой системы России. Одновременно структура российского энергетического экспорта постепенно переориентируется с европейского рынка на азиатско-тихоокеанское направление, а с помощью таких региональных механизмов, как Евразийский экономический союз, формируется новое институциональное буферное пространство. Следует отметить, что эта корректировка носит не краткосрочный адаптационный характер, а представляет собой долгосрочную структурную трансформацию. Будущая модель развития России будет всё меньше зависеть от западного капитала и технологических систем и всё больше основываться на сотрудничестве в рамках БРИКС, Шанхайской

организации сотрудничества и с другими незападными центрами силы.

Следовательно, современный американский изоляционизм по своей сути является стратегическим сворачиванием на фоне обострения внутренних социально-экономических противоречий в США и относительного снижения их глобальных лидерских способностей, однако этот процесс объективно ускоряет размягчение однополярной институциональной системы и реструктуризацию глобального управления. По мере усиления конкуренции между различными механизмами управления и институциональными сетями будущей международной системы, вероятно, будет строиться уже не на единых универсальных правилах, а в большей степени будет проявляться как институциональная координация и стратегическое соперничество между разными группами государств. Россия находится на переднем крае этого трансформационного процесса, выступая не только пассивным адаптантом к новой международной среде, но и постепенно становясь важным участником формирования параллельных международных институтов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Хань Чжаоин, Юе Фэн. Анализ тенденций нового американского изоляционизма после финансового кризиса. *Китайский научный журнал по американским исследованиям*. 2017;5:9-31.
2. Соколышник Л.М. Американский консерватизм и вызовы внешней политике США в XXI веке: между интервенционизмом и изоляционизмом. *Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020;13(4):278-291. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-13.
3. Старкин С.В., Приписнова Е.С., Гнездова Е.В. Изоляционизм в современной внешнеполитической мысли США: коалиция Куинси. *Via in tempore. История. Политология*. 2023;50(2):515-525.
4. Аничкина О.А. Обеспечение национальной экономической безопасности в условиях внешних угроз и санкций:

- теоретико-методологические основы и практические механизмы реализации в современной России. *Вестник евразийской науки*. 2025;4:1-18.
5. Василевский И.М. Переход России к расчетам в национальных валютах в контексте изменений в мировой валютно-финансовой системе. *Экономика и управление*. 2024;30(4):484-491. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-4-484-49>
 6. Пеньковцев Р.В., Шибанова Н.А., Р.Н. Чанышев. Усиление разногласий между США и европейскими странами в период первого президентства Дональда Трампа. *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. 2025;167(5-6):102-114. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.102-114>
 7. Богданов А.Н. Гегемония США и проблема легитимации доминирования в международной политике: к переосмыслению западных концепций. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022;3:47-68.
 8. Смородинская Н.В., Катуков Д.Д., Малыгин В.Е. Трампономика как апофеоз экономического и технологического национализма. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2025;6:127-146.
 9. Гусев К.Н. БРИКС: от идеи единой валюты к системе расчетов и обратно. *Современная Европа*. 2025;3(131):56-66.
 10. Новикова Е. С. Влияние санкционной политики на трансформацию торгового взаимодействия стран в рамках мировой экономики. *Международная торговля и торговая политика*. 2022;4:140-155.
 11. Закревская Я.А. Мировая и российская автомобильная промышленность: период адаптации. *Образование и право*. 2023;12:228-237.
 12. Зайцев М.Р. Ключевые направления трансформации системы экономической дипломатии Российской Федерации после 24 февраля 2022 г. *Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика*. 2025;17(4):217-243. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2025-17-4-217-243>
 13. Хаджи А.С. Эволюция внешнеполитического аспекта в энергетической стратегии Российской Федерации. *Международные отношения*. 2024;4:142-155.
 14. Пыхов П.А. Оценка влияния санкций на энергетическую безопасность России. *Креативная экономика*. 2022;16(12):4731-4746. DOI: 10.18334/ce.16.12.116997

REFERENCES

1. Han Zhaoying, Yue Feng. An Analysis of the Trend of New American Isolationism after the Financial Crisis. *Chinese Journal of American Studies*. 2017;5:9 31 (In Chinese).
2. Sokolshchik L.M. American Conservatism and the Challenges to US Foreign Policy in the 21st Century: Between Interventionism and Isolationism. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2020;13(4):278-291. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-13 (In Russ.).
3. Starkin S.V., Pripisnova E.S., Gnezdova E.V. Isolationism in Contemporary US Foreign Policy Thought: the Quincy Coalition. *Via in tempore. History. Political Science*. 2023;50(2):515 525 (In Russ.).
4. Anichkina O.A. Ensuring National Economic Security under External Threats and Sanctions: Theoretical and Methodological Foundations and Practical Implementation Mechanisms in Contemporary Russia. *Bulletin of Eurasian Science*. 2025;4:1 18 (In Russ.).
5. Vasilevsky I.M. Russia's Transition to Settlements in National Currencies in the Context of Changes in the Global Monetary and Financial System. *Economics and*

- Management. 2024;30(4):484–491. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-4-484-49> (In Russ.).
6. Penkovtsev R.V., Shibanova N.A., Chanyshiev R.N. Growing Disagreements between the United States and European Countries during Donald Trump's First Presidency. *Uchenye Zapiski of Kazan University. Humanities Series*. 2025;167(5 6):102–114. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.102-114> (In Russ.).
 7. Bogdanov A.N. US Hegemony and the Problem of Legitimising Dominance in International Politics: Rethinking Western Concepts. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2022;3:47–68 (In Russ.).
 8. Smorodinskaya N.V., Katukov D.D., Malygin V.E. Trumpism emerged as the Apotheosis of Economic and Technological Nationalism. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2025;6:127–146 (In Russ.).
 9. Gusev K.N. BRICS: From the Idea of a Single Currency to a Payment System and Back. *Contemporary Europe*. 2025;3(131):56–66 (In Russ.).
 10. Novikova A.S. The Impact of Sanctions Policy on the Transformation of Trade Interaction between Countries in the World Economy. *International Trade and Trade Policy*. 2022;4:140–155 (In Russ.).
 11. Zakrevskaya Yes.A. Global and Russian Automotive Industry: A Period of Adaptation. *Education and Law*. 2023;12:228–237 (In Russ.).
 12. Zaitsev M.R. Key Directions of the Transformation of the Economic Diplomacy System of the Russian Federation after 24 February 2022. *Moscow University Bulletin. Series XXV. International Relations and World Politics*. 2025;17(4):217–243. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2025-17-4-217-243> (In Russ.).
 13. Khadzhi A.S. Evolution of the Foreign Policy Aspect in the Energy Strategy of the Russian Federation. *International Relations*. 2024;4:142–155 (In Russ.).
 14. Pykhov P.A. Assessment of the Impact of Sanctions on Russia's Energy Security. *Creative Economy*. 2022;16(12):4731–4746. DOI: 10.18334 / ce.16.12.116997 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Чжу Минян

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6;
zhumy000110@mail.ru

Zhu Mingyang

Peoples ' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia;
zhumy000110@mail.ru

